

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

ВЫПУСК

XXV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1955

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А.А.СИВЕРСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА
1955

В. Я. Мухоморов

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ОРЕШНИКОВА
(1855—1955)

ОТ РЕДАКТОРА

Нумизматический сборник памяти А. В. Орешникова подготовлен Государственным Историческим музеем в связи с исполняющейся в сентябре 1955 года столетней годовщиной со дня рождения А. В. Орешникова (1855—1955).

Основной специальностью А. В. Орешникова была нумизматика и в первую очередь ее русский и античный разделы, а также раздел истории медальерного искусства.

В последнее время значение нумизматики в системе исторических дисциплин неизмеримо возросло. Ее возможности в решении важнейших проблем истории товарного обращения, мало учитывавшиеся прежде, привлекают все большее и большее внимание исследователей истории античного и средневекового общества.

Большинство входящих в настоящий сборник статей носит теоретический характер. В них ставятся важные проблемы современной нумизматики.

Значительный интерес представляет изучение монет советского периода.

Содержание сборника составляет критическое развитие богатейшего научного наследия А. В. Орешникова.

Будут изданы две части сборника. Первая часть посвящена вопросам русской нумизматики. Во вторую часть войдут статьи по вопросам античной и восточной нумизматики.

В сборнике представлены статьи нумизматов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Ташкента, Сталинабада и Одессы.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

ПАМЯТИ А. В. ОРЕШНИКОВА

Сто лет со дня рождения — важная веха. Для научного работника это серьезное испытание временем. Этого испытания не выдержали многие ученые, пользовавшиеся при жизни признанием и почетом. После смерти они забыты, и труды их стоят спокойно на полках библиотек. Но встречаются и такие ученые, которых потомки ценят даже больше, чем современники. К ним принадлежит и А. В. Орешников, самый крупный из русских нумизматов. При его жизни, в конце XIX и начале XX века, его труды читали преимущественно нумизматы. Теперь все советские историки и археологи, изучающие античность или древнюю Русь, читают и перечитывают эти труды. И совершенно естественно возникла мысль отметить столетие со дня рождения А. В. Орешникова.

Алексей Васильевич Орешников родился 9 сентября 1855 года в Москве, в купеческой семье. Его отец, Василий Павлович, вел оптовую торговлю юфтью. Орешниковы были московские купцы, но происходили они из города Любима Ярославской губернии.

С 10 лет А. В. Орешников увлекся собиранием монет и хранил их в коробках под кроватью. Это детское увлечение впоследствии переросло в научную специальность.

В. П. Орешников имел лишь одного сына (были еще дочери) и хотел, чтобы он продолжал вести его дело. Ему не нравились научные интересы сына. А. В. Орешников не получил поэтому высшего образования. Он окончил в соответствии с желаниями отца Московскую практическую академию коммерческих наук, давшую ему мало знаний для его будущей деятельности. Он вынес, впрочем, отсюда знакомство с новыми языками, которые вскоре изучил в совершенстве. Будучи еще учеником Практической академии, Алексей Васильевич организовал из своих соучеников кружок собирателей монет, одним из членов которого был А. М. Подшивалов, тоже впоследствии нумизмат. С ранней молодости А. В. Орешникову пришлось работать в торговом деле отца. Тем не менее он сумел приобрести путем самообразования разносторонние историко-филологические знания и изучить древние языки. Много работая над собой, он достиг уже в молодости такого культурного уровня, какого редко достигали профессиональные ученые. В двадцатилетнем возрасте Орешников прожил год в Риме и познакомился там с античными древностями, любовь к которым сохранил на всю жизнь; римскую историю и быт древних римлян он всегда знал превосходно. Но научную

свою деятельность он начал с изучения северо-восточных областей античного мира, территории которых составляют часть нашей родины.

В 1881 году Алексей Васильевич с большим успехом прочел в Московском археологическом обществе свой первый научный доклад (о монетах Боспора Киммерийского) и был избран в члены-корреспонденты этого общества, а в 1883 году — в действительные члены. С 1882 года у него на дому стали собираться любители монет. Так в 1884 году возник Московский кружок нумизматов, из которого впоследствии выросло Московское нумизматическое общество.

С 1886 года Алексей Васильевич начал составлять описание монетного собрания Московского университета, куда им были переданы и его многочисленные личные коллекции монет; описание это было издано университетом в 1891 году.

Торговая деятельность сильно мешала научной работе Орешникова. Он, по настоянию отца, возглавлял предприятие. От большей части забот его избавил приказчик Г. И. Жижин, который был его близким другом и фактически вел дело. В 1885 году умер В. П. Орешников, и Алексей Васильевич постепенно отошел от торговой деятельности, а затем и ликвидировал дело.

С самого открытия Исторического музея в Москве, то есть с 1883 года, Алексей Васильевич был там одним из его деятельнейших сотрудников, но работал сначала неофициально и бесплатно. Музей был вынужден представлять списки сотрудников на утверждение царя, и Александр III собственноручно вычеркнул Орешникова как лицо недворянского происхождения. Лишь в 1887 году дирекция музея добилась утверждения А. В. Орешникова в штатной должности хранителя. В музее он без перерывов работал до самой своей смерти — до 1933 года.

Ровно 50 лет жизни отдал Орешников музею. Там он бесценно заведовал монетным собранием, но не ограничивался этим. Через него всегда шло приобретение новых музейных предметов, и гигантский рост коллекций этого единственного в своем роде музея связан с его именем. А. В. Орешников вел инвентарную книгу музея. Это требовало разносторонних исторических и археологических знаний. Как отметил в его некрологе академик М. Н. Сперанский («Известия Академии наук СССР», отделение общественных наук, 1933, № 6—7), А. В. Орешников был знатоком «самых разнородных сторон старинного русского быта, начиная с ископаемых древностей, драгоценной и простой утвари, икон и обстановки старого быта, нумизматики и кончая одеждами, оружием, старой гравюрой, портретом, лубочной картиной, аптечной посудой и старым рукописным документом».

А. В. Орешников был всегда тесно связан с периферийными научными работниками. Он был членом Одесского общества истории и древностей, Казанского общества истории, археологии и этнографии, Ростовского (Ярославской губернии) музея и девяти ученых архивных комиссий: Витебской, Владимирской, Калужской, Псковской, Рязанской, Таврической, Тверской, Тульской и Ярославской.

В советское время научная деятельность А. В. Орешникова была отмечена избранием его в 1928 году в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Скончался А. В. Орешников 3 апреля 1933 года в Москве.

Орешников совмещал две специальности. Античная нумизматика и русская нумизматика — две далеко разошедшиеся ветви одной науки — не были друг с другом связаны, так как та и другая требуют много специальных знаний. И в обеих областях науки Орешников сумел стать

не только нумизматом, но и историком, чем отличался от всех своих коллег. Мало сказать, что античные монеты Северного Причерноморья он изучал не в отрыве от античного мира, как некоторые нумизматы. Он не только в совершенстве владел всем греко-римским нумизматическим материалом, но и хорошо знал античный мир в целом, знал его историю, эпиграфику и археологию. Он, не в пример другим нумизматам, всегда сопоставлял монеты с известиями о них античных авторов, с надписями и с древними вещами. Поэтому он и смог показать, каким важным источником для изучения древней истории Причерноморья являются монеты. Изучая древнюю Русь, он стал первым широко применять подобные приемы, привлекая летописи, родословные книги и древние вещи, делая по монетам новые для истории выводы. Сопоставление разнородных истерических источников было характерной чертой научного метода Алексея Васильевича. Основная задача настоящей статьи — показать это на примерах.

Неоднократно А. В. Орешников напоминал, что «нумизматика — вспомогательная дисциплина истории»; на склоне лет, в 1929 году, он посвятил доказательству этого положения особую статью. Выступая еще в 1914 году против коллекционеров, подбиравших и издававших монеты XVIII века по «особому типу хвоста орла», по пропущенной запятой и т. д., он говорил, что монеты важны только как вспомогательный для исторической науки материал.

Невозможно сказать, которой из двух своих специальностей А. В. Орешников занимался больше, — он равномерно распределял между ними свои силы.

Начал он свою деятельность, будучи еще молодым человеком, с изучения монет Боспора Киммерийского и неоднократно к ним впоследствии возвращался. В 1884 году в книге «Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам» он установил связь между эпиграфикой и нумизматикой, чего не делали другие исследователи. Ему удалось доказать, что Спартокиды в Пантикапее и Феодосии долго назывались только архонтами, что говорило о республиканском происхождении их власти. Царями они долго величали себя только для «варварских» народов. Так было до III века до н. э. В III веке эти титулы слились. Ни надписи ни монеты сами по себе для этих выводов недостаточны, но их сопоставление вполне убедительно.

В той же книге путем сопоставлений Орешников намечает генеалогию и порядок наследования Спартокидов на протяжении всех четырех веков существования этой династии. Прошло 70 лет со дня выхода этой книги начинающего нумизмата, но донныне эта книга — классическая.

В 1887 году нумизматические наблюдения Орешникова установили для науки интересные сведения о возвышении Асандра. Этот выдающийся государственный деятель Боспора даже после своей победы над Митридатом Пергамским не решался объявить себя главой государства, пока жив был Цезарь, друг Митридата. Но когда на Боспор пришло известие о мартовских идах, изображение Асандра появилось на боспорских монетах.

В 1914 году новое сопоставление монет и надписей позволило Орешникову разобраться в римских переименованиях боспорских городов.

В 1921 году история царствования Митридата, сына Аспурга, была им прослежена путем сопоставления монет с известиями Тацита, Диона Кассия и других историков.

Изучая отражение в Причерноморье римских гражданских войн, А. В. Орешников заинтересовался бродячей династией (династия эта царствовала на ряде престолов), которую основал любопытный авантюрист, сын малоазиатского ратора Полемон. В 1885 году по монетам, надписям и рассказам историков Алексей Васильевич выяснил биографию Пифодориды, жены и наследницы Полемона, внучки Антония триумвира. Оказалось, что она, несмотря на свое происхождение, исчисляла эру на своих монетах с победы Августа над Антонием при Акции в 31 году до нашей эры. Это было типичной лестью позднеэллинистических царей римскому принцепсу. Мало того, на своих монетах Пифодорида поместила козерога только потому, что под знаком козерога родился Август. В 1911 году Орешников подобными исследованиями выяснил биографию внука Полемона и Пифодориды — Марка Антония Полемона, принявшего имя своего прапрадеда, триумвира, и царствовавшего сначала в Понте, а затем в Киликии до времени Гальбы включительно.

Наряду с нумизматикой эллинистических царств Орешников изучал нумизматику греческих полисов, больше всего Херсонеса. В 1913 году он дал историческую классификацию монет этого города, установив четыре периода его истории: автономию (IV—II века до н. э.), боспорское влияние (по 25 год до н. э.), так называемое «царствование Девы» (до середины II века) и римскую элветерию — так называемую «свободу» (до середины III века). Значение этой классификации далеко выходит за пределы нумизматики. В 1913 году для истолкования херсонесских монет с изображениями Диоскуров он привлек мраморный рельеф с подобным изображением Диоскуров, найденный в Херсонесе в 1903 году. В 1922 году ему удалось определить изображение богини Херсонас, олицетворявшей общину Херсонеса Таврического. Это оказалась молодая женщина с лирой в руке.

Для нумизматических выводов А. В. Орешников привлекал и мелкие курганные находки. Так, в 1911 году он сравнил фигуры на некоторых монетах Керкинитиды с фигурами на золотом полтавском курганном пояском наборе и доказал, что на этих монетах изображен скиф, а не речной бог, как раньше думали.

Этого речного бога он развенчал, другого, наоборот, восстановил в правах. Божество на монетах Тиры считали Аполлоном, но Орешников усмотрел у него рожки и доказал в 1921 году, что это признак речного бога реки Тиры (Днестра).

До Орешникова скифская нумизматика находилась в совершенно хаотическом состоянии. Он внес в нее в 1914 году систему, установив две серии монет скифских царей — собственно скифскую, точнее скифо-ольвийскую, и гетскую. Этот вывод хорошо обоснован нумизматически и исторически.

Свои исследования по русской нумизматике А. В. Орешников изложил в самой большой и важной своей книге «Русские монеты до 1547 г.», долго подготавливавшейся и вышедшей в 1896 году. В ней он дал единую классификацию древнерусских монет, которая всеми позднейшими исследователями была подтверждена и остается общепризнанной и донныне, хотя прошло более полувека. Классификации предыдущих нумизматов (Черткова, Шодуара, Шуберга, Рейхеля, Гуттен-Чапского, Сонцова, графа Толстого) не были долговечными; это связано с тем, что перечисленные нумизматы не были историками (заслуги Черткова, впрочем, велики, что всегда отмечал и сам Орешников). Орешников проявил в этой книге исключительную осторожность, воздерживаясь от

выводов всюду, где они не были вполне доказаны. Но доказать ему удалось многое — это опять связано с привлечением разнородных источников. Он использовал известия летописей и родословных книг, изображения на печатях, на вещах и в рукописных книгах. Им были привлечены не только изданные, но и неизданные родословные книги князей. Так, например, Орешников нашел упоминаемые в летописи золоченые новгородки. Он первый усомнился в том, что на новгородских монетах изображен князь (впоследствии его сомнения подтвердились). Изображения охотничьих сцен на монетах Бориса Александровича Тверского он связал со знаменитыми изображениями на рогатине этого князя. Другие изображения на монетах Бориса Александровича и Михаила Борисовича он связал с миниатюрами русских лицевых Александрий. Такие сближения были для нумизматики совершенно новы. Понижение монетного веса в Нижнем-Новгороде в начале XV века при Иване Борисовиче Тугом Луке и Александре Ивановиче Брюхатом Орешников подтвердил летописным исчислением нижегородских цен 1412 года.

Блестящим примером исторической интерпретации является объяснение монет Ростова. На многих из них по два имени. Этого до Орешникова не учел никто, хотя такие монеты издавались и атрибуировались почти всеми его предшественниками. Он связал этот факт с известиями родословных книг о разделении Ростова Великого пополам между двумя князьями. Один князь правил на Борисоглебской стороне, другой — на Сретенской. А. В. Орешников установил по монетам три пары таких князей, не известных истории.

Создав, таким образом, основу для дальнейших работ по древнерусской нумизматике, Орешников сделал и впоследствии ряд исторических выводов. Изучая вызывающие споры тверские пула с буквой Д, окруженной точками, он доказал в 1897 году, что Иван III дал своему внуку Дмитрию денежный откуп в Твери. В 1899 году он установил по монетам порядок наследования ярославских князей вопреки предположениям историков и в соответствии с показаниями родословных книг. Трудно отличить монеты Дмитрия Ивановича Донского Московского от монет Дмитрия Константиновича Нижегородского. Это связано с вопросом, где вообще начали чеканить русскую монету: в Москве или, как думал А. В. Орешников, в Нижнем-Новгороде. Он собрал важные аргументы в защиту своего предположения и разграничил монеты двух Дмитриев по типологии изображений.

Ни о какой связи между русскими денежными слитками и монетами долго не было известно; наконец Алексей Васильевич открыл на одном из этих серебряных слитков клеймо денежного типа с именем Ивана Михайловича Тверского. В 1901 году, издавая тверской клад, где были монеты всех тверских князей, он окончательно доказал, что Иван Михайлович первым начал чеканить в Твери монету.

Для истолкования русских монетных изображений многие ученые предлагали произвести сравнение их с изображениями на печатях. Однако такое сравнение провел только Орешников в 1903 году. Эта была трудная работа и дала она меньше, чем ожидали; печати частных лиц оказались здесь едва ли не полезнее государственных.

Последние годы своей жизни Орешников отдал работе над древнейшими русскими монетами — домонгольскими. Он продолжительное время накапливал материал, но больших выводов по этой трудной теме долго не делал. Из частных выводов, сравнительно ранних, стоит отметить изданное в 1917 году определение монет Олега Тмутараканского.

А. В. Орешников отказался в этой статье от своего старого мнения, будто Олег выпускал не монеты, а своего рода печати. В этом вопросе решающую роль сыграли аналогии в византийской, точнее—в византийско-крестоносной нумизматике. Специфический характер этих монет удалось объяснить личными византийскими связями Олега.

В 1930 году Орешников подвел первые итоги своих сорокалетних работ над монетами Киевской Руси (и подвел блестяще) в небольшой статье, сначала даже не о самих монетах, а о родовых знаках на них, о знаменитых «трезубцах Рюриковичей». Он первым установил эволюцию родового знака Рюриковичей, доказав, что каждый князь имел свой вариант знака. А. В. Орешников составил и генеалогическую таблицу таких вариантов—от Владимира I до Всеволода III, пользуясь для этого не только монетами, но и печатями тех князей, которые монет не чеканили.

Впервые были использованы также княжеские знаки на перстнях, на кирпичах и на других предметах. Многие знаки, до того непонятные, приобрели благодаря этому такое же научное значение, как надписи с княжескими именами. Это открыло для науки разнообразие новые возможности. Орешников успел еще в конце жизни написать итоговую работу «Денежные знаки домонгольской Руси», изданную посмертно, в 1936 году.

В этой краткой статье невозможно, конечно, перечислить все ценные научные выводы, к которым пришел А. В. Орешников в области античной и русской нумизматики. Приведенные примеры имеют целью дать лишь общее представление о научном значении его трудов и об использовании им разнородных источников.

Пишущий эти строки лично, хотя и не близко, знал Алексея Васильевича, будучи в течение последних восьми лет его жизни (1925—1933 годы) его сослуживцем по Историческому музею. Все, кто его знал, никогда не забудут его величавую фигуру. Когда я с ним познакомился, ему было уже 70 лет, но он был еще строен. Высокий и широкоплечий, он выделялся в любой толпе. Его остроконечная бородка и густые усы были уже совершенно белы.

Больше всего хочется сказать об обаянии его речи. Он не любил выступать публично, да и в частных беседах был немногословен. Каждое его слово было продумано, а фразы коротки. Но особенно запомнилось, как он произносил слова. Они звучали у него приятно и полномерно. Таких свойств речи я больше не встречал, хотя слушал многих прекрасных ораторов и увлекательных собеседников.

Человек высокой культуры, А. В. Орешников обладал тонким литературным вкусом и особенно любил Пушкина. Он знал на память множество его стихотворений и целиком «Евгения Онегина». До последних дней он по дороге из дома (с Земляного вала) в Исторический музей учил наизусть те стихи Пушкина, которые еще не помнил. Любимым его стихотворением было «Роняет лес багряный свой убор». Это гениальное поэтическое произведение своим богатством мыслей и чувств было ему особенно созвучно.

О своих научных открытиях Алексей Васильевич умел говорить интересно, но говорил не очень охотно. Надо было его хорошо расспросить, и тогда он рассказывал сжато, и рассказывал так, что его доказательства и приведенные факты навсегда оставались в памяти у собеседника. Нежелание много говорить о своих трудах объяснялось его исключительной скромностью. Это даже перерастало в недостаток—он был совершенно лишен педагогических наклонностей. Впрочем, иногда он

увлекался, показывая монетные и иные коллекции Исторического музея. Он и тогда бывал немногословен, но эти его беседы стоили многих лекций.

До самой смерти, а умер он 77 лет, Алексей Васильевич сохранил редкую ясность ума.

А. В. Орешников был выдающимся человеком. Он был бесспорно общепризнанным виднейшим русским нумизматом. Новые поколения нумизматов должны освоить его богатое наследие, чтобы на основе марксистско-ленинской методологии творчески развивать эту науку.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. В. ОРЕШНИКОВА

Составлен В. Л. Яниным

1883

1. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosphorus. М. 22 стр. и 1 табл.

1884

2. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. (По поводу сочинений б. Кене «Музей кн. Кочубея» и П. О. Бурачкова «Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям северного берега Черного моря». Посвящается VI Археологическому съезду в Одессе). М. 32 стр.

1885

3. Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М. 24 стр.

1887

4. Монеты Восторского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России. Каталог собрания древностей гр. Уварова. Выпуск VII. М. X+124 стр. и 5 табл.
5. Барон Борис Васильевич Кене (некролог). Древности, т. XI, вып. 3. М., прот. № 239, приложение, стр. 97—99.
6. Адольф Петрович Берже (некролог). Там же, стр. 99.
7. Une monnaie au monogramme BAE. Annuaire de la Société française de Numismatique, v. 11. Paris, стр. 274—276.

1888

8. Отчет о состоянии и деятельности Имп. Московского Археологического Общества за 1886—1887 гг. Древности, т. XII, вып. 2. М., стр. 103—120.
- 2а. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. Труды VI Археологического Съезда в Одессе, т. II, М, стр. 80—103.
9. Nouvel essai de chronologie des monnaies d'Assandre. Annuaire de la Société française de Numismatique, v. 12. Paris, стр. 5—9.

1889

10. A propos d'une nouvelle détermination des monnaies au monogramme BAE. Annuaire de la Société française de Numismatique, v. 13. Paris, стр. 56—59.

1890

11. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. Записки Имп. Русского Археологического Общества, т. IV, новая серия. СПб, стр. 14—24 и I табл.

12. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету. М. VIII+353 стр. и 3 табл.
13. Рецензия на книгу Jmhoof-Blumer «Griehische Münzen»¹.

14. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М. 39 стр. и 2 табл.
15. Обзорение монет, найденных в Херсонесе при раскопках в 1888 и 1889 годах. Материалы по археологии России, вып. VII. Древности Южной России. СПб., стр. 33—46.

16. Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грозного. Археологические Известия и Заметки, т. I. М., стр. 153—164.
17. Обзорение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и пр. в России и заграничьем. Там же, стр. 13—15, 60—70, 112—122, 164—173, 209—213, 259—267, 418—426, 446—454.
18. Разные известия. Там же, стр. 25—35, 71—79, 123—127, 174—176, 213—216, 267—272.
19. Библиография. Там же, стр. 35—40, 79—83, 127—137, 183—186, 216—217, 219—220, 273—278, 284—285, 396—398, 431—432, 454—457.
20. Заседания Общества. Там же, стр. 41—47, 83—92, 137—152, 187—200, 224—236, 285—286, 426—430, 457—462.
21. Заседания IX Археологического Съезда в Вильне. Там же, стр. 299—398.
22. Герман Германович Вульфус (некролог). Там же, стр. 236—237.
23. Sceau de plomb du XIII siècle au nom du métropolitain Cyrille. Annuaire de la Société française de Numismatique et d'Archeologie, v. 17. Paris, стр. 446—456.

24. Несколько замечаний о древностях, найденных в селе Парутино в 1891 г. Древности, т. XV, вып. 2, М., стр. 1—14 и 1 табл.
25. Шитый покров на мощи св. Авраамия Ростовского, находящийся во Флоренции. Археологические Известия и Заметки, т. II. М., стр. 44—47.
26. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах. Там же, стр. 301—311.
27. Памятник XV века, находящийся в Белой Палате в Ростове. Там же, стр. 342—352.
28. Обзорение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и пр. Там же, стр. 15—27, 48—52, 105—129, 155—167, 219—228, 254—263, 311—326, 358—365.
29. Заседания Общества. Там же, стр. 22—27, 53—72, 129—144, 167—170, 228—235, 289—293, 365—368, 406—410.
30. Библиография. Там же, стр. 27—30, 72—73, 173—174, 237—288, 410—411, 414.
31. В. В. Чекалин (некролог). Там же, стр. 175—176.
32. Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля». Там же, стр. 193—219.
33. Ваддингтон (некролог). Там же, стр. 293—296.

34. Русские монеты до 1547 года. Имп. Российский Исторический музей. Описание памятников. Выпуск I. М. XX +232 стр., портрет А. Д. Черткова и XXI табл.

¹ Сведения взяты из списка ученых трудов А. В. Орешникова, Известия АН СССР, Отд. гум. наук. Л., 1928, стр. 455.

35. Две древнерусские деньги. Археологические Известия и Заметки, т. 5. М., стр. 379—385.
36. Заметка о потире Переяславле-Залесского собора. Там же, стр. 337—345, 402.

37. Материалы к русской нумизматике до-царского периода. 1) Древнейшее изображение двуглавого орла; 2) О монетах удельного княжества Ростовского; 3) О монетах удельного княжества Ярославского; 4) О монетах великого княжества Суздальско-Нижегородского. Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. 1. М., стр. 11—31.
38. Золотой статер архонта Игиэнонта. Там же, стр. 36—42.

39. Опись серебряным монетным слиткам из собрания Императорского Российского Исторического музея. Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. 2. М., стр. 216—222 и 5 табл.
40. Монета царя Элия. Там же стр. 223—224.
41. Ein Goldstater des Archon Hygiainon. Monatsblatt der Numismatische Gesellschaft in Wien, Bd. V, № 203, стр. 70—75.

42. Золотой статер царя Фарзоя. Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. 3. М., стр. 239—240.
43. Материалы к русской нумизматике до-царского периода. 5) Спасские деньги; 6) Тверской клад. 7) Устюженский клад; 8) Три неизданные монеты Исторического музея. Там же, стр. 317—346.
44. Пожар на «Ольге» (Из моих личных наблюдений). Одесский Листок, № 132, 16(29) июля (Под псевдонимом «Кармен»).

45. Пифодорнда и ее род в Понтийском царстве. Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии, т. 34. Симферополь, стр. 1—17.
46. К некрологу барона Тизенгаузена. Известия Имп. Археологической Комиссии. т. IV, СПб., стр. 142.

47. «Бежецкие монеты». Труды Московского Нумизматического Общества, т. III, вып. 1. М., стр. 6—9.
48. Материалы к русской сфрагистике. Там же, стр. 108—150 и 2 табл.

49. Херсоно-византийские монеты. Труды Московского Нумизматического Общества, т. III, вып. 2. М., стр. 359—373 и 3 табл.
50. О нумизматических каталогах гг. Петрова и Любомудрова (Библиографическая заметка). Там же, стр. 376—381 (Совместно с С. И. Чижовым).

51. Окуловский клад русских денег. Отдельный оттиск из Известий Имп. Археологической Комиссии, т. 27. СПб., 1908, стр. 1—14 и 2 табл.

52. Аптекарская посуда времени Петра Великого. Старые Годы, февраль. СПб., стр. 87—91 и 1 табл.

53. Киплийские монеты царя Марка Антония Полемона. М. 6 стр. Отдельный оттиск из Нумизматического Сборника, т. I. М., 1911, стр. 101—106.
54. Херсоно-византийские монеты (дополнение). М. 6 стр. и 1 табл. Отдельный оттиск из Нумизматического Сборника т. I. М., 1911, стр. 107—112.
55. Полтавская медаль и плакета Гоголя. (Критическая заметка). М. 10 стр. Отдельный оттиск из Нумизматического Сборника, т. I. М., 1911, стр. 487—496.
56. Описание креста, ковчега и киота. В книге М. П. Степанова «Храм-усыпальница вел. кн. Сергея Александровича во имя препод. Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве». М., стр. 153—159.

1910

57. Херсоно-византийские монеты Романа I. М. 4 стр. Отдельный оттиск из Нумизматического Сборника, т. I. М., 1911, стр. 301—304.

1911

58. Материалы к русской нумизматике до-царского периода. 9) Татарские деньги с причеканкою русских букв; 10) О некоторых монетах великого княжества Рязанского; 11) Кашинский пул. Нумизматический Сборник, т. I. М., стр. 373—387.
59. Прибавление третьей короны на двуглавом орле. Там же, стр. 483—486.
60. Медаль в память столетия Московского Университета. Там же, стр. 597—607.
61. Прикладная печать князя Мосальского-Рубца. Там же, стр. 608—614.
62. Челобитный знак Никифора. Там же, стр. 615—620.
63. Х. Х. Гиль. Ум. 14 сентября 1908 г. Там же, стр. 621—624.
64. Редакционная статья к I тому Нумизматического Сборника. Там же, стр. V—VII.
65. Редакционная статья. Там же, стр. 576—578, 579—580.

1912

66. Монеты Херсонеса Таврического, царей Воспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. Нумизматический Сборник, т. II, стр. 1—48 и табл. 1.
67. Московская медаль в память столетия Отечественной войны. (Критическая заметка). Там же, стр. 321—324.

1913

68. Н. И. Щукин (ум. 12 окт. 1912 г.), (некролог). Голос Минувшего, М., стр. 279—281.

1914

69. Орнистотель, денежник Ивана III, Старая Москва, вып. II, М., стр. 50—52.
70. Собрание древностей Д. Я. Самоквасова в Историческом музее. Древности, т. XXIII, вып. 2, М., стр. 411—415.

1915

71. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. 1) Монеты царей Гетов и царей Скифов; 2) Монеты Каркины, Тамираки и гавани Истриан; 3) Ольвийские и Воспорские монеты с головами Горгоны; 4) Монеты Кесарии и Агриппии; 5) Дополнения к нумизматике Пантикапея и Херсонеса Таврического; 6) Объяснение к нумизматической карте Черноморского побережья; 7) Дополнение к нумизматике Ольвии, Керкинитиды, Херсонеса Таврического и царей Воспора Киммерийского. Нумизматический Сборник, т. III, М., стр. 1—68 и табл. 1—2.

72. Замечания на статьи графа И. И. Толстого о монетах великого княжества Московского. Там же, стр. 171—184.

73. Дополнения к нумизматике Ольвии, Херсонеса и Понта. Там же, стр. 185—194.
74. Российское Общество Нумизматов. (Библиографическая заметка). Там же, стр. 284—287.

1916

75. Даниил Гурчин, московский аптекарь начала XVIII ст. Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., стр. 47—69.

76. Василий Андреев, резчик монетных штампов. Там же, стр. 291—294.

77. Описание важнейших памятников Музея по отделам грамот, патентов, монет, медалей и печатей. Отчет Имп. Росс. Историч. Музея в Москве за XXV лет (1883—1908), М., стр. 143—146.

1917

78. Задачи русской нумизматики древнейшего периода. Отдельный оттиск из Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии, вып. 54, Симферополь, 1918, стр. 20—32.

1918

79. Херсонас, божество Херсонеса Таврического. Известия Археологической Комиссии, вып. 65, Пгр., стр. 144—152.

1921

80. К нумизматике преемников Аспурга. Известия Росс. Акад. Матер. Культуры, т. I, Пб., стр. 1—18.

81. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. 1) Новые имена на царских монетах, находимых в Малой Скифии; 2) Божество реки на монетах города Тирь; 3) Из нумизматики Ольвии; 4) О портретных изображениях на городских монетах Сарматии и Боспора; 5) К вопросу об отношениях Мифридата Евпатора и Ольвии. Там же, стр. 217—240.

1922

82. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. 6) О монетных магистратах Херсонеса; 7) Монеты Синдики и Горгиппии; 8) Пантикапей, Мирмикий и Фанагория под разными наименованиями; 9) Монеты царя Синга. Известия Росс. Акад. Историч. Матер. Культуры, т. II, Пб, стр. 113—138.

83. Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах. Там же, стр. 159—164.

1925

84. Фряжских резных дел мастер, серебряник и медальер конца XVII века. Сборник Оружейной Палаты, М., стр. 5—10.

1926

85. Серебряная чашка из Микулина Городища. Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. М., Приложение III, стр. 1—13.

1927

86. Молдавская посуда Московской Оружейной Палаты. (Опыт археологического объяснения. Посвящается профессору С. А. Жебелеву по случаю его 35-летия ученой деятельности). *Seminarium Kondacovianum*, t. I, Prague, стр. 9—20 и 2 табл.

1928

87. Значение нумизматики как вспомогательной дисциплины. Институт Археологии и Искусствознания РАНИОН, IV, В. А. Городцову. М., стр. 257—268.

88. Перестень св. Алексея митрополита. *Seminarium Kondacovianum*, t. II, Prague, стр. 171—186 и табл. XXIII.

89. Рецензия на статью Н. Бауера «Древнерусский чекан конца X и начала XI в.» в Изв. ГАИМК, т. V, 1927. Там же, стр. 365—366.

1930

90. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. Известия АН СССР, Отделение Гуманитарных Наук, стр. 87—112.

1936 (посмертно)

91. Денежные знаки домонгольской Руси. Труды Гос. Исторического музея. Выпуск VI. М. 96 стр. и 6 табл.
92. Долгея. Там же, стр. 87—90.

ПРОТОКОЛЬНЫЕ ЗАПИСИ ДОКЛАДОВ А. В. ОРЕШНИКОВА

1883

93. О бронзовой статуette Вакха, находящейся в музее князя Голицына в Москве. Древности, т. IX, вып. 2—3, М., прот. № 189, стр. 92.
94. Очерк нумизматической литературы за два последние года. Там же, прот. № 202, стр. 78—81.

1885

95. Мнение известного французского археолога Франца Ленормана о бронзовой статуette Вакха из Голицынского музея. Древности, т. X, М., прот. № 208, стр. 50—51.
96. Zum Münzkunde des Sinnerischen Bosporus. Там же, прот. № 211, стр. 58.
97. Сведения о жизни и ученых трудах скончавшегося в прошлом году Франца Ленормана. Там же, прот. № 216, стр. 74.

1886

98. Граф Уваров как исследователь южно-русских классических древностей. Древности, т. XI, вып. I, М., прот. № 221, стр. 10.
99. О надгробных плитах с надписями, найденных при рытье подвалов дома г. Мышкина близ ц. Великомученицы Варвары на Варварке. Древности, т. XI, вып. 2, М., прот. № 227, стр. 44.

1888

100. Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. Древности, т. XII, вып. 1, М., прот. № 243, стр. 31—32.
101. О гипсовой форме, полученной от Н. А. Демидова из с. Быковки Васильсурского уезда Нижегородской губ. Там же, прот. № 269, стр. 94.
102. О преемниках Полемона I-го на Понтийском троне. Древности, т. XII, вып. 2, М., стр. 120.

1890

103. Возражения относительно определения древности шлема и ружейных стволов, найденных в древних помещениях под Красной Площадью. Древности, т. XII, вып. 2, М., прот. № 320, стр. 98.

1900

104. Русские монеты удельного периода как археологический материал (по поводу VI выпуска издания гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства».) Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. 2, М., стр. 84—89.
105. К докладу В. К. Трутовского «Новый взгляд на происхождение загадочного знака на монете св. Владимира». Древности, т. XVII, М., прот. № 439, стр. 121.

1901

106. Краткие сведения о начатых вел. кн. Александром Михайловичем раскопках в имении Ай-Годор. Древности, т. XVIII, М., прот. № 489, стр. 78.

1906

107. Новые приобретения Имп. Российского Исторического музея. Древности, т. XXI, вып. 1, М., прот. № 611, стр. 59.

108. О тестоне папы Клементя VII, 1530 года. Нумизматический Сборник, т. I, М., стр. 628—629.

109. О новом труде Л. Риццоли: «О медали кардинала Пиетро Бембо, приписываемой работе Бенвенуто Челлини». Там же, стр. 629.

110. Об изображении скифа на монетах Керквинтиды. Там же, стр. 629—630.

111. Сообщение о документе, содержащем указ царя Федора Алексеевича, 1677 года, о чеканке чехов в г. Путивле. Там же, стр. 631—632.

112. О монетах Ольвии. Там же, стр. 634—635.

113. О монетах Херсонеса Таврического. Там же, стр. 636.

114. О кладе русских денег, найденных в с. Окулове Нижегородской губ., Горбатовского уезда. Там же, стр. 637.

115. О монете города Агриппин, принадлежащей Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Там же, стр. 638—639.

116. Доклад о поездке в С.-Петербург. Там же, стр. 640—641.

117. Сообщение о новом труде W. Wroth'a «Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum London, 1908, 8°». Там же стр. 641—642.

118. О двух медных монетах из собрания Ф. И. Прове. Там же, стр. 642.

119. Поминка об А. Д. Черткове, по поводу исполнившегося 50-летия со дня его кончины. Там же, стр. 644.

120. О двух медалях: в память 50-летия Парижского трактата 1856 года и о медали в память кн. Васильчикова. Там же, стр. 650—651.

121. О плакете, впервые исполненной на С.—Пб. Монетном дворе, с портретом Л. Ф. Давыдова. Там же, стр. 651.

122. О документе, принадлежащем Московскому Архиву Министерства Юстиции и сообщающем указ царей Иоанна и Петра о севских чехах, битых в 1686 и 1687 годах. Там же, стр. 656.

123. О серебряных обрубках особой формы, найденных близ фольварка Романова Калининской губ., принадлежащих собранию Имп. Росс. Историч. музея. Там же, стр. 659—660.

124. Воспоминание о некоторых членах Московского Кружка Нумизматов, по поводу исполнившегося 25-летия со дня его основания. Там же, стр. 663—664.

125. Сообщение по поводу монет Колхиды, описанных в труде г. Пахомова «Монеты Грузии». Там же, стр. 665.

126. Сообщение о труде А. К. Маркова «О типах русских монет XIV—XV вв.». Там же, стр. 665.

127. Сообщение о труде гр. И. И. Толстого «Деньги вел. кн. Димитрия Ивановича Донского». Там же, стр. 666.

1912

128. О печати богини Девы, упоминаемой в одной херсонесской надписи. Нумизматический Сборник, т. II, М., стр. 333.

129. О медалях, чеканенных на С.—Пб. Монетном дворе в 1910—1911 годах. Там же, стр. 338—339.

1914

130. О медали в память Столетия войны 1812 года, выпущенной Московским городским общественным управлением. Древности, т. XXIV, М., Отчет Имп. Археол. Общ. за 1912—13 гг., стр. 292.

1915

131. О монетообразных знаках с надписью «Господи, помози Михаилу». Нумизматический Сборник, т. III, М., стр. 320.

132. О сборнике Григория Лисенко. Там же, стр. 320.

РЕДАКТОРСКАЯ РАБОТА А. В. ОРЕШНИКОВА

1888

Древности, т. XII, М.

1893

Археологические Известия и Заметки, т. I, М.

1894

Археологические Известия и Заметки, т. II, М.

1899

Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. I, М.

1900

Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. 2, М.

1901

Труды Московского Нумизматического Общества, т. II, вып. 3, М.

1903

Труды Московского Нумизматического Общества, т. III, вып. 1, М.

1905

Труды Московского Нумизматического Общества, т. III, вып. 2, М.

1911

И. Е. Забелин. История Русской Жизни, т. II, 2-е изд., М.
Нумизматический Сборник, т. I, М.

1912

Нумизматический Сборник, т. II, М.

1915

Нумизматический Сборник, т. III, М.
Описание Синодальной, б. Патриаршей, ризницы, М.

1916

Древности, Труды Московского Археологического Общества, т. XXV, М.

1928

В. И. Троицкий. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Часть I, Л.

В. А. ЯНИН

О НАЧАЛЕ ПСКОВСКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ (неопубликованное открытие А. В. Орешникова)

Одним из запутанных вопросов русской монетной хронологии XV века является установление даты начала чеканки монет в Пскове. Противоречивость летописных рассказов об этом событии отмечалась неоднократно и была разобрана исследователем псковских монет И. И. Толстым¹.

Разногласия в летописных датах значительны. Архивский 1-й список Псковской летописи относит начало псковской чеканки к 6928 (1420 год)². Тихоновский и остальные списки то же событие приурочивают к 6932 (1424 год)³. Сравнение хронологии различных редакций показывает, что одной из основных причин этой противоречивости является путаница, внесенная летописцем в исчисление дат, так как под разными годами, как правило, помещаются не только отдельные события, вроде сообщения о денежной реформе, но и целые комплексы синхронных событий. Эта путаница характерна для периода с 1420 по 1425 год.

Однако и подробный анализ хронологии событий, якобы синхронных введению чеканки, не позволяет с уверенностью остановиться на какой-либо из дат, указанных летописью. Летописный рассказ Тихоновского списка содержит следующие сведения: «В лето 6932⁴. Свершены быша перси оу Крому месяца июля в 7 день, а делаша двести муж полчетверта года, и взя оу Пскова делу мзды 1000 рублев, а котории плиту жгли взяша двести рублев. Того же лета приеха Феодор, князь Патрекневич, во Псков на княжение, месяца июня в 11 день. Того лета псковичи отложиша пенязями торговати и начаша в чисте серебре деньги лити. И оттоле начаша деньгами торговати. Того же лета знамение бысть в солнца, месяца июля в 16 день в 10 час. дни»⁵.

Одно из синхронных событий — завершение строительства городских укреплений — повидимому, не могло произойти в 6932 году. Согласно тому же Тихоновскому списку, закладка укреплений (персей) относится к 26 мая 6929 года⁶, а продолжительность постройки достигала трех с половиной лет. Следовательно, окончание строительства нужно относить

¹ И. И. Толстой. Русская допетровская нумизматика. Вып. 2, Монеты псковские. СПб, 1886, стр. 12—14.

² Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 35.

³ Там же, стр. 35.

⁴ В Арх. 1-м списке: «В лето 6928, (индикта) 13 . . . ».

⁵ Там же, стр. 35.

⁶ Там же, стр. 34.

к ноябрю 1424 года, а это для Пскова был уже 6933 год, так как, судя по очередности излагаемых под каждым годом событий, летописец, составивший Тихоновский свод, пользовался сентябрьским циклом. Архивский 1-й список, относивший начало постройки к 6927 году, определяет ту же продолжительность строительства, но для окончания дает 6928 год¹. Несообразность этих цифр очевидна.

Указание на солнечное затмение, также происшедшее якобы в 1424 году, тоже неверно. Никакого солнечного затмения 16 июля 1424 года, как это показывает расчет по таблицам, в Пскове быть не могло. Ближайшее по времени затмение происходило 8 июня 1423 года². Перенос этого явления в 1424 год понадобился летописцу, повидимому, для связи знамения с псковским мором 1425 года.

Одна лишь дата прибытия в Псков князя Феодора Патрикеевича указана в приведенном отрывке верно, так как никаких разногласий с другими русскими летописями она не вызывает.

Таким образом, летописный рассказ, растягивая дату начала чеканки псковских монет на три года (1423—1425), не может служить основанием для точной датировки денежной реформы.

Памятником, несколько уточняющим датировку, до сих пор служила открытая И. И. Толстым печать с изображением головы в короне, подобным изображению псковских монет, и надписью:

ВЪ ЛѢТѢ СЧЛГ СЛНЗІМЗІННДГ || ПЕЧАТЬ ПСКОВЪСКАЯ ТОГДА И ПЕРСИ
(СВЪРЪШЕНЪ КАМЕНЪ)

Точное упоминание года окончания постройки стен — 6933, — вполне соответствующего 17-му кругу солнца, 17-му кругу луны и 3-му индикту, на печати, современной этому событию, исправляет дату летописи. Однако принятие И. И. Толстым года, указанного печатью, за дату начала псковской чеканки не было достаточно обоснованным, так как он опирался на указанную летописью синхронность только двух событий, не устранив остальных противоречий.

Решающее открытие было сделано А. В. Орешниковым, но оно осталось неоформленным и неопубликованным.

В протоколах заседаний Секции нумизматики и глиптики Государственной Академии истории материальной культуры содержится изложение письма А. В. Орешникова А. А. Ильину, о котором последний доложил на заседании 19 октября 1929 года⁴. В письме А. В. Орешникова кратко сообщается об обнаруженной им записи летописного характера в рукописной служебной Минее XV века, хранящейся в Государственном Историческом музее. Рукописные ссылки на ту же Минею, сделанные рукой А. В. Орешникова, содержатся также во всех рабочих экземплярах его труда «Русские монеты до 1547 года», принадлежащих ГИМ'у.

¹ В Арх. 1-м списке: «В лето 6928, (индикта) 13 . . .» стр. 34, 35.

² И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 14.

³ Там же, стр. 1, 14—15; Д. И. Прозоровский. Псковская медаль 1425 года, ЗРАО, т. II (новая серия). СПб, 1887, стр. 124. Полное чтение легенды печати: ВЪ ЛЕ(ТО) 6933 С(О)ЛН(ЦА) (КРУГ) 17 М(ЕСЯЦА) 17 ИНД(ИКТА) ПЕЧАТЬ ПСКОВСКАЯ ТОГДА И ПЕРСИ СВЪРЪШЕНЪ КАМЕНЪ предлагается здесь впервые.

⁴ Архив Ленинградского отделения Института истории материальной культуры. АН СССР, 1929, № 30—32, прот. зас. № 427.

Летописная запись сделана на последней странице пергаменной Минеи из б. Синодального собрания, написанной полууставом в 6933 году¹:

Въ лѣтѣ 6933. списаны бѣ книги си. къ стѣму келпкоу хѣу мѣнку георгию. при белкоу кнѣзи. васильи дмитръкнѣи. при псковскѣхъ кнѣзи. феѡдоре патръкнѣи. при посадницѣ псковьскомъ. гюргин. тимофѣкнѣи. при старостахъ. стѣго георгина. стѣфане лаве и при тимофѣи гилке. и при попѣхъ стѣго георгина. фалелѣи. и ѡкоке. а списаны бѣ книги си. замѣшленнѣмъ раба кнѣа. тимофѣа василькнѣи. и стѣ сусѣдх стѣго георгина. на дѣкноу здравнѣ. того лѣтѣ свершнзи бѣ перен оу кхрому. ¹) того лѣтѣ. феѡдосъ посаднѣи. и вси псковѣи оуставили денги. того лѣта архнѣпѣи. новгородьскнѣи емельмнх ѡзднх на москкѣ къ митрополиту фотѣю кнѣвьскому. ставитиса во вѣтѣво. а писалх книги си многогрѣшнзи рабъ бнѣи и дѣ. кѣ а и кѣо (т. е. Измайло)

Достоверность отнесения всех событий, указанных в приведенной записи, к 6933 году хорошо подтверждается сравнением ее с другими памятниками. Князь Федор Патрикеевич был псковским наместником с июня 1424 до лета 1425 года (6933), когда он уехал из Пскова, испугавшись мора². Завершение постройки стены в 6933 году подтверждается приведенной выше печатью. Посадник Феодосий Феофилович (или Шибалкинич) упоминается в летописи с 6917 (1409) по 6943 (1435) год³. Наконец, к 6933 году относится и поставление в новгородские архиепископы Емельяна Бородатого, впоследствии Евфимия I. Большинство летописей относит это событие к 6932 году, однако Тихоновский список Псковской летописи, в котором это известие помещено под 6933 годом, называет точную дату поставления: «месяца ноября в 1 день»⁴. Употребление в псковском летосчислении сентябрьского цикла делает его противоречие вполне разрешимым.

С другой стороны, запись не могла быть сделана позднее февраля 1425 года, так как великий князь Василий Дмитриевич, в княжение которого была написана Минея, скончался 28 февраля 1425 года⁵.

Таким образом, обнаруженная А. В. Орешниковым запись позволяет точно датировать денежную реформу в Пскове первой половиной 6933 года (сентябрь 1424—февраль 1425 года). Относя к этому же времени завершение постройки укреплений, она исправляет противоречивую дату Тихоновского списка, определяющего ее 7 июля 6932 года.

¹ ГИМ, отдел рукописей, Синодальное собрание, № 173, Запись, изданная в 1917 г. (Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел третий. Книги богослужебные (часть вторая). М., 1917, стр. 88, № 444), осталась незамеченной историками и нумизматами. Из нумизматов эту надпись по изданию Н. М. Каринского (Язык Пскова и его области в XV в., СПб, 1909, стр. 142—143) частично воспроизводил С. И. Чижов (Азбабский клад, М. 1911, стр. 67), но характер купюр говорит о том, что С. И. Чижов не понял датировочного значения надписи. Первым по достоинству оценил ее А. В. Орешников.

² ПСРЛ, V, СПб, 1851, 24—25.

³ ПСРЛ, IV, СПб, 1848, 200—204; V, СПб, 1851, 21—28.

⁴ Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 35.

А. Н. ЛУППОЛ

ПЛАКЕТА В ЧЕСТЬ А. В. ОРЕШНИКОВА

В автобиографии Алексея Васильевича Орешникова, написанной для подготавливаемого им Нумизматического словаря, мы можем прочесть следующие строки: «4 марта 1916 г.—семь человек из состава Московского Нумизматического Общества: Зубов, Карзинкин, Лихачев, Миляев, Прове, Прохоров, Чижов почтили мою 30-летнюю (1883—1913) память на поприще нумизматики поднесением мне серебряной плакетки работы медальера Е. И. Малышева. Событие это одно из приятнейших воспоминаний моей жизни»¹.

Публикация поднесенной А. В. Орешникову плакетки и сведений, относящихся к истории ее изготовления, а также художественная и научная оценка ее будут основным содержанием данной статьи.

Мысль о чеканке плакетки в честь нумизматической деятельности А. В. Орешникова принадлежала С. И. Чижову. Желая приурочить плакетку к какой-нибудь дате, С. И. Чижов избрал 1883 год, в котором был издан первый печатный труд Орешникова, относящийся к нумизматике греческих колоний Северного Причерноморья².

Поднесение плакетки Чижов предполагал осуществить от имени Московского нумизматического общества, но эту мысль ему пришлось оставить, так как не все члены общества могли сочувствовать ей и невозможно было бы при поднесении плакетки от имени Общества сохранить в тайне от Алексея Васильевича подготовку ее. Поэтому Чижов привлек к осуществлению своего замысла только нескольких членов Общества.

И вот в 1911 году семь человек из состава Московского нумизматического общества, не как его члены, а как друзья и частные лица, решили принять участие в подготовке изготовления плакетки.

Но чекан плакетки по причинам, которые станут ясны из истории ее изготовления, очень затянулся, и плакетка, а также и намечавшийся для подношения золотой жетон-брелок были вручены Алексею Васильевичу значительно позже юбилейной даты — не в 1913, а в 1916 году.

О том, как произошло поднесение ему плакетки и жетона, Алексей Васильевич пишет в своих воспоминаниях следующее: «4 марта 1916 года С. И. Чижов пригласил меня вечером в гостиницу «Метрополь» пить

¹ Автобиография, написанная в середине 1920 года, хранится у внучки Алексея Васильевича — Татьяны Павловны Качуриной, которой автор очень благодарен за представленные сведения.

² «Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosphorus», М., 1883.

чай. Ничего не подозревая, к 8 часам я приехал в один из кабинетов отеля, где встретил С. И. Чижова, А. А. Карзинкина, О. В. Прохорова, П. В. Зубова, А. Н. Миляева и Ф. И. Прове¹, которые меня поджидали, сидя за чайным столом с самоваром. Через некоторое время Сергей Иванович встал и, как мне показалось, взволнованным голосом начал говорить мне приветствие, заключающееся в похвалах к моему отзывчивому отношению на их запросы ко мне по нумизматике и т. д. и затем поднес мне от лица присутствовавших и от лица отсутствующего Н. П. Лихачева, приславшего из Петербурга приветственную телеграмму, плакету с моим портретом и золотой брелок — подражание золотому статеру архонта Игиэонта . . . После приветствий, помню, я со всеми расцеловался . . . Такая неожиданная честь меня смутила; мне было очень не по себе; я не нашелся, что сказать в ответ; да и что в этом случае мог я сказать? Заслуг за собой я не видел, взаимных научных отношений с присутствовавшими у нас было мало; не был я также связан ни с кем узами интимной дружбы . . . Правдиво отвечать было бы не кстатю; оставалось говорить обычные в подобных случаях слова, то-есть пошлости; я почти ничего не сказал. Посидев за чаем часа два, я ушел домой, а они остались закусьевать. Не скрою, подношение плакеты очень польстило моему самолюбию и меня тронуло².

Плакета, поднесенная Алексею Васильевичу, имеет следующие изображения (см. табл. I, 1):

Лицевая сторона:

Портрет А. В. Орешникова, сидящего за письменным столом. Фигура, расположенная в правой части плакеты, представлена погрудно, в трехчетвертном повороте корпуса, головой повернута в профиль, влево. В правой руке, лежащей на открытой книге, лупа; в левой руке монета, зажатая двумя пальцами. На отвороте пиджака повешено пенсне. На столе три монеты; на втором плане верхняя часть невысокого шкафа с лежащими и стоящими на нем книгами. Вверху слева расположены в две строки даты: MDCCCLXXXIII и MDCCCXIII. В левом нижнем углу мелким шрифтом ремарка медальера: Е. И. Малышев. Боковые и верхние края имеют узкий рант невысокого рельефа.

¹ Павел Васильевич Зубов — пожизненный действительный член МНО с 19 ноября 1890 года, товарищ председателя общества, член редакционного комитета, коллекционер; его выдающееся собрание, завещанное Историческому музею, имеет мировое значение. Александр Андреевич Карзинкин — почетный действительный член МНО с 29 октября 1888 года, автор статей о ранних русских медалях. Николай Павлович Лихачев — действительный член МНО по § 15 с 20 января 1892 года, крупнейший русский историк в области вспомогательных исторических дисциплин; впоследствии действительный член Академии наук СССР. Александр Николаевич Миляев — действительный член МНО по § 5 с 28 февраля 1900 года, библиотекарь и хранитель коллекции общества. Федор Иванович Прове — действительный член МНО с 23 октября 1895 года и почетный член с 21 января 1902 года, член ревизионной комиссии Общества, имевший хорошее собрание античных монет, и автор ряда заметок о монетах своего собрания. Сергей Иванович Прохоров — действительный член МНО с 29 апреля 1898 года и пожизненный член с 1 апреля 1913 года, казначей Общества, коллекционер и автор ряда трудов по русской нумизматике и медальерному искусству. (По сведениям личного состава МНО от 16 марта 1915 года и другим источникам).

² Приведенная цитата, как и последующие, а также большая часть сведений, касающихся истории плакеты, взяты из материалов, собранных А. В. Орешниковым в рукописи, названной им «Плакета и брелок, поднесенные мне», которые были любезно предоставлены автору данной статьи дочерью Алексея Васильевича — Татьяной Алексеевной Полиевктовой, за что приношу ей глубокую благодарность.

Оборотная сторона:

В верхней, углубленной части поля надпись по овалу—А. В. ОРЕШНИКОВУ¹, под которой цифры ХХХ; надпись и цифры сделаны выпуклыми. От розеток, расположенных в углах, спускается гирлянда из лавровых листьев, перевитая в середине лентой; она прикрывает своей провисающей частью надпись и цифры, а концами ложится на вызолоченные лицевую и оборотную стороны статера архонта Гигиэнонта. На нижней, выпуклой части поля шестистрочная вдавленная надпись: от друзей В ПАМЯТЬ | ТРИДЦАТИ | ЛЕТИЯ | ЕГО НАУЧНО-ЛИТЕ | РАТУРНОЙ НУМИЗМАТИ | ЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ². Под оборотной стороной изображенной монеты мелким шрифтом дана ремарка фирмы, чеканившей плакету: А. Жаккаръ. Размер плакету 50×69 мм.

Плакета была вложена в дубовый футляр, на крышке которого находилась серебряная пластинка с надписью:

«А. В. Орешникову на добрую память от П. В. Зубова, А. А. Карзинкина, Н. П. Лихачева, А. Н. Миляева, Ф. И. Прове, С. В. Прохорова и С. И. Чижова. 1916 г.» (см. табл. I, 2).

Как было упомянуто, одновременно с плакетой Алексею Васильевичу был поднесен золотой жетон с ушком, представляющий собою подражание золотому статеру архонта Гигиэнонта с заменой надписи на оборотной стороне (см. табл. I, 3).

Алексей Васильевич описывает жетон так:

«Лицевая сторона:

Голова архонта Игиэнонта, скопированная со статера.

Оборотная сторона:

Сидящая влево Афина; слева монограмма (А.В. Орешников)

и три деки $\triangle\triangle\triangle$ (30 лет). Вверху ушко для привески»³.

Спустя два года после поднесения ему описанных плакету и жетона Алексей Васильевич просил С. И. Чижова ознакомить его с историей их изготовления. Чижов письменно изложил ее, но документ этот не сохранился. Сохранилась запись основных мест его изложения, сделанная А. В. Орешниковым, которая дает описание того, как происходил заказ плакету и жетона.

В 1911 году С. И. Чижов, занимаясь иконографией Александра I, познакомился с начальником медальерного отделения Петербургского монетного двора Виктором Петровичем Смирновым. С его помощью Чижов надеялся найти медальера с достаточно хорошим художественным вкусом для выполнения задуманной им плакету. Смирнов рекомендовал ему А. А. Грилихеса как единственного могущего выполнить заказ⁴.

^{1, 2} Буква *E* заменяет старославянское «ять».

³ А. В. Орешников. *Опись медалей, плакет и жетонов моего собрания*. Рукопись. Собственность Т. А. Полиевктовой.

⁴ Грилихес Авраам Авенирович, художник-медальер и резчик на крепких камнях. Родился в Вильно в 1854 году. Окончил Академию художеств в 1877 году со званием художника 3-й степени, в том же году был прикомандирован к СПб Монетному двору, впоследствии был старшим медальером Монетного двора. Насчитывается около 60 медалей его работы. Умер 24 апреля 1912 года. О нем и его работах см.: 1) «Нумизматический сборник», т. II. Москва, 1913, стр. 248. 2) Некролог в журн. «Старая монета». 1912, № 5, стр. 76—77.

26 февраля 1912 года Грилихес принял заказ на изготовление лепки портрета А. В. Орешникова, а затем штемпелей для плакеты и жетона, чекан которых предполагал осуществить на Петербургском монетном дворе.

В виде материала Чижов передал Грилихесу только фотографию группы нумизматов, среди которых снят А. В. Орешников (табл. IV, 2)¹, и фотографию Алексея Васильевича, рассматривающего монету через лупу (табл. III, 2)². Грилихес запросил Чижова, должен ли он в лепке придерживаться портрета Орешникова в группе или он может изменить позу, как найдет нужным. Грилихесу была предоставлена полная свобода выбора. Затем он запросил, что желательно изобразить на оборотной стороне плакеты. На это Чижов ответил указанием о помещении на оборотной стороне изображения статера архонта Гигиэоннта и надписи, компоновка же рисунка предоставлялась на усмотрение медальера.

Вместе с ответом Чижов послал ему собственный набросок оборотной стороны³.

Грилихесу также были даны указания заменить надпись на оборотной стороне жетона тремя «деками» и монограммой А. В. Орешникова.

В середине апреля 1912 года Грилихес прислал на одобрение Чижову лепку портрета Орешникова (табл. II, 1), которой тот остался недоволен. В 20-х числах апреля Чижов собирался об этом написать письмо Грилихесу, но пришло известие о внезапной смерти последнего. Лепку Чижов впоследствии приобрел у вдовы его за 200 рублей⁴.

Для продолжения работы В. П. Смирнов рекомендовал старшего медальера монетного двора М. А. Скуднова⁵, который, по словам Смирнова, мог сделать портрет с большим сходством.

В мае 1912 года Чижов договаривается со Скудновым об исправлении лепки Грилихеса и об изготовлении штемпелей для плакеты и жетона с обязательством выполнить заказ к 1 октября 1912 года. Но Скуднов, приступив к работе, затянул исполнение.

В феврале 1913 года Чижов пишет Скуднову резкое письмо, в котором порывает с ним отношения из-за невыполнения заказа и просит прислать вместе с фотографиями готовый штемпель лицевой стороны

¹ Группа снята 11 мая 1908 года. Фотография эта, как и ряд других ценных материалов, была любезно предоставлена автору А. А. Сиверсом. Имена изображенных на ней (приведены на таблице) сообщены ему вдовой С. И. Чижова — О. Н. Чижовой. Этим лицам приношу свою искреннюю благодарность.

² Фотография снята 11 января 1911 года. ГИМ, Отдел письменных источников, фонд 136 (А. В. Орешникова), един. хран. 85, лист 12.

³ Впоследствии Скуднов скопировал набросок для оборотной стороны плакеты его работы.

⁴ Гипсовый отлив с предшествующей ему модели Грилихеса был подарен Алексею Васильевичу Чижовым 1 (14) ноября 1918 года, но дальнейшая его судьба неизвестна.

⁵ Скуднов Михаил Афанасьевич, медальер, родился в 1861 году, учился в Академии художеств с 1881 по 1890 год и окончил курс со званием классного художника 3-й степени по медальерному искусству. Состоял старшим медальером Монетного двора. Из работ Скуднова наиболее известна медаль в память столетия со дня рождения А. С. Пушкина (1899 год). Всего им выполнено около 200 медалей. Умер 18 февраля 1916 года. О нем и его медалях см. «Нумизматический сборник», т. II, Москва, 1913, стр. 273.

плакеты. Но Скуднов не уступил штемпеля, а возвратил лишь фотографии и 200 рублей из задатка¹.

В это время Чижов узнал о медальере Е. И. Малышеве² и передал ему заказ на изготовление плакеты, предоставляя медальеру полную свободу в рисунке обеих сторон плакеты, конечно, с тем условием, что на лицевой стороне помещается портрет, а на оборотной — копия с монеты и надпись.

Выполнить заказ Малышев обещал только через год, установив гонорар в 1000 рублей (за рисунки, лепку и две пары штемпелей).

17 апреля 1914 года Чижовым были получены эскизы, выполненные карандашом. Все участники заказа одобрили эскизы, по которым и были выполнены модели из гипса.

7 августа 1915 года Малышев прислал гипсовые модели плакеты и жетона.

Чеканку плакеты и жетона Малышев сдал частной фирме «Август Жаккар». Самый процесс чеканки должен был происходить при нем, так как он хотел проследить за тем, нет ли заусенцев на штемпелях, достаточно ли высок рельеф букв, и, в случае необходимости, усилить рельефы на штемпелях. Заказ был выполнен фирмой в конце 1915 года³.

¹ После размолвки с Чижовым Скуднов вчерне закончил штемпели плакеты, но смерть прервала его работу над ними. Штемпели были приобретены Чижовым (22 марта 1916 года) у вдовы медальера за 100 рублей как негодные для чеканки и представляющие только архивный интерес. Дальнейшая история их неизвестна, но сохранились оттиски с них. Они были у А. В. Орешникова, которым принесены были в дар Государственному Эрмитажу (см. табл. III). Свинцовые оттиски лицевой и оборотной сторон (Гос. Эрмитаж, Отдел нумизматики. Каталог Ч. Л. («Частные лица») №№ 932—933). Поступили в дар 30 ноября 1922 года и гипсовые (там же, каталог Ч. Л. № 934—935) 3 мая 1923 года. Свинцовые экземпляры имеют наклейку: «пробный оттиск с неоконченного штампа работы старшего медальера М. А. Скуднова. 1913». Восковой оригинал лицевой стороны плакеты Скуднова также был у Алексея Васильевича и сейчас хранится у его внучки Наталии Аркадьевны Аюпиан.

² Малышев Егор (Георгий) Иванович, скульптор-анималист и медальер. Родился в 1875 году в Петербурге в семье купца. Среднее образование получил в СПб-ском коммерческом училище. В 1897—1899 и 1901—1908 годах учился в Высшей художественной школе при Академии художеств. За дипломную работу (скульптура «Собака»), исполненную по мастерской проф. В. А. Беклемишева, был удостоен звания художника-скульптора. С 1913 года стал преподавать в Академии художеств в классе чеканки. Одновременно работал для фарфорового завода (анималистические статуэтки) и для частной фирмы «Август Жаккар» (медали и плакеты). В 1917—1918 годах преподавал в скульптурном классе школы Общества поощрения художеств. Произведения свои Малышев выставлял на весенних выставках в залах Академии художеств в 1912, 1916 и 1917 годах. В 1918 году работы Малышева были показаны на 1-й выставке Общины художников в Петрограде. После 1918 года сведения о Малышеве теряются. (По данным О. Э. Вольценбурга, за которые автору очень признателен). В мастерской Жаккара Малышевым были выполнены следующие медали: 1) К открытию музея имп. Александра III в Москве в 1912 году; 2) медаль «Земледелие»; 3) Общества бегов; 4) Страхового общества; 5) плакета А. В. Орешникова; 6) медаль Олега Константиновича; 7) жетон «Да здравствует свободная Россия» и 8) жетон «Да здравствует свобода». По заказам Российского общества нумизматов — жетоны: 9—12) Бельгийскому, Польскому, Сербскому, Армянскому народам; 13) «Русский солдат»; 14) «Сестра милосердия». (По сведениям, полученным А. В. Орешниковым из мастерской Жаккара).

³ В заметке Алексея Васильевича о плакетке мы находим следующие сведения о расчетах с фирмой «Жаккар» по счету от 2 января 1916 года:

За оттиск	1 серебр. плакеты с инкрустацией	— 25 руб.
»	» 7 серебр. плакет без инкрустаций по 15 руб.	— 105 руб.
»	» 25 (в бронзе. — А. Л.) плакет по 6 руб.	— 150 руб.
»	» 8 зол. жетонов (брелоков) 72 пр. по 2 зол. по 25 руб.	— 200 руб.
»	футляр дерев. с серебр. дощечкой для подносного экз.	— 10 руб.

Итого 490 руб.

В заметке А. В. Орешникова о плакете приведены сведения о собранных подносителями средствах и распределении их.

Средства, собранные на изготовление плакетки и брелка:

От	В 1912 году	200 руб.	В 1915 году	110 руб.
П. В. Зубова	»	200 »	»	110 »
» А. А. Карзинкина	»	100 »	»	110 »
» Н. П. Лихачева	»	100 »	»	50 »
» А. Н. Миляева	»	200 »	»	110 »
» Ф. И. Прове	»	200 »	»	110 »
» С. В. Прохорова	»	200 »	»	110 »
» С. И. Чижова	»	200 »	»	110 »
		<u>1200 р</u>		<u>600 р.</u>

Всего 1800 руб.

Расход:

Куплена у вдовы Грилихеса лепка	200 руб.
Задаток Скуднову	100 руб.
Малышеву за новую лепку и за штампы:	
7 марта 1914	200 руб.
17 апреля 1914 г.	100 »
7 августа 1915 г.	400 »
8 февраля 1916 г.	300 »
Жаккару за штампование и пр.	490 руб.
	<u>1790 руб.</u>

Остаток 10 руб.

Поднесенная А. В. Орешникову плакетка утеряна так же, как и жетон, однако сохранились их штемпели, хранящиеся в секторе нумизматики Государственного Исторического музея¹.

Штемпели плакетки были принесены С. И. Чижовым в дар Московскому нумизматическому обществу, о чем в дневнике А. В. Орешникова² имеется следующая запись:

«5 марта 1916 г. вечером был на заседании Нумизматического Общества. Чижев принес в дар О-ву мою плакетку в бронзе и ее штампы; бронзовые оттиски могут продаваться по 25 р. в пользу О-ва. Подробности о мотивах подношения и кто подносил, он не сообщал, сказав, что подносители желают оставаться неизвестными».

Штемпели плакетки имеют форму низких цилиндров с фаской по кругу, у нижнего и верхнего основания (см. табл. V, 1). На верхней части каждого из них, на равном расстоянии от края, находятся выступающие прямоугольники в размер плакетки с гравированными на них негативными изображениями лицевой и оборотной сторон. На штемпеле оборотной стороны пуносоном поставлена цифра — 1, а на штемпеле лицевой стороны цифра — 2. Диаметр цилиндров 113—115 миллиметров, высота 44—47 миллиметров. Высота прямоугольников 4—5 миллиметров. Сталь.

Штемпели жетона различны по форме (см. табл. V, 2). Штемпель лицевой стороны цилиндрический (диаметр 37,5, высота 27 мм), оборотной — четырехгранный с усеченными углами (размер 33,5×34 миллиметра, высота 33). На выступающих частях штемпелей (диаметр 24, высота 4,5) гравированы негативные изображения лицевой и оборотной сторон жетона. Сталь.

Из числа плакет, чеканенных фирмой «А. Жаккаръ», известны следующие. В Государственном Историческом музее: 1. Бронзовая, подаренная музею С. И. Чижовым и другими лицами, заказавшими плакетку

¹ ГИМ, сектор нумизматики, штемпели, инв. № 14473 (лиц. стор.) и № 14474 (обор. стор.). Штемпели жетона: инв. № 14541 (лиц. стор.) и № 14542 (обор. стор.).

² Хранится у дочери Алексея Васильевича Татьяны Алексеевны Полневковой.

(инв. № 10786). 2. Серебряная, принадлежавшая П. В. Зубову (инв. № 6279). 3. Бронзовая, из собрания О. Я. Наппа (инв. № 12055). В Государственном музее изобразительных искусств — серебряная, принадлежавшая А. Н. Миляеву (инв. № 96559). В Государственном Эрмитаже бронзовая (инв. Ч. Л. № 936)¹, которая, судя по записи в дневнике А. В. Орешникова, была им подарена музею в 1921 году. Кроме того, известны плакетки, находящиеся в собраниях частных лиц: в Москве — у Т. П. Качуриной, С. П. Фортинского, К. В. Голенко и автора; в Ленинграде — у Н. Э. Цыгира, Б. Е. Быховского и В. Г. Гаршина.

Переходя к оценке плакет с художественной стороны, прежде всего нужно отметить, что как Грилихес, так и Скуднов отнеслись к заданиям Чижова формально.

Грилихес в лепке лишь повторил портрет Алексея Васильевича (по фотографии от 11 января 1911 года) и притом не добился должного сходства в чертах лица. Копируя фигуру, он допустил ошибку в пропорциях плеча (см. табл. II, 1), что, повидимому, заставило его укоротить рукав, привнеся в рисунок манжету, и утяжелить кисть руки. Вся фигура получилась грузной и вовсе не свойственной Алексею Васильевичу, не отличавшемуся полнотой.

Заметив ошибки Грилихеса, Скуднов, выправляя его лепку, обрезом плеча сузил всю фигуру (см. табл. II, 2)². В лицо Скуднов внес большее сходство, точнее уловил его характерные черты. Кисть же руки с лупой попрежнему осталась тяжелой и бесформенной.

Оборотную сторону Скуднов выполнял по эскизу Чижова, не внеся в нее ничего своего (см. табл. III, 1). Сопоставляя изображенную на ней монету с оригиналом, легко заметить, что фигура Афины сильно вытянута, буквы надписи неточны по размеру, а главное, в чертах лица архонта нет сходства (см. табл. III, 3). Эти неточности уже не могли быть устранены даже при окончательном завершении штемпеля. В довершение к этому остается совершенно непонятной необходимость повторения римских цифр — арабскими, причем заключенными в скобки.

Плакета работы Малышева носит иной характер (см. табл. IV, 1).

Во-первых, он использовал другую фотографию Алексея Васильевича (от 11 мая 1908 года, см. табл. IV, 2, 3), творчески дополнив ее, и, во-вторых, самостоятельно разработал композицию оборотной стороны.

Алексей Васильевич изображен смотрящим перед собой, как бы задумавшись. Этот момент умело подчеркнут спокойно лежащими на столе руками, особенно правой. Хорошо выполнен и второй план, решенный в очень низком рельефе, создающем впечатление глубины.

Расположение дат, вероятно, обусловливается желанием медальера связать их со взглядом изображенного, но в то же время непосредственная близость цифр к лицу несколько портит композицию.

В поисках сходства портрета Малышев, выполнявший плакету в 1914—1915 годах, стремился использовать более позднюю фотографию 1911 года (см. табл. III, 2), чем, повидимому, и оправдывается некоторое отступление в плакете от фотографии 1908 года.

В решении оборотной стороны плакетки Малышев применяет деление поля на две части: выпуклую, с углубленной надписью, и углубленную,

¹ Сведения о плакете и об оттках со штемпеля работы Скуднова, так же как и фотографии с последних, любезно предоставлены автору И. Г. Спасским, за что приношу ему искреннюю благодарность.

² Восковой оригинал хранится у внучки Алексея Васильевича Наталии Аркадьевны Аюпиан, которой автор очень благодарен за предоставление возможности воспроизвести его в данной статье.

с выпуклым изображением. Этот прием применяется им для выравнивания общей высоты рельефа, то есть наиболее высокие по рельефу места, находясь в углублении, не превышают рельефа выпуклой части поля и канта.

В изображении монеты медальером допущен был ряд неточностей. Фигура Афины уменьшена; неточны размеры букв надписей; затылок головы архонта просто сплюснут, а черты лица грубы (см. табл. IV, 4). Эти мелочи лишают изображение всей прелести, свойственной античной чеканке.

Обобщая художественную оценку плакеты, нужно сказать, что отмеченных недостатков могло бы и не быть, если бы медальер продумал до мельчайших подробностей значение каждой детали композиции, тем более, что со стороны мастерства выполнения плакета является одним из лучших медальерных произведений Малышева.

Художественная оценка медалей и плакет как произведений искусства должна являться неотъемлемой частью их характеристики. К сожалению, и в настоящее время остаются в силе слова А. В. Орешникова, что «наши авторы описаний медалей дают только их описание по натуре, обходя характеристику их со стороны художества, композиции и анализа изображений»¹.

Медаль или плакета будет соответствовать своему назначению, если, кроме художественного исполнения, она умело и понятно выражает ту идею, отобразить которую она предназначена.

Насколько плакета Малышева соответствует идее, ради которой она чеканена, мы может судить по нижеследующему замечанию самого Алексея Васильевича:

«Рассматривая произведение медальера Е. И. Малышева, автора плакеты, я не мог не задуматься над идеей, которую руководилось лицо, заказывающее художнику плакету, главным образом, оборотную ее сторону. На мой взгляд, всякая медаль, которая чеканится на событие, должна отражать в себе это событие. Если она предназначена в память или в честь лица, т. е. общественной или научной деятельности, то медаль должна отражать, как в фокусе, ту деятельность во всем ее объеме, избегая частных, эпизодических случаев деятельности того лица. Если рассматривать с этой точки зрения мою плакету, то она мне представляется памятником, увековечивающим мою статью о стартере Игиэонта, как главное, выдающееся мое исследование среди других, тогда как научной деятельности, о которой гласит надпись на плакете, иконографически она не отражает. Главная задача всякой медали или плакеты — говорить не надписью, а изображением, роль же надписи предоставляется п а м я т н ы м д о с к а м, как это ведется с древних времен, и на медали надпись должна иметь лишь п о я с н и т е л ь н о е з н а ч е н и е »².

Как мы видим, соответствие между изображением на плакете и ее идеей не было хорошо продумано Чижевым.

Давая задание медальеру изобразить на плакете именно статер архонта Игиэонта, а не какую-либо другую монету, Чижев считал, что статер олицетворяет нумизматику греческих колоний на юге России, изучением которой, по его мнению, больше всего интересовался

¹ Из доклада «Медаль за научные труды по нумизматике и родственным ей дисциплинам», сделанного на заседании МНО 16 апреля 1916 года. ГИМ, Отдел письменных источников, фонд № 136, ед. хр. 74, листы 11—16 с оборотами.

² Из упомянутой заметки А. В. Орешникова, озаглавленной им «Плакета и брелок, поднесенные мне», 2(15) ноября 1918 года.

А. В. Орешников; кроме того, он первый описал этот статер, установив на Боспоре нового династа. Но при этом Чижов не учел того, что статер не может отразить всей научной деятельности Орешникова, заключающейся, кроме работ в области античной нумизматики, не в меньшей мере и в трудах по русской нумизматике, а также по медальерному искусству и сфрагистике.

Еще большая ошибка была допущена Чижовым при заказе жетона, на котором указано было поставить вместо имени архонта Гигиэонта монограмму А. В. Орешникова и три деки.

Об этой неудачной идее А. В. Орешников пишет так: «Загадкой для меня представляется брелок. Он воспроизводит монету неизвестного в литературе воспорского династа, имя которого мы узнаем из надписи (на монете. — А. Л.). Вместо надписи видим монограмму моего имени и 3 деки!! Мысль с точки зрения нумизмата крайне неудачная»¹.

Из вышеизложенного явствует, насколько важно подчинение всех деталей изображения идее, которая должна быть воплощена в медали, плакете или жетоне.

В заключение определим место публикуемой плакетки среди других медалей и жетонов, посвященных русским нумизматам. Общее количество их немногим более двадцати, и то почти половина является малохудожественными произведениями.

Все медали и жетоны этого раздела по изображениям на них можно разделить на три группы: с портретом на лицевой стороне и композицией или гербом на оборотной, с портретом или вензелем на лицевой стороне и надписью на оборотной и односторонние с портретом.

К первой группе относится медаль в честь нумизмата Э. К. Гуттен-Чапского, 1896 год (см. табл. VI, 1), являющаяся, по мнению Орешникова, среди медалей в честь нумизматов «лучше других по идее, но не выполнению»². На ее оборотной стороне мы видим четыре тома «Каталога медалей и монет польских» в венке из дубовой и лавровой ветвей, связанных лентой с надписью: «От нумизматов».

К этой группе также относится медаль в память 25-летия нумизматической деятельности Христиана Христиановича Гиля, 1894 год (см. табл. VI, 2). Эта, собственно говоря, единственная медаль с сюжетной композицией на обороте много терзает от неумелого разрешения ее идеи. А. В. Орешников подвергает ее справедливой критике, говоря, что «медаль Гиля, работы Васютинского, нелепа по замыслу: почему-то полунагая женщина (назвать ее музой Клио или олицетворением нумизматики я бы не решился), написав целую надпись на стене, доканчивает сверху недописанную дату. Несомненно, у медальера не хватило творчества, и он, вероятно, скопировал готовую композицию с какой-нибудь западной плакетки, вставив русскую надпись и прибавив, как *couleur locale*, вид на Петропавловскую крепость»³.

Из второй группы более близкой к плакетке Орешникова оказывается медаль в память 30-летия нумизматической деятельности Ивана Ивановича Толстого, чеканенная в 1912 году (см. табл. VI, 3). Медаль чеканена по предложению А. А. Левенстима от Российского общества нумизматов, первым председателем которого был И. И. Толстой. Для портрета на своей медали Иван Иванович предложил лепку своей жены Людмилы

¹ Из заметки А. В. Орешникова «Плакетка и брелок, поднесенные мне».

² Из доклада А. В. Орешникова «Медаль за научные труды по нумизматике и родственным ей дисциплинам».

³ Там же.

Платоновны Толстой, выполненную ею в 1895 году. Обратная сторона заполнена лишь одной надписью, что ослабляет художественное значение медали.

Из немногочисленных представителей третьей группы, как по времени, так и по изображению, нашей плакете близка медаль в честь нумизмата Михаила Густавовича Деммени (см. табл. VI, 4), выполненная А. Жаккаром (на обороте: «Гр. А. Жаккаръ») и повторяющая по портрету литую в бронзе одностороннюю плакету неизвестного мастера, очень грубую по выполнению.

Плакета в память 30-летия научно-литературной нумизматической деятельности А. В. Орешникова хронологически завершает раздел медалей, посвященных русским нумизматам. Достоинство плакеты заключается в том, что, несмотря на отмеченные в ней недостатки, она, несомненно, выше остальных по своему художественному выполнению и по своей реалистической трактовке.

Для нас плакета дорога тем, что она стала нумизматическим памятником Алексею Васильевичу Орешникову.

И. Г. СПАССКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ НУМИЗМАТИКИ

Обычные представления о начале русской нумизматики основываются главным образом на печатных источниках, отразивших ее становление как научной дисциплины.

А. В. Орешников придавал исключительно большое значение систематизационной работе известного московского собирателя А. Д. Черткова и считал, что лишь появление книги последнего в 1834 году дало русской нумизматике право называться наукой¹. Попыткам историков конца XVIII и начала XIX века воссоздать картину денежного обращения древней Руси на основе данных летописания, но без достаточного знания самих монет А. В. Орешников отказывал в каком бы то ни было нумизматическом значении.

Действительно, на фоне неприглядного положения вопроса о древнерусских деньгах в исторической литературе того времени четко намеченная Чертковым сложная система денежного хозяйства феодальной Руси выглядит как откровение. Однако и А. В. Орешников не совсем прав, утверждая, что Чертков был создателем «классификации огромной, неразобранной до него массы монет»².

Значение работы А. Д. Черткова в развитии русской нумизматики, бесспорно, очень велико. Его книга помогла организовать и поднять на высшую ступень собирание и изучение древних русских монет. Но, не говоря уже о широком круге собирателей — современников Черткова, уровень, достигнутый классификацией и систематизацией древнерусских монет к 30-м годам XIX века, был в значительной мере результатом труда нескольких поколений русских нумизматов — забытых предшественников А. Д. Черткова в области собирания и систематизации русских монет.

«Дочертковский» период в русской нумизматической систематизации нельзя назвать бесписьменным. Не говоря здесь вовсе о рукописных ка-

¹ (А. Д. Чертков). Описание древних русских монет. М., 1834, и Прибавления I—III, 1837—1842. Он же. Несколько слов вместо предисловия к описанию древнейших монет. Труды и Летописи Общества Истории и Древностей Российских при имп. Московском университете, ч. VII. М., 1837. А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. М., 1896, предисловие, стр. VI. Нумизматический сборник, т. I. М., 1911, стр. 644.

² Ср. также близкие мнения: Д. П. Сонцова, Нумизматические исследования славянских монет, ч. I. М., 1865, стр. VI и В. Гарского, автора статьи о Черткове в Русском Биографическом словаре, Чаадаев—Швитков, СПб., 1905, стр. 349, сл.

талогох, следует указать, что первый печатный каталог русских монет был издан (на латинском языке) в 1745 году¹. Краткое обозрение русских монет собрания Кунсткамеры было помещено в С.-Петербургском журнале за 1777 год² и в изданной в 1776 году на французском и в 1779 году на русском языках книге И. Ф. Бакмейстера о библиотеке Академии наук и Кунсткамере³. На грани XVIII и XIX веков вышел из печати каталог русских монет Кунсткамеры в сильно сокращенном виде⁴. В 1819 году издан первый иллюстрированный каталог коллекции русских монет⁵.

До выхода в свет книги Черткова уже началось оказавшееся весьма плодотворным для русской нумизматики изучение иноземных монет, обращавшейся на землях древней Руси, и в 1832 году вышла книга Х. М. Френа о монетах Золотой Орды⁶.

Несомненно, ни один из названных каталогов русских монет не выдерживает сравнения с каталогом Черткова. Однако появление русской нумизматической литературы в XVIII веке и, в частности, каталогов свидетельствует об определенной систематизационной работе, проводившейся у нас в то время. В 30-х годах XIX века вышли в свет еще две работы, имеющие не меньшее значение, чем работа Черткова; это систематизационная работа петербургского педагога-собиравателя Л. Панснера⁷ и первый том исследования Шодуара⁸, явившийся, несмотря на щедрую дань автора теории кожаных лоскутов, первым опытом связанного изложения истории денежного обращения в России, в котором сочеталось исследование монетного материала с большой работой над письменными источниками.

Появление в течение нескольких лет трех серьезных работ, в известной мере сохранивших свое значение до наших дней, свидетельствует о том, что к 30-годам XIX века в русской нумизматике назрели условия для определенных качественных изменений. Эти условия были подготовлены развитием любительского собирательства и большой работой по осмыслению и систематизации собранного материала в предшествующий период.

Древние русские монеты, так часто встречающиеся у нас в виде отдельных находок и монетных кладов, в отличие от других, также обращавшихся некогда на Руси монет, всегда имеют надписи на русском, родном языке. Уже одно это обстоятельство создавало особенно благоприятные и вполне естественные условия если не для очень раннего, то вполне самостоятельного зарождения русской нумизматики как одной из форм проявления интереса к отечественной старине.

Наиболее ранним этапом нумизматики является возникновение любительского собирательства. Частное собирательство, опережавшее по

¹ *Musei Imperialis Petropolitani, vol. II, pars III, dua continentur nummi recentiores.* СПб., 1745 (Nummi ruthenici).

² *St.-Petersburgisches Journal, 1777, кн. VIII.*

³ Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук. Пер. В. Костыгова. СПб., 1779.

⁴ О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800 (второе, дополненное издание, ч. III).

⁵ Краткое описание Российских монет, находящихся в Мишкабинете профессора Фукса. Казань, 1819.

⁶ Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева. СПб., 1832.

⁷ L. von Pansner. Tabellarische Uebersicht von Russland Münzen etc. Leipzig, 1836 (русский перевод: Табличное обозрение русских монет и т. д. Симбирск, 1900).

⁸ С. де Шодуар. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России, и т. д., ч. I. СПб., 1837.

времени собирательство государственное, имеет в данном случае наиболее существенное значение, поскольку именно оно свидетельствует о рождении познавательного интереса к древним монетам как памятникам прошлого своего народа. Для появления такого интереса нужен, с одной стороны, известный уровень культуры народа, а с другой стороны, нужно, чтобы в процессе развития денежного хозяйства данной страны уже были в прошлом явления, порождающие понятие «старые деньги». Оба названных условия уже существовали в конце XVI — начале XVII века в Московском государстве¹. После денежной реформы 1535 года монеты дореформенные, периода феодальной раздробленности, стали «старыми деньгами». К концу XVI века должно было утратить всякое значение наложенное на них в момент проведения реформы строжайшее «заповедание» и ничто не препятствовало тому, чтобы нашедший старинную монету русский человек на досуге задумался над прошлым своей страны и сохранил монету уже не как материальную ценность, а как памятник старины.

Развитие нумизматики как исторической дисциплины неразрывно связано с постепенным совершенствованием систематизации монет, которая является подлинной основой научной нумизматики и в известной мере остается и будет оставаться в числе ее важнейших задач. Вполне понятно, что без наличия так или иначе организованных коллекций, без кропотливой работы над самими монетами никакая систематизация вообще невозможна.

Вместе с собирательством постепенно возникала известного рода «общественность», обмен мнений и их борьба. Входя во все более тесное взаимодействие с исторической наукой, любительская нумизматика мало-помалу создавала и совершенствовала классификацию и систематизацию своего материала, собирала определенный запас знаний и представлений, среди которых, само собой разумеется, было немало и ошибочных. Разрозненные знания постепенно складывались в определенную систему.

После запоздалого возникновения интереса к прошлому нашей нумизматики — все в тех же переломных 30-х годах XIX века — все писавшие о частных коллекциях русских монет авторы, начиная с Чертова и Пансера, постоянно скорбели о гибели частных коллекций после смерти их владельцев и приводили немало таких примеров. Для XVII века такая участь коллекций старинных монет, состоявших преимущественно из драгоценных металлов, представляется еще более обычной. Выйдя из-под опеки вкладывавшего в них душу собирателя, старинные монеты в глазах равнодушных наследников или даже государства были только определенным количеством ценного металла. Память о собирателе изглаживалась, а от его деятельности не оставалось никакого следа.

Можно ли удивляться, что мы не располагаем никакими сведениями о собирании и изучении старинных монет в XVII веке?² Приводимые

¹ Перемещение центров культуры русского народа в северорусские княжества надолго задержало включение в русскую нумизматику ее старейшего раздела — монет Киевской Руси.

² Сохранившиеся от XVII и начала XVIII века «Сыские дела» о кладах (Н. Н. Оглоблин. Сыские дела о кладах в XVII в. Чтения в Обществе Нестора Летописца, кн. VII. Киев, 1893; Он же. Раскопки клада в Можайске в 1702 г. Вестник археологии и истории, вып. VII. СПб., 1888) имеют особый характер и отражают прежде всего фискальный интерес казны, точно так же, как и «кладискательство» Грозного (ПСРЛ, IV, стр. 342).

ниже сведения о собирателях-систематизаторах, деятельность которых прослеживается на протяжении нескольких лет в самом начале XVIII века, помогают поверить в то, что у них было немало предшественников в XVII веке. Весьма вероятным представляется, что старинные монеты интересовали, в частности, В. В. Голицына, который и сам был причастен к выпуску ряда памятных монет-медалей (наградные червонцы за Крымский поход, Шепелевская медаль и другие). Кто-то показывал Мейербергу, приезжавшему в Россию в 1661—1662 годах, несколько старинных монет — денги Михаила Федоровича и Ивана Грозного и даже «самые древние серебряные копейки с надписью Владимир князь Киевский, государь всея России» (денга Василия Ивановича)¹.

Что касается собирания и изучения русских монет в XVIII веке, то оно постепенно приобретало такой размах, что совершенно неизбежной стала серьезная постановка вопросов их систематизации. Ко второй половине века, когда на базе ряда частных коллекций сложилось выдающееся собрание русских монет в Минцкабинете Кунсткамеры, происходит, как мы увидим далее, замечательный перелом в русской нумизматике.

Хаотический круг представлений о деньгах древней Руси перестраивается в стройную систему. В составленном в начале 60-х годов новым каталоге собрания Кунсткамеры эта перестройка нашла яркое выражение.

Замечательная работа А. Д. Черткова явилась результатом деятельности нескольких поколений собирателей-систематизаторов.

Советская нумизматика не может не признавать заслуг прежних собирателей, любителей старинных монет, в области создания и сохранения того громадного нумизматического фонда, которым наша страна располагает в настоящее время, и в области разработки основ систематизации русских монет, на которой строится наша наука.

Изучение истории собирательства имеет и самостоятельный, чисто практический интерес для наших государственных музеев. Их исторически сложившиеся коллекции включили в себя множество монет, прошедших ранее через ряд собраний, да и теперь пополнение происходит не только за счет «свежих», только что ставших достоянием науки материалов. Выяснение истории тех или иных собраний способно принести порою очень неожиданные и интересные результаты.

В предлагаемых вниманию читателя очерках рассматриваются отчасти рукописные материалы XVIII и первой половины XIX века, отчасти уже опубликованные документы, которые в известной мере позволяют ознакомиться с развитием нумизматической мысли в России на протяжении XVIII и начала XIX века — примерно до конца 30-х годов, когда русская нумизматика обогатилась названными выше работами А. Д. Черткова.

ЭРМИТАЖНЫЙ АЛЬБОМ

В библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа имеется небольшая тетрадь альбомного формата, в переплете и футляре, с рисунками медалей и монет и рукописным описательным текстом на русском языке. Часть надписей на первых листах дописана другой рукой по-немецки.

Под более поздней суперобложкой с вытисненным названием «Рисование разных медалей» находится оклеенный цветистой аугсбургской

¹ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. и т. д. СПб., 1903, табл. 25, рис. 61.

бумагой переплет¹. На вырезанной в форме сердца наклейке выписано: «Рисование Российских медалей и курioзных манетъ, которые деланы были для триумфов, радостей и печалей». Рукопись относится к первой половине XVIII века.

В альбоме 50 листов, нумерация которых начинается с № 50, что дает основание признать наш альбом продолжением такого же по количеству листов не дошедшего до нас нумизматического альбома. Пагинация доведена только до середины, два последних листа остались чистыми, а на листе перед ними находится только незаконченный рисунок без текста.

На переднем форзаце есть карандашные пометки. Две из них как будто приписывают авторство рукописи И. А. Шлаттеру²—известному деятелю XVIII века в области монетного дела, предполагаемому автору первого изданного в России в 1745 году каталога русских монет и неосуществленного издания «Описание медалей на славные дела Петра Великого», которое было подготовлено им в начале 40-х годов³. Не исключена возможность, что наш альбом, составленный в 30-х годах XVIII века, некогда даже принадлежал Шлаттеру, однако не может быть и речи о том, чтобы предположить в Шлаттере составителя альбома. Знакомство с текстом убеждает, что его мог написать только природный русский. Впрочем, возможно, что имя Шлаттера усмотрели в не очень ясной третьей пометке на альбоме. В действительности она называет другое имя владельца: «von Schroll erhabt»⁴. Когда и как попала рукопись в Эрмитаж, установить не удалось.

На каждом вполне законченном листе альбома вверху помещен заголовок, содержащий название и определение предмета, а иногда и его местонахождение. Последнее представляет для нас наибольший интерес, так как составитель хорошо знал ряд нумизматических коллекций и называет собирателей Москвы и Петербурга первой половины XVIII века.

На первых восемнадцати листах (с 50 по 68) в более или менее последовательном порядке описаны русские и иностранные медали конца XVII и начала XVIII века на события русской истории, начиная с двух медалей «О взятии Азова». Наиболее поздняя—медаль 1727 года «О преставлении великой княжны Наталии Алексеевны». На правой стороне этих листов другой рукой и другими чернилами приписан немецкий перевод написанного слева русского текста.

«Кабинеты», в которых находились медали, не названы, но можно думать, что если не все, то некоторые были срисованы в Кунсткамере,

¹ На кромке бумаги сохранилась тисненая надпись: «... Simon Hoeichele in Aug...».

² Русский биографический словарь. Шебанов—Шютц. СПб., 1911, стр. 333—334.

³ Материалы по истории Академии наук (в дальнейшем «Материалы»), т. IV. СПб., 1887, стр. 398—399, 697—698, 752; А. Бльзер. Известие о фамилии господ Шлаттеров и т. д. Горный журнал, 1844, т. I, ч. 2, стр. 279, 292.

⁴ В словнике для «Русского биографического словаря» назван «Карл Шролле, штаб-лекарь при больнице прилипчивых болезней, 1802 г., 7 кл(асса), в сл(ужбе) с 1771 г.» (Сборник Русского исторического общества, т. 62, стр. 451). Эти краткие сведения пополняются рядом заметок в рукописном каталоге русских монет Г. И. Лисенко, два тома которого находятся в Эрмитаже, а один в рукописном отделе Публичной библиотеки. Лисенко раз пятнадцать упоминает о Карле Федоровиче Шролле как собирателе русских монет, с которым он имел различного рода собирательские дела с 1830 по 1841 год, вероятно, в Петербурге. Коллекция русских монет какого-то Шролля, названного в переписке архангельским уроженцем, была приобретена Эрмитажем в 1869 году. Некоторые редкие монеты Эрмитажного собрания происходят из нее (Архив Эрмитажа, оп. V, д. № 8, лл. 13, 14 и 16).

так как некоторые названия и определения медалей в альбоме и в описях Кунсткамеры тех лет очень близки¹.

Начиная с 69 по 86 лист, изображены русские нумизматические памятники допетровского времени, подобранные тоже в хронологическом порядке. Все монеты относятся к числу наиболее редких, главным образом золотых дарственных и памятных монет XVI—XVII веков. Эта часть альбома представляет для нас наибольший интерес, так как именно в ней имеются записи о собраниях и собирателях.

Описание монет на следующих шести листах нарушает прежде принятый хронологический порядок размещения материала. На двух из них изображены тоже русские монеты, но их следовало бы поместить раньше. Заполнение же последних четырех листов уже совсем беспорядочно и случайно: здесь помещен сперва один не нумизматический предмет — «образ калмыцкой медной», за ним — две армянские (киликийские) монеты XIII века царей Хетума и Льва, названные грузинскими и отнесенные к VII—VIII векам, а на последнем листе — незаконченный рисунок новгородской денги XV века.

В отличие от монет и медалей с русскими и латинскими надписями, которые не затрудняли составителя, легенды дорисованных в Эрмитажный список восточных монет только слегка намечены карандашом и рядом выписаны по латыни: *Nietom (или Leon) zag Naivez, sive Agnepogum*. Латинским языком составитель владел и на одном из листов сделал в примечании выписку из книги на латинском языке.

Эрмитажный альбом не уникален. В Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина имеется такой же альбом с теми же самыми, нарисованными тою же рукой медалями и монетами, с точно такую же оборванной на середине нумерацией листов, которая тоже начинается сразу с 50-го. Точно повторенные русский и немецкий тексты в нем переписаны теми же почерками, что и в нашем списке². Далее будет сказано и о третьем экземпляре альбома, вывезенном в 70-х годах XVIII века из России.

Однако Эрмитажный альбом при сравнении с альбомом Публичной библиотеки обнаруживает некоторые частные отличия, позволяющие предполагать в нем авторский экземпляр, так как только в нем одном имеются последние шесть листов, которые нарушают принятый в альбоме хронологический порядок размещения материала.

В Публичную библиотеку рукопись поступила, по видимому, в несколько потрепанном виде, но она сохранила все начальные листы. Поэтому трудно поверить, что она утратила шесть последних листов, как раз те, что нарушают последовательность в расположении материала и находятся в противоречии с общим направлением сборника. Кроме того, в сохранившемся в архиве Академии наук СССР Каталоге нумизматической коллекции А. И. Остермана имеется раздел «Реестр медалям, которых в кабинете . . . не имеется и надлежит оных приискивать». Он является списком рассматриваемого альбома, в котором опущено только два-три описания медалей, уже имевшихся в коллекции³. Эта копия заканчивается так же, как экземпляр Публичной библиотеки.

Выпуск в свет одним и тем же лицом рукописных копий нумизматического альбома с русской тематикой в 30-х годах XVIII века уже сам

¹ Материалы, т. V, стр. 106 (1742 г.).

² Шифр IV208. «Собрание медалей, выбитых в разные царствования».

³ Архив Академии наук СССР, разд. II, оп. I, № 228. Каталог отданным в имп. Кунсткамеру графа Остермана российским и другим старинным деньгам и медалям. лл. 29—30.

по себе свидетельствует о том, что тогда существовал у нас известный круг лиц, проявлявших интерес к старинным русским монетам. Текст альбомов сохранил для нас имена ряда нумизматов-любителей, о которых ниже следуют более подробные сведения.

„ГОСУДАРЕВ КАБИНЕТ“

Среди упомянутых в альбоме собирателей первой половины XVIII века назван Петр I. Систематизацией монет он едва ли занимался, но собирал монеты довольно усердно. В основном это были старинные русские монеты¹. «Государев кабинет», сохранявшийся в течение нескольких лет как отдельная коллекция, упоминается в альбоме один раз, но из нее зарисованы две монеты. Выше высказывалось предположение, что там же зарисовывались и медали.

В 1728 году собранные Петром I монеты были переданы кабинетом для хранения в Кунсткамеру, где в 1742 году была составлена краткая опись на 28 862 предмета, которая довольно четко показывает состав собрания². В описи совершенно беспорядочно перечислены сначала немногие золотые монеты и медали, затем серебряные и за ними медные.

Среди золотых (21 экземпляр с указанием веса) немного западных монет и медалей, семь античных монет с определениями и пять восточных. Некоторые из последних тоже имели определения, так как в описи указаны даты «от бегства Магометова». Из русских — червонец Алексея Михайловича и пять золотых копеек XVI—XVII веков вместе с двумя десятками серебряных вызолоченных.

В списке серебра сначала перечислены медали и «монеты» (в ограниченном значении, существовавшим в XVIII веке), затем уже «копейки» и мелкие серебряные деньги. Под серебряными «копейками» подразумевались любые допетровские и даже джучидские монеты. Хранились монеты разрозненно, вероятно, в надписанных пакетах, что и побудило переписать их группами, а некоторые даже поодиночке. Основную массу серебряных монет составляли клады, которые хранились целиком, отчасти даже с определением и указанием места находки. Их исчисляли и счетом и в рублях, даже в тех случаях, когда это были джучидские монеты. В описи значатся:

1. Клад в «двадцать пять рублей, найденный в 1715 г. в Казанском уезде по Арской дороге, в деревне Константиновке у крестьянина в погребу — 2500».

2. Клад, найденный в 1717 году на винокуренных заводах Микляева в Свяжском уезде, в земле: «российских денег князя Ивана Даниловича — четыре рубли—400» (вероятно, какие-то монеты с титулом и именем «князь великий Иван», приписанные Ивану Даниловичу Калите, — *И. С.*).

¹ Об интересе Петра I к нумизматике свидетельствует ряд его указов, в частности указ 1722 года об изъятии привесок с икон в храмах (ПСЗ № 3888, 19 янв. 1722 года), предусматривавший отбор и сохранение всего исторически ценного. Скрытый в годы правления Петра знаменитый клад Киево-Печерской лавры (находка 1898 года) показывает, какие нумизматические сокровища находились в распоряжении церкви в начале XVIII века (Н. Петров. Археологическая находка на хорах в великой церкви Киево-Печерской лавры. Киев, 1899).

² Материалы, т. V. СПб., 1889, стр. 104 (Роспись золотым, серебряным и медным медалям и старинным деньгам, отданным из Кабинета после кончины . . . Петра Великого для сохранения в Кунсткамеру в 1728 году).

3. В 1723 году Петр специально посылал во Псков своего гоф-юнкера Маврина за найденным там кладом русских монет. Псковский клад составляли «монеты Игоря» на сумму 95 рублей, то есть около 9500 наиболее ранних копеек Грозного, на которых еще не помещалось его имя.

Надпись «князь великий и государь (ИГДРЬ) всяя Руси» постоянно читали как «князь великий Игорь всяя Руси»¹. Петр, вероятно, узнал о «монетах Игоря» из челобитной по поводу наследства, оставшегося после умершего монаха Псковского Пантелеймонова монастыря Е. Скородумова, который за несколько лет до смерти оставил клад на хранение у одного посадского человека².

4—6. Повидимому,кладами являются еще три группы русских монет:

а) «девяносто шесть копеек больших и сто четырнадцать копеек малых, деньги российские — 210»; б) «старинных российских копеек 26 рублей, 60 копеек, весом три фунта 40 золотников, которые поднесены стряпчим Марковым — 2660». Судя по среднему весу одной монеты (около 0,5 г), этот клад мог состоять в основном из копеек XVII века весом по 0,48 г с примесью более тяжелых старых копеек; в) «восемьдесят копеек серебряных, приняты у Молостова 20 мая 1718 г. — 80»³.

7—8. Два очень крупных клада восточных монет, повидимому джучидских, так как их, не задумываясь, посчитали, как копейки: «Татарских денег сто девяносто два рубля пятьдесят восемь копеек—19258» и «денег татарских двадцать четыре рубля, семнадцать алтын, сысканных в Пензенском уезде в земле — 2451»⁴. Среди серебряных «монет» привлекают внимание «татарские талеры» — вероятно, турецкие куруши (пиастры)⁵ и четыре «татарские» монеты, присланные в 1722 году казанским губернатором Салтыковым. Судя по их общему весу 2½ золотника, это не могли быть золотоордынские монеты. Из русских монет в разных местах списка дважды назван рублевик Алексея Михайловича.

Наконец, немного медных монет: копейки, денежки, полушки, несколько римских и «унгарских» монет, один «талер медный швецкой, который отдан у Борнголма в 1716 г.» (вероятно, плита. — И. С.) и большая серия медалей Людовика XIV⁶.

«Государев кабинет» упомянут в Эрмитажном альбоме на л. 73. Здесь изображена из этого собрания талерная медаль Лжедмитрия (табл. VII). Именно к ней в альбоме относится выписка из книги на латинском языке: «С. I. Tritch. Programatae de lingua Slavonica (Берлин, 1727)». Упомянут вызолоченный серебряный экземпляр, который упомянут несколько позже в печатном каталоге 1745 года и в рукописном ка-

¹ О «монетах Игоря» см. Северный архив, изд. Ф. Булгариным, 1823, VII, стр. 201 (описание клада копеек времен Шуйского, найденного в г. Грязовце). Д. И. Срезневский. Монеты Игоря. ИАО, II, вып. 4, стр. 233; Д. И. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII в. СПб., 1865, стр. 156; А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г., стр. 181. После 1946 года в Эрмитаж и Гос. Исторический музей до последнего времени от разных лиц поступали сообщения о находках «монет Игоря».

² Н. Ильинский. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания и т. д. Ч. VI. СПб., 1795, стр. 57.

³ Материалы, т. V, стр. 106, 107 и 109.

⁴ Там же, стр. 107 и 109.

⁵ А. А. Быков. Монеты Турции XIV—XVII вв. Л., 1939, стр. 18.

⁶ Материалы, т. V, стр. 109—110.

талоге коллекции русских монет Кунсткамеры 1768 года¹. В последней сделано примечание: «не известно, чтобы другая сей подобная у любителей охотников в руках находилась». О. П. Беляев, издавая каталог Кунсткамеры в 1800 году, своими словами повторил это примечание², хотя в его время уже существовали новодельные экземпляры³.

КОЛЛЕКЦИЯ П. С. САЛТЫКОВА

В архиве Академии наук сохранилось неподписанное письмо (черновик) от 6 ноября 1723 года, адресованное лично секретарю Петра I А. В. Макарову, из которого выясняется, что коллекцию монет имел предшественник и однофамилец А. П. Салтыкова — Петр Самойлович Салтыков, тоже казанский губернатор.

«Государь мой Алексей Васильевич

На Ваше письмо, в котором от меня требуете ведать, где старинные монеты от Казанского губернатора Петра Самойловича Салтыкова ныне обретаются и какая их цена, ответствую, что сундучок с оными монетами и с росписью об них отданной (выделено мною. — И. С.) в Кунсткамере обретается, а какая им цена, об том Вам донести не могу, понеже надобно осмотреть, на которое несколько времени надобно; ради того осмотрев вашу милость уведомялю. 1723 году ноября 6 дни. Покорнейший слуга ваш».

На обороте . . . an v. Makarof von Soltikof Medaillen-Cabinet, 1723 d. 6. Nov.⁴.

Упоминание «росписи о монетах» свидетельствует о серьезном, организованном собирании и указывает, пожалуй, и на то, что монеты в основном скорее всего были русские. Приходится признать П. С. Салтыкова составителем одной из очень ранних нумизматических коллекций.

В конце XVII века боярин Салтыков был с 1691 по 1713 год воеводой, а затем губернатором Смоленска, откуда он перешел в Казань⁵.

¹ Рукопись «Ревизия, учиненная в 1768 году находящимся при Императорской Кунсткамере золотым, серебряным и прочим драгоценным вещам, также и всему Минцкабинету с приложением . . . вновь сочиненного обстоятельного каталога Российским деньгам, монетам и медалям». Библиотека Отдела нумизматики Эрмитажа. Список только одного каталога монет Кунсткамеры имеется в ГПБ (так наз. «Эрми-тажная опись» № 83).

² О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого, ч. III. СПб., 1800, стр. 33. «Охотниками» называли в XVIII и первой половине XIX века собирателей-нумизматов.

³ Г. И. Лисенко, который около 1807—1809 годов служил на Монетном дворе, сообщает в своем каталоге, что штемпели талера Лжедмитрия отысканы в Польше Петром I, привезены в Россию и долго хранились в Москве. Далее, по словам Лисенко, собиратель второй половины XVIII века А. Л. Нарышкин получил разрешение Екатерины II отбить на Монетном дворе несколько экземпляров талера. Штемпели для этого были доставлены в Петербург и после использования хранились в Кабинете; а при Павле или в начале правления Александра их совсем отдали на Монетный двор. Здесь ими отчеканили много экземпляров для коллекционеров. Чеканили и после того, как «орловый» штемпель раскололся, что хорошо заметно на большинстве дошедших до нас новодельных экземпляров. В 1811 году медальеру Шидлову было поручено сделать новый штемпель взамен лопнувшего. Примерно то же сообщает о штемпелях Рейхель, а Шуберт называет Краков как место их находки. Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, I, 1842, стр. 23, № 570. Описание русских монет и медалей собрания генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта, I. СПб., 1843, стр. 102. Среди изданных А. Карзинкиным разновидностей медалей, по крайней мере, две можно считать современными событию, которому они посвящены. (А. Карзинкин. О медалях царя Дмитрия Иоанновича (Лжедмитрия I). М., 1889). (Оттиск из трудов Московского нумизматического общества, т. I. М., 1889).

⁴ Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 1, л. № 29.

⁵ РБС, Сабанеев-Смыслов, СПб., 1904, стр. 104.

Оба места следует признать весьма благоприятными для собирания монет. Салтыков умер в почтенном возрасте, вскоре после состоявшейся в 1719 году его отставки. Коллекцию он, повидимому, привез с собою в Петербург, отправляясь в том же 1719 году на Олонецкие воды. Дальнейшая судьба коллекции вместе с «росписью»-каталогом, находившимся на хранении в Кунсткамере, неизвестна. Запрос Макарова является еще одним свидетельством интереса Петра I к нумизматике.

КАБИНЕТ ПОПА ФЕДОРА, КОТОРЫЙ ЖИЛ БЛИЗ ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Еще одна изображенная в альбоме монета срисована тоже в «Государеве кабинете» (л. 72): «Серебряной гривеник царя Федора Ивановича, на одной стороне ево персоне на коне (слева, со скипетром в руке.— *И. С.*; табл. VIII). Обрелася в кабинете у попа, который подал его императорскому величеству старые копейки и он жил близ Воскресенского монастыря».

На рисунке изображена крупная, несомненно дарственная, монета Федора Ивановича со строчной надписью на оборотной стороне¹.

Слово «кабинет» — вовсе не смешная оговорка составителя альбома, так как «поданные» Петру «копеечки» в действительности были подобранной и старательно систематизированной коллекцией древних русских монет, над которой длительно работал один из наиболее ранних из предшественников Черткова, известный нам только по имени.

В цитированной выше описи «Государева кабинета» 1742 года особо выделены и благодаря имевшимся на пакетах надписям описаны наиболее подробно две особые коллекции «поднесенных . . . вотчины Воскресенского монастыря попом Федором» в 1720 и вторично в 1724 годах². Следовательно, в одной из них и находилась изображенная в альбоме редкая монета.

Первая коллекция состояла из 571 монеты и описана следующим образом:

«28 (словами, как и ниже) копеек скифских и сарматских или татарских» (то есть джучидских монет. — *И. С.*).

«37 копеек великих князей новгородских, киевских, владимирских и иных княжений русских».

«31 копейка великого князя Игоря».

«22 копейки великого князя Иоанна Даниловича Московского, нарицаемого Калиты, да сына его великого князя Иоанна Иоанновича Московского 12 копеек» (то есть какие-то различные монеты с именем Ивана. — *И. С.*).

«10 копеек великих и разных великого князя Василия Васильевича, нарицаемого Темным».

¹ Такой же, а всего вернее, этот самый экземпляр позже описан Шодуаром со слов Я. Я. Рейхеля, хотя Шодуар был знаком как с собранием Кунсткамеры, так и с коллекцией Рейхеля, на которые не раз ссылался в книге; но в данном случае ссылка только на сообщении Рейхеля. В каталогах Кунсткамеры эта монета не упоминается (Шодуар, т. II, № 241). В собрании Рейхеля были близкие по типу экземпляры монеты Федора Ивановича: вызолоченная серебряная тройного веса копейка и золотая, одного штемпеля. Они отличаются тем, что всадник со скипетром изображен едущим вправо и легенда размещена в строках по-иному. (Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества, т. I, 1849, стр. 27, № 11, табл. I, № 11); см. также ТМНО, I, 1898, стр. 68, табл. VI, № 1.

² Материалы, т. V, стр. 167.

«11 копеек разных денег великого князя Иоанна Васильевича Московского» (то есть, вероятно, монеты Ивана III и княжеские копейки Грозного. — *И. С.*).

«57 копеек царя и великого князя Иоанна Васильевича».

«19 копеек с половиной царя Федора Ивановича».

«17 копеек царя Бориса Годунова».

«14 копеек царя Василия Ивановича Шуйского».

«5 копеек царя Дмитрия, что был рострига».

«10 копеек царя Владислава Жигимонтовича, польского королевича».

«130 великих копеек и алтынов царя Михаила Федоровича, царя Федора Алексеевича и царей Иоанна и Петра Алексеевичев».

«5 копеек польских и немецких» (вероятно, копейки Христиана IV. — *И. С.*).

«30 копеек разных царей».

«137 копеек больших и малых».

«6 копеек азиатских»¹.

Вторая коллекция (576 монет) несколько шире первой по охвату материала и описана уже по-иному.

«20 (словами, как и ниже) копеек новгородских».

«38 копеек псковских».

«11 копеек с подписанием «князь великий Игорь».

«Копейка с надписанием «князь великий Александр» (вероятно, за имя принято отчество. Относительно надписи «князь великий Александр . . . » см. Орешников, стр. 25 и 190. — *И. С.*).

«3 копейки князя Михаила» (надпись «князь Михаил» — только на ростовских и верейских; на тверских Михаила Борисовича — титул «князь великий». — *И. С.*).

«Копейка с надписанием «печать князя Василия Михайловича» (без слова «печать» — на кашинских деньгах). (Орешников, № 410. — *И. С.*).

«4 копейки с надписанием «князь Иван Андреевич» (полное соответствие надписи на Можайских деньгах). (Орешников, № 759 и сл.).

«Копейка старинная с надписанием «князь Василий Ерославич» (соответствует надписи серпуховских денег). (Орешников, стр. 142—144).

«11 копеек старинных с подписанием «денга тверская», а на другой стороне «печать князя великого» (см. Орешников, №№ 156—160 и 262 и сл. — *И. С.*).

«64 копейки князя великого Ивана Васильевича, на которой на другой стороне надпись «Осподарь всея Руси» (Орешников. № 648 и сл. — *И. С.*).

«49 монет больших и малых европейских».

«45 больших и малых чужестранных же».

«76 копеек больших и малых азиатских».

«10 копеек с литерами азиатскими, на которых видится и русская подпись».

«9 копеек старинных с надписанием «царь и великий князь Федор» (Федор Иванович, без отчества. — *И. С.*).

«26 копеек больших и малых, на которых литеры русские и азиатские».

«6 копеек одинаких, на которых русская и азиатская подписи».

«34 копейки старинных с надписанием «князь великий Иван» (не позднее 1547 года. — *И. С.*).

«9 копеек старинных с надписанием «царь и великий князь Борис Федорович».

¹ Материалы, т. V, стр. 107—108.

«Копейка старинная с подписанием «Государь всея Руси» (см. Орешников, № 682—685. — *И. С.*).

«12 копеек старинных с надписанием «денга московская» (Иван III и Василий Иванович. Орешников, №№ 671, 672. — *И. С.*).

«Одна копейка российская».

«2 копейки одинакия».

«21 копейка старинная с надписанием «Царь и великий князь Иван» (Грозный после 1547 года. — *И. С.*).

«2 копейки с надписанием «Земли русской» (на денгах Василия Темного. Орешников, 625, сл. — *И. С.*).

«9 копеек царя Михаила Федоровича».

«2 одинаке копейки российские, найденные в Пошехонье».

«5 копеек российских одинаких».

«4 копейки с подписанием «печать князя великого».

«2 копейки старинных с подписанием «Всея России».

«32 копейки князя великого Василия Ивановича».

«3 копейки российские одинакие».

«29 копеек князя великого Василья».

«Одна копейка с греческой подписью» (вероятно, один из типов копеек Христиана IV. — *И. С.*).

«2 копейки великого князя Дмитрия Ивановича».

«7 копеек с российскими и татарскими литерами».

«3 копейки российские одинакие».

«Неразобранные сто пять копеек»¹.

Различный способ выражения в обоих списках показывает, что составители описи 1742 года в какой-то мере придерживались определений, сделанных рукою Федора. Были ли эти определения списаны полностью, не было ли дополнительных определений внутри групп, мы можем только гадать. Однако последовательность расположения и описания материала, как мы далее увидим, составителями описи была сохранена. По-видимому, они опирались на имевшуюся нумерацию пакетов.

Нет надобности критиковать определения упомянутых монет, оспаривать существование монет Игора или Ивана Калиты и т. д. Важно, что список 1742 года в известной мере восстанавливает для нас общую картину работы над древними отечественными монетами русского человека начала XVIII века, видевшего в них прежде всего памятники старины. Деятельность его прослеживается на протяжении нескольких лет, и можно отметить некоторый прогресс в систематизации второй коллекции по сравнению с первой. Судя по тому, что почти все монеты были представлены несколькими экземплярами, можно думать, что через руки Федора прошло несколько кладов.

КАБИНЕТ КУПЦА-ОТКУПЩИКА БАБУШКИНА

Об одном из описанных в альбоме очень интересных памятников русской нумизматики сказано, что он «имеется в кабинете у откупщика Бабушкина»².

Это была «медалия старая, деланная при великом князе Иване Васильевиче, весом в 5 червонцев», отнесенная составителем альбома ко времени около 1560 года (л. 70; табл. IX).

Точно такая же медаль, а вернее всего, этот же экземпляр описан в печатном каталоге Кунсткамеры 1745 года³ и затем, после пожара

¹ Материалы, т. V, стр. 108—109.

² В остермановском каталоге вместо слова «откупщик» стоит «купец».

³ Musei Imperialis, II, ч. 3, стр. 24.

1747 года, в каталоге 1768 года, где рядом с описанием появилась маленькая звездочка, без объяснения. Такие же звездочки стоят еще возле десятка описаний, как на подбор, исключительно уникальных монет. Только возле некоторых медных приписано: «утрачена при пожаре». В издании О. Беляева 1800 года монета уже не названа.

Время окончательного исключения редкой монеты из Минцкабинета может быть уточнено. В архиве Академии наук имеется рукописная книга, написанная тою же рукою, что и опись 1768 года, и аналогичного содержания. Она составлена по случаю очередной ревизии Кунсткамеры и Минцкабинета в 1770 году¹. Каталог русских монет в этой книге переписан полностью и отличается лишь несколькими дописками монет под литературными номерами. Монета Грозного вписана на своем месте в каталоге и вторично отмечена в сводном перечне ревизованных монет. Однако обе записи зачеркнуты другими чернилами. Следовательно, монета была исключена после ревизии 1770 года².

Не исключена возможность, что редчайшая монета — медаль Грозного — ушла из России около 1775 года. Она изображена на нумизматических таблицах, которые приложены к изданному в 1783 году в Париже второму тому «Истории древней России» Леклерка³ (табл. XIII, № 163). Последний указывает в предисловии, что среди вывезенных им в 1775 году из России материалов были монеты и медали.

В то время как более полтораста монет на таблицах воспроизведены с очень грубо исполненных в России рисунков, монета Грозного находится в числе немногих, тщательно срисованных с натуры⁴.

Отыскать какие-либо сведения о Бабушкине не удалось.

„КАБИНЕТ“ КУПЦА ПЕТРА ВАХРАМЕЕВИЧА МЕЛЛЕРА

Петр Вахрамеевич Меллер (ум. 1748), названный в остермановском каталоге купцом, в Эрмитажном альбоме упомянут запросто, без чинов и званий, неукоснительно указываемых для знатных владельцев кабинетов. Однако он принадлежал к видимым людям своего времени. Совместно с братом Вахрамеем П. В. Меллер был владельцем Угодского и Истицкого железодельных заводов, перешедших в их совместное владение в 1712 году после смерти матери, которая по 1693 год была во втором браке за Ф. Е. Ассемой. Заводы Меллеров

¹ Архив Академии наук СССР, разр. III, оп. I, № 150.

² Шодуар поместил в своем каталоге описание аналогичной монеты (но в 3 червонца), снова на основании сообщения Рейхеля, слегка отличающейсяписанием легенды — с ссылкой на каталог 1745 года. Возможно, что речь идет об одной и той же вещи. Рейхель мог знать эту монету по нашему или другому, подобному ему, альбому, так как он дважды сообщал Шодуару о монетах, изображенных в альбоме, не называя при этом их местонахождения (Шодуар, II, стр. 41, № 240, стр. 38, № 226).

³ Le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne, II, Paris, 1783, табл. IV, № 163.

⁴ В ГИМ находится, повидимому, единственно сохранившийся в нашей стране экземпляр пятикратного червонца Грозного (№ 81989, 15240). Прежде чем монета поступила в музей, она долго хранилась в архиве Министерства иностранных дел, куда в свое время была передана вместе с собранием С. В. Долгорукова (см. описание неизданных русских монет кн. С. В. Долгорукова. ЗАО (Ст. серия) I, III, Спб., 1851, стр. 46—47, № 39). Вес монеты 17,25 грамма, в верхней части имеются два маленьких отверстия, свидетельствующих о том, что, повидимому, червонец служил наградным знаком подобно «печати» — медали боярина В. С. Вольнского, ведавшего в царствование Федора Алексеевича Посольским приказом. (Труды и летописи ОИДР, ч. VII М., 1837, стр. 67 и таблица в конце тома).

были хорошо известны Петру I. Отец Вахрамея и Петра Меллеров, голландский купец Вахрамей (Вернер) Меллер, переселился в Россию во второй половине XVII века и вел крупную торговлю поташем и лесом, а в 1680 году основал Истицкий завод. В 1696 году Петр I осматривал завод и отковал на нем 18 пудов прутowego железа, а приехав в Москву, побывал в гостях у Меллера, причем стробовал с него заработанное по алтыну с пуда¹.

В кабинете П. В. Меллера зарисован рублевик Алексея Михайловича.

На таблице (л. 78; табл. X) изображено два рублевика, причем первый вызывает сильнейшие сомнения как слишком правильной формой, так и совсем необыкновенными изображениями, оказавшимися на нем².

„КАБИНЕТ“ ФЕЛЬДМАРШАЛА ЯКОВА ВИЛИМОВИЧА БРЮСА

Одна из интереснейших записей в альбоме (л. 69) касается «кабинета» Я. В. Брюса и проливает свет на историю хорошо известного памятника, неоднократно упоминавшегося в нашей исторической и нумизматической литературе. Это так называемый «валашский талер» с изображением св. Николая на лицевой стороне и трудночитаемой славянской надписью—на другой (табл. XI). Очень долго этот золотой дарственный медальон приписывали Ивану III, и еще Н. М. Карамзин упомянул эту «медаль» в своих трудах как подарок Ивана III своей дочери Феодосии. Только в 1840 году Я. Я. Рейхель усомнился в русском происхождении памятника и высказал предположение о принадлежности его к культуре южных славян³.

А. В. Орешников, А. А. Куник и Н. И. Петров убедительно доказали румынское происхождение медальона, изготовление которого, уже судя только по употребленному в надписи названию «талер», никак не могло относиться ко времени Ивана III⁴.

В Эрмитажном альбоме изображена лицевая сторона медальона, а для оборотной вычерчен только кружок, но в списке Публичной библиотеки даны обе стороны. Запись в альбоме гласит: «Прислана из Ныренберга из немецкой земли к фельдмаршалу и кавалеру Якову Вилимовичу Брюсу 1723, весом в 18 червонцев. Делано от с. мира 7001 от р. Христова 1493 году при великом князе Иване Васильевиче, пожалована от него дочери своей Феодосии. Она медаль ныне обретается у

¹ И. Гамель. Описание Исульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826, стр. 24—25. Н. В. Чарыков. Посольство в Риме и служба в Москве Павла Менезия (1637—1694). СПб., 1906, стр. 493—494.

² Относительно обычного рублевика Алексея Михайловича сделано примечание, что такие же имеются в кабинете «герцога Брунсвицкого». Выше упомянуты два рублевика, находящиеся в «Кабинете Государеве». Лисенко рассказывает в своем каталоге, что в конце XVIII века на Петербургском монетном дворе в ответ на спрос со стороны собирателей были сделаны штемпели и чеканились новодельные рублевичи Алексея Михайловича. Встречаются экземпляры их, сохранившие гуртовую легенду петровских рублевиков (даже с датой), использованных в качестве кружков для чеканки.

³ Собрание русских медалей, издание Археографической комиссии. СПб., 1840, стр. 1, рецензия С. С. (С. Г. Строганова) в ЖМНП, т. XXV, отд. VII, стр. 95—104.

⁴ А. В. Орешников. Золотая молдавская медаль; А. Куник. О молдавском происхождении так называемого золотого талера русского князя Холмского (перепечатка статьи из Записок ИАН, т. XLI, 1882, кн. 2, стр. 33—34); Н. И. Петров. Валашский талер. (Все три статьи в Нумизматическом сборнике, т. I, М., 1911, стр. 576); Н. И. Петров. Румынские художественные памятники в России и возможность влияния их на русское искусство. Труды XIV Археологического съезда, II, стр. 89; Он же. Альбом достопримечательностей, хранящихся в Церковно-Археологическом музее Киевской духовной академии. Вып. IV—V, 1915, стр. 52.

вышеупомянутого фельтмаршала в кабинете и можно знать, тем что она была прежде сего в Цареграде, что на ней есть клеймо турецкое».

Ниже описания помещены две выписки из летописей, в которых упоминается Феодосия. Следовательно, появившийся в России в 1723 году интересный нумизматический памятник со славянской надписью вскоре же вызвал определенного рода исследовательскую работу, имевшую целью найти ему объяснение в событиях русской истории. В данном случае не важно, что определение было ошибочным.

На 76-м листе описана еще одна «медалия» из кабинета Я. В. Брюса — девятикратный червонец Алексея Михайловича. Как и в первом случае, о нахождении монеты в кабинете Брюса говорится в настоящем времени.

В опубликованных материалах относительно передачи в Академию наук в конце 1735 года библиотеки и богатых коллекций Я. В. Брюса, которые он собрал отчасти за границей, сопровождая Петра в его путешествии, «отчасти здесь великим трудом и иждивением»¹, почти нет данных о составе нумизматической части коллекции. В описи упоминается только мешочек с «образцовыми» пятикопеечниками, денежками и полушками в количестве 108 штук, в том же мешочке были 10 медных «шведских медалек» и 20 «азиатских».

Что касается обеих золотых вещей², то, по всей вероятности, они находились в ящике, который был принят для доставки в Кунсткамеру запечатанным и не вскрывался (с надписью «Всякие разные печатки римских и других царей»³), но в архиве Академии наук находится особая опись золотых и серебряных монет и медалей коллекции Брюса, в которой упомянуты и обе названные выше медали⁴. Опись охватывает 125 золотых и около 800 серебряных предметов. Русские монеты, главным образом XVII века, составляют довольно заметную группу среди всех золотых монет, а среди серебра много медалей петровского времени. Особенно примечательна восточная часть коллекции. Она состояла, помимо немногих золотых, из 150 джучидских монет с определениями, не считая 400, оставшихся неразобранными.

„КАБИНЕТ“ ГЕРЦОГА БРУНСВИЦКОГО

«Кабинет» Антона-Ульриха дважды упомянут в альбоме. В одном случае речь идет тоже о замечательном памятнике — червонце Ивана Грозного (л. 76) с изображением двуглавого орла и со строчной легендой (табл. XII). Во второй раз на листе с описанием рублевиков коллекции Меллера (л. 78) помечено: «такие есть у . . . герцога Брунсвицкого». Состав коллекции Антона-Ульриха остается неизвестным. Очень вероятно, что в 1733 году он привез с собою коллекцию, которую собирал еще в Германии, и сразу же стал пополнять ее в России местным

¹ Материалы, т. II. Спб., 1886, стр. 728; см. также указатели, т. II и V.

² Оба уникальных нумизматических памятника описаны в каталоге 1745 года, в рукописном каталоге 1768 года и в издании О. П. Беляева 1800 года. Местонахождение «валашского талера» в настоящее время неизвестно. Еще один, но серебряный, экземпляр описан в аукционном каталоге собрания А. А. фон Крамма 1765 г. (Münzsammlung . . . Herrn August Adolph von Cramm, etc. Wernigerode, 1765, стр. 90, № 460).

³ Материалы, т. V. СПб., 1889, стр. 185. Привлекает внимание запись о принятой тогда же коробочке с надписью «товарные деньги», в которой находились круглые камешки.

⁴ Архив Академии наук СССР, разд. III, оп. I, № 140.

материалом, а в охотниках прислужиться ему недостатка не было. Дальнейшая судьба его коллекции не прослеживается.

Благодаря упоминанию коллекции Я. В. Брюса и «герцога Брунсвицкого» в нашем альбоме, время его составления определяется очень точно, в пределах не более двух лет.

Как было указано выше, после смерти Брюса в 1735 году коллекции были переданы в Кунсткамеру¹. Записи о Брюсе в альбоме указывают на то, что они были сделаны при его жизни, во всяком случае не позднее 1735 года.

Герцог Брауншвейгский (после свадьбы в 1739 году его стали звать уже не герцогом, а принцем) появился в России в 1733 году. Материалы в альбоме расположены в хронологическом порядке, и вещи Брюса и Антона-Ульриха чередуются, поэтому нет возможности предположить, что альбом заполнялся постепенно. Он был составлен в очень короткий срок—между 1733 и 1735 годами. Вскоре же после составления один из списков альбома оказался в руках Остермана.

КОЛЛЕКЦИЯ ГРАФА А. И. ОСТЕРМАНА

Упомянутая выше коллекция русских монет Остермана также отмечена в альбоме.

Из этой коллекции на л. 74 описан четырехкратный червонец Михаила Федоровича. Эта монета описана и в каталоге остермановской коллекции и поэтому пропущена в выписках из альбома².

Карьера Остермана закончилась одновременно с крушением Антона-Ульриха.

Приемка в Кунсткамеру «бывшего графа Андрея Ивановича Остермана в пожитках шкафа китайской работы под лаком, с золотыми и разными курьезными медалями и старинными деньгами» происходила в 1742 году³. Уже одна составленная тогда краткая опись показывает, что коллекция состояла главным образом из русских монет, разложенных в шкафу в большом порядке (1761 серебряная, 56 медных и 7 золотых).

Упоминание в приемочной описи рублевиков «принца Иоанна III первой и второй инвенции» свидетельствует о том, что пополнение коллекции производилось еще в 1740 году накануне падения Остермана. Кроме русских монет и медалей, в коллекции было 163 римских, 33 шведских и 513 персидских и турецких монет и около трех десятков китайских.

В делах упомянут находившийся при коллекции каталог, по которому ее и принимали,—«тем старинным монетам в переплете книга со изображением тех монет характеров и пропорции с расписанием на них знаков и чьего княжения». Для китайских монет был особый каталог—«книга же в переплете, доски оклеены гродетуром пунцовым, по обрезу вызолочена»⁴.

Большой каталог Остермана сохранился в архиве Академии наук. Он состоит из следующих четырех частей⁵.

¹ Материалы, т. II, стр. 736, 791—798, 800.

² К коллекции Остермана принадлежит также изображенный только в Эрмитажном альбоме «Образ калмыцкой медной, которой у них зовут бурхан, списанием крымским и китайским». В описи Кунсткамеры 1768 года в числе вещей остермановской коллекции он назван «калмыцкой идол в медной коробочке».

³ Материалы, т. V, стр. 323, 335, 365—366.

⁴ Там же, стр. 366. По всей вероятности, каталог был передан вместе с восточными коллекциями в Азиатский музей в 1826 году (Архив Академии наук СССР, ф. 2, оп. 1826, № 2, лл. 14, 28).

⁵ Архив Академии наук СССР, разр. II, оп. I, № 228.

1. «Реестр всем деньгам и новым медалям, имеющимся в кабинете его сиятельства графа Андрея Ивановича Остермана» (л. л. 1—22, описание только русских монет и медалей).

Число сортов (то есть номера)	На одной стороне		На другой стороне		Число денег (то есть количество)
	фигуры	подпись	фигуры	подпись	

2. «Генеральный реестр именам владеющих российских князей, которых старые деньги имеются в кабинете; об оных деньгах значатся ниже сего в графах числа листов в рисовальных книжках по вышесписанному реестру и о ящичках, разгороженных в больших ящиках» (л. л. 23—28).

№	Имена князьям (а также города и сюжеты.—И. С.)	Число листов (то есть №№—И. С.) в рисовальной книжке	Числа по сему реестру	Числа в ящичках, которые разго- рожены в боль- ших ящиках

3. «Реестр медалям, которых в кабинете его сиятельства графа Андрея Ивановича Остермана не имеется и надлежит оных прискивать» (л. л. 29—30, по графам как в 1-м разделе, — уже упоминавшийся список текста нашего альбома).

4. «Роспись российскому монетному кабинету и обретающимся в оном манетам» (л. л. 31—38. Поящичная краткая опись всех монет коллекции. В ящиках 1—8—русские монеты, в ящиках 9—10 русские медали, в ящиках 11—14 ближневосточные монеты, в ящичке 16—китайские монеты, там же римские и другие¹).

Едва ли сам Остерман имел какую-либо возможность заниматься своей коллекцией и уделять время работе по ее систематизации и описанию. Не касаясь пока что принципов систематизации, нужно отметить, что составление каталога, написанного чисто русским языком и по-русски, двумя разными почерками, было делом большого труда. В нем описаны все входившие в русскую коллекцию многочисленные монетные типы (266 номеров, без меди XVIII века) с выделением разновидностей, вплоть до вариантов штемпелей. Монета, в зависимости от ее редкости, которая обычно оговаривается, оценена в деньгах, а для некоторых отмечена уплаченная за нее сумма. Кем-то был сделан не дошедший до нас в подлиннике полный альбом рисунков со всех монет коллекции, который упомянут во 2-м разделе. Мало этого: к каталогу присоединен своеобразный указатель имен собственных, городов и сюжетов.

¹ Четвертая часть каталога, в виде особого списка, была известна В. К. Трутовскому, который сделал о ней сообщение в Московском нумизматическом обществе в 1911 году. Что у Трутовского был список только одной части, видно из того, что автора каталога или владельца коллекции Трутовский назвать не мог. Можно думать, что список был неполный, так как Трутовский совершенно не упоминает об иностранных монетах. (Нумизматический сборник, т. II, М., 1913, стр. 329—330).

Можно не сомневаться, что составители и хранители коллекции Остермана были русскими, находившимися у него на службе. В каталоге, на котором имеется пометка «Копия № 1», помимо скреп двух секретарей — Стефана Рогачева и Василия Елина, названы два лица, повидимому, имевшие в разное время непосредственное отношение к коллекции. Оба имени — Горнов и Филиппов — названы как имена прежних счетчиков. Стало быть, счетчик-хранитель 1740 года был уже третьим. Его рука в каталоге появляется на л. 35, откуда начинается описание монет Петра I.

Каталог русских монет и медалей был написан около 1731 г., так как последние записанные в него монеты датируются этим годом, а более поздние названы только в поящичной описи¹.

Китайский каталог Остермана является, по всей вероятности, первым каталогом такого рода в России. Вторично небольшая группа китайских монет была в те же годы описана Г. Я. Кером для каталога Кунсткамеры. При русском каталоге Остермана имеется краткое перечисление иностранных монет, находившихся в коллекции, в том числе записано только «15 китайских монет желтой меди и 2 штуки китайского серебра, китайским гербом заклейменных». Кроме них, упомянут «1 кусок китайской желтой меди, весом и цветом золоту подобный», «китайские вески, которыми китайцы золото и серебро свешивают» и «китайский шелковый кошелек, в чем оные золото хранят».

В примечании указано: «Китайцы кроме вышеозначенных монет, никаких иных денег не имеют, в середине сделана четырехугольная дыра, так что все оные на шнурке надеть и носить можно; золото же и серебро они между собою такими . . . весками развешивают».

Сверх названных 18 китайских предметов было принято в Кунсткамеру еще 22 китайские монеты. «Китайский» каталог, повидимому, охватывал все или, во всяком случае, последние 22, не отмеченные в русском каталоге. Поэтому можно думать, что и составлен он после русского, в конце 30-х годов XVIII века, вероятно, тем же Г. Я. Кером.

РАЗНЫЕ КАБИНЕТЫ

Относительно описанных в альбоме трех монет червонцев Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича (лл. 75, 77 и 80) говорится всякий раз, что «такие обретаются в разных кабинетах» — лишнее доказательство того, что коллекции русских монет в первой половине XVIII века существовали отнюдь не в виде только исключения.

Кроме рассмотренных выше нумизматических памятников, в альбоме без всякого указания о принадлежности к тем или иным кабинетам описаны следующие вещи: под № 79, после рубля Алексея Михайловича — его «четверть рубля треугольная . . . из немецкого талера вырезанная» (на рисунке круглая).

¹ Из примечаний составителя мы узнаем, что в XVIII веке «зело в диковинку» считались копейки «дацкого Кристьяна». Они оценены по 10 копеек за штуку, тогда как обычная оценка других — 7 копеек. «В диковинку» золотые копейки Владислава и червонцы Федора Алексеевича. Относительно маленьких алтынов 1718 года сказано, что они «зело плохи» и потому «закликаны», то есть запрещены и изъяты. То же самое сказано относительно «меншиковых серебряных копеек 1713, 1714, 1718», то есть круглых низкопробных серебряных монет.

В одной записи имеется определенная оценка сравнительно недавних в то время политических событий. Она высказана по поводу червонцев царевны Софьи, «на которых оная себя на одной стороне с короной и скипетром, а обонх братьев . . . на другой стороне только в велико княжеском платье вообразить велела». Эти монеты тоже «зело в диковинку».

Четыре предмета относятся к правлению царицы Софьи: «Медалия в 5 червонцев» с изображением государственного герба и строчной надписью в 10 строк (л. 81) и три хорошо известные золотые монеты в память Крымского похода (лл. 82—84).

На двух листах помещены «манета медная и круглая небольшая, давано людем, которые носили бороды, вместо квитанции, на ней герб, Росийский, герб и нос з бородой» — бородовой знак 1710 года, с надчеканкой и второй 1725 года, в виде ромба с надписью «борода — лишняя тягота», о котором сказано то же, что о первом, то есть признается и его применение в налоговой практике. В списке, включенном в каталог Остермана, круглый знак пропущен, так как имеется в коллекции (1705 год).

Только в Эрмитажном альбоме, с отступлением от хронологического порядка, за бородовыми знаками описаны половина ефимка и «ефимок гишпанский, на нем герб московский, при царе Алексее Михайловиче». В обоих случаях автор читает дату как 1666 и даже сообщает, что ефимки «печатали, когда войско российское стояло под Ригой 1666 году».

Ефимки «с признаком», как видно, привлекали большое внимание собирателей XVIII века. В каталоге Остермана описано их три и одна «полтина» — разрубленный пополам талер с клеймом, а после составления каталога был прикуплен за 15 рублей «куриозный ефимок с персоною доктора Малутора (Мартина Лютера — И. С.) и сим написанием «божие слово и луторское исповедание отныне и до века не прейдут». Этот действительно «куриозный» ефимок с признаком и из юбилейной талерной медали со словами «Gottes Wort und Luthers Lehr wird vergehen nimmer mehr»¹.

КОЛЛЕКЦИИ А. П. ВОЛЫНСКОГО И П. И. МУСИНА-ПУШКИНА

Необходимо сказать, кроме того, о двух коллекциях первой половины XVIII века, не упомянутых в альбоме. Это коллекции А. П. Волынского и П. И. Мусина-Пушкина.

Ящик с монетами коллекций Артемия Петровича Волынского и Платона Ивановича Мусина-Пушкина поступил в Академию наук в декабре 1740 года из «Комиссии описи пожитков Волынского и прочих». Ввиду большого количества восточных монет для составления их реестра был привлечен переводчик с «азиатских диалектов» Гевкелев из Иностранной коллегии; однако из текста описи видно, что если не все, то во всяком случае серебряные восточные монеты обеих коллекций хранились в бумажках с номерами, надписями-определениями и, кажется, даже с указанием веса².

Волынский собрал значительное число различных западноевропейских золотых монет XVII века и 18 золотых восточных, тоже по большей части нового времени, но очень разнообразных по подбору — турецких, персидских, бухарских и индийских. Среди почти трех сотен восточных серебряных монет около половины занимают монеты Золотой Орды, имевшие весьма подробные определения, с указанием места и года чеканки — «от Егира» (гиджры) и имени правителей. Повидимому, две монеты были куваческими. Из серебряных русских монет Волынского

¹ См. Н. G. Kreussler. D. Martin Luthers Andenken in Münzen, etc. Leipzig, 1818.

² Материалы, т. IV, стр. 508—509, 523—524, 661 и сл. и 696—697; Архив Академии наук СССР, разр. III, оп. 1, № 142.

перечислено только 14 штук различных допетровских монет; об остальных сказано только «русских денег 18 мест»¹.

В коллекции П. И. Мусина-Пушкина было собрано довольно значительное количество западноевропейских монет от XVI века вплоть до 30-х годов XVIII века, сравнительно небольшое число серебряных и медных западноевропейских монет XVII—XVIII веков. Золотых восточных монет было только восемь, а в перечне серебряных восточных монет упомянуты «Платоновские негодные» и 74 татарские монеты разных ханов, «все курьезные». Одна медная монета, на которой был изображен «муж с поднятыми кверху руками неизвестною подписью» была найдена в 1730 году в казанских пороховых ямах.

Состав русской коллекции Мусина-Пушкина ясен только в части золотых монет: здесь были очень тщательно подобраны по годам двухрублевки и другие монеты Петра I, причем, по всей вероятности, подбирались многочисленные варианты штемпелей, которых в петровском золоте очень много². Изучение имеющихся в каталоге Кунсткамеры 1768 года пометок убеждает, что русская коллекция Мусина-Пушкина (серебро) была основательно систематизирована, так же как и коллекция Остермана, что позволило за счет их полностью перестроить русскую коллекцию Минцкабинета, обогатив ее огромным количеством ранее отсутствовавших в ней монетных типов. Пометками «М» (Мусин-Пушкин) и «Ост» (Остерман) обозначено в каталоге происхождение доброй половины всех допетровских монет.

В описях Кунсткамеры 1768 и 1770 годов отмечено, что европейские монеты коллекции Мусина-Пушкина (здесь разумеются и русские) были включены в коллекцию Минцкабинета, а «азиатских» больше нет— «за отдачу в 1753 г. аукционисту Сутору на обмен за российские медали и разные европейских государств монеты»³.

Таким образом, следует признать, что и собирание и изучение восточных монет в России началось значительно раньше, чем принято думать. Рядом с Я. В. Брюсом, А. И. Остерманом (или неизвестным составителем каталога его китайской коллекции) следует поставить имена А. П. Волынского и П. И. Мусина-Пушкина. Роль восточных монет в денежном обращении древней Руси еще была совершенно неясна в рассматриваемое время, но изучение монет Золотой Орды уже было начато; собирались и определялись восточные монеты нового времени и, в частности, китайские.

Несколько названных нами «Кабинетов» принадлежали иноземцам, хотя, разумеется, между Я. В. Брюсом, родившимся в России и оставившим свои коллекции Академии наук, с одной стороны, и Антоном-Ульрихом или Остерманом разница довольно велика. На иноземцев-собирателей, вероятно, был рассчитан немецкий текст в альбоме. Во всяком случае, собирание коллекций русских монет находившимися в России иноземцами не могло бы вообще иметь места без существования определенного рода «нумизматической общности», то есть

¹ О дальнейшей судьбе коллекции А. П. Волынского узнаем из описи Кунсткамеры 1768 года, где указано, что хранившаяся отдельно от Минцкабинета коллекция Волынского в 1758 году была возвращена его дочери — супруге графа И. Л. Чернышева.

² В архиве Академии наук имеется особая опись коллекций Волынского и Мусина-Пушкина (разр. III, оп. I, № 142) с отметками о возвращении части монет.

³ В описи 1770 года помещен большой список разобранных к этому времени монет, главным образом талеров, полученных в 1753 году с Монетного двора (больше 17 фунтов). В описи 1768 года они упомянуты как неразобранные.

«охотников»-собирателей русских монет и известного аппарата поставщиков древних монет, обслуживавших зарождавшийся «нумизматический рынок». По существу, наличие сложившегося русского собирательства определяло также и направление собирательской деятельности иноземцев. Одни из них, вероятно, охотились только за раритетами, другие, как Остерман, при помощи русских, создавали весьма полные и высококачественные для своего времени коллекции древних русских монет.

В биографической и мемуарной литературе встречаются глухие упоминания о нумизматических коллекциях представителей знати XVIII века, которые дают основание считать, что в большинстве случаев это собирательство вызывалось занесенной с запада модой и что собирались поэтому главным образом либо медали, либо античные монеты¹.

Рассмотренные же выше материалы показывают, что собирание русских монет уже в первой половине XVIII века имело широкие размеры, и даже заезжие иностранцы обращались к собиранию русских монет.

Наиболее же важно отметить то, что русская нумизматика даже в начале XVIII века не была занятием только знати. Мы встречаем в первой половине века нумизмата-священника, нумизматов-купцов. Последние в большом числе упоминаются в каталоге Лисенко, относящемся к первой половине XIX века, но отчасти освещающего и собирательство конца XVIII века.

Сам составитель рассмотренного нами Эрмитажного альбома является еще одним из не известных по имени русских «охотников»-нумизматов первой половины XVIII века, хотя в альбоме и не представлен ни один памятник с указанием о принадлежности к собранию составителя.

Вполне можно допустить догадку, что не дошедшая до нас первая часть альбома (листы 1—50) была посвящена описанию древнерусских ходячих денег, тогда как вторая часть рассматривалась уже как «Собрание медалей». Приходится пожалеть, что, встретив в подлиннике, или хотя бы в упоминаниях, несколько списков второй части, мы не находим никаких следов первой.

Что же касается составителя Эрмитажного альбома, то в нем можно видеть образованного человека 30-х годов XVIII века, знавшего латинский язык, но не умевшего писать по-немецки. Скорее всего, по своему общественному положению он относился к средним слоям тогдашнего общества, может быть, даже к тому же купечеству или к служилому чиновничеству, но не к знати.

О любительском собирании древнерусских монет как довольно широким общественном явлении в рассматриваемое нами время — I-ю половину XVIII века — свидетельствует первый русский законодательный акт, имевший в виду защиту интересов любителей нумизматики — указ 1754 года об обязательной сдаче в казну старой допетровской монеты.

Он делал исключение для тех, «кто небольшое число удержит для любопытства и памяти древности»².

¹ В описи Кунсткамеры 1768 года упоминаются еще медали из пожитков умершего в 1746 году в Петербурге надворного советника Юнкера, бывшего начальника бахмутских соляных заводов (см. Материалы, VIII, стр. 292—293). В 1743 году упоминаются золотые и серебряные медали среди конфискованного имущества С. Лопухина, которое было предложено внести в «Собственный е. в. кабинет». В Кунсткамеру они, видимо, не попали. (Русская Старина, 1874, кн. 9—12, стр. 210).

² Полное Собрание Законов, т. XIV, № 10225.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

До сих пор мы рассматривали историю русской нумизматики первой половины XVIII века почти исключительно со стороны количественной, стремясь осветить вопрос о том, насколько широко было распространено собирание русских монет, и почти не касались вопроса о качестве их определения и систематизации. Между тем, именно систематизация является отражением нумизматических знаний, а происходящие в ней изменения, в первую очередь, свидетельствуют о развитии научных представлений.

Выше были приведены описи двух коллекций, составленных в 20-х годах XVIII века московским «охотником» — попом Федором. Разобранные им монеты стали краеугольным камнем для русской части коллекции Минцкабинета Кунсткамеры и, следовательно, отчасти и для Эрмитажа, к которому Минцкабинет позже перешел.

Надписи Федора на пакетах показывают различные этапы его работы над монетами: здесь мы встречаем и неразобранные монеты и однородные группы, выделенные по присущему монетам общему признаку; и разные монеты с одинаковой надписью и, наконец, монеты, получившие определение.

Систематизация Федора носит наивный и элементарный характер и в части древнейшего периода ограничивается приурочением некоторых монет к наиболее известным князьям. Так появляются монеты Игоря, Ивана Калиты и Ивана Ивановича. Правда, во второй коллекции Федора уже нет прямых утверждений и всюду добавляется: «с написанием» — того или иного имени. Лишь добравшись до времени Грозного, поп Федор начинает чувствовать под ногами почву. Двухязычные русско-татарские монеты совершенно отделяются от других. В духе исторических воззрений XVII века соединены вместе скифы, сарматы и татары.

Состояние русской коллекции Кунсткамеры, зафиксированное в каталоге 1745 года, большого прогресса не обнаруживает. В определениях уже не стало монет Игоря и Ивана Калиты, но ясности относительно принадлежности монет отнюдь не прибавилось. В соответствии с этим систематизация наиболее древней части монет приобретает чрезвычайно причудливый и чисто формальный характер.

Русско-татарские монеты перечислены рядом с неопределенными и без какого бы то ни было порядка, несмотря на наличие написанных по-русски многих имен тех же князей, что и на других монетах. Никакого влияния на расположение материала не оказало и то, что в этом же томике каталога находится описание джучидских монет, которое составил профессор ориентальных языков иностранной коллегии Г. Я. Кер¹. Составитель русского каталога, несомненно, арабского языка не знал².

Вероятно, в соответствии со сложившейся в западной нумизматике методикой выделены «городские» монеты, то есть все монеты, в легендах которых обозначено место чеканки. При наличии на монете названия места чеканки и имени князя предпочтение отдавалось первому. Кроме новгородских и псковских монет, сюда отошло несколько монет тверских, московских и рязанских.

После отделения русско-татарских и «городских» все остальные монеты группировались по именам. Именно только имя или же имя с

¹ Материалы, т. III, стр. 576.

² Т. В. Станюкович неверно называет Кера составителем также и русского каталога (Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953, стр. 88—89).

отчеством служили основным критерием систематизации. Ни титул «великий князь» или просто «князь», ни другие признаки монет во внимание не принимались, и заголовками разделов были только имена или имена с отчеством. По понятным причинам разделы «Василий» и «Иван Васильевич» оказываются наиболее обширными, а наиболее запутанную часть составляют монеты по время Грозного включительно.

Нельзя допустить мысли, что лица, причастные к выпуску каталога, не делали различия между Василием Темным и Василием Ивановичем, или между князем Иваном III и царем Иваном Грозным, тем более, что такие предметы, как брясовский талер, уже давно твердо относились к Ивану III. Следовательно, систематизация по одинаковым именам и вне зависимости от принадлежности их разным лицам рассматривалась как не вызывающий сомнения методический прием.

Наряду с указанным приемом, находящимся в полном противоречии с историческим принципом, последний проявляется все же в расположении материала и, в частности, в далеко не всегда удачных попытках установить связь между группами, исходя из имен, находящихся на одних монетах, и отчеств — на других. Некоторые безымянные монеты, повидимому, сознательно отнесены в именные группы. Но, в конечном счете, хронологический принцип систематизации фактически отсутствует полностью вплоть до времен Федора Ивановича, точно так же, как в коллекции попа Федора¹.

Начиная с монет Федора Ивановича, в каталоге соблюдается порядок хронологической последовательности. Можно отметить лишь то, что

¹ Эта первая часть каталога 1745 года строится следующим образом:

Александр Иванович — 3 монеты с титулом «князь» и именами «Александр Иванович» и «Александр». Суздальско-Нижегородская денга кн. Александра Ивановича Брюхатого. (Орешников, 882-а), ростовских князей-соправителей Андрея Федоровича и Александра Константиновича (Орешников, 825) и, кажется, тверская денга, на которой сохранилась только часть отчества «Александрович».

Борис Александрович — 16 монет в княжества Тверского.

Иван Борисович — 4 монеты; точно определяются, как Суздальско-Нижегородские (Орешников, № 881 и 880).

Василий — 43 монеты, только одна с отчеством «Васильевич». Главным образом — московские денги Василия Темного (Орешников, 620, 562, 588, 553—561, 579 и многие другие), несколько рязанских (Орешников, 444) и в князя Василия Ивановича. Здесь же почему-то безымянная суздальская денга (Орешников, 893).

Михаил — 12 монет в князя Михаила Борисовича Тверского (Орешников, 313—315, 258, 290 и др.) и, кажется, Михаила Ростовского.

Дмитрий Юрьевич — 1 монета княжества Галицкого (Орешников, 713). Андрей Дмитриевич — 2 монеты, судя по надписи одной, — князя Можайского, сына Дмитрия Донского.

Иван Андреевич — 5 монет князя Можайского (Орешников, 759, 572 и др.). Михаил Андреевич — 1 монета князя Верейского (Орешников, 779).

Семен Володимирович — 1 монета, князь Боровской, удельное княжество Серпуховское. Василий Ярославич — 1 монета, княжество Серпуховское (Орешников, 740—741). Иван Михайлович — 1 тверская монета.

Неопределенные — 4 монеты, в том числе «сторожа на безумного человека» (Орешников, 97—100). Тверские монеты — 4; пуло «денга тверская» в князя Бориса (Орешников, 155 и 376). Новгородские — 10 монет, псковские — 10, московские — 4; «денга московская» Ивана III и Василия Ивановича и пулы. Рязанские — 2 (Орешников, 444—446).

Русско-татарские — 50 монет Василия Темного, Ивана Васильевича (Орешников, 648), Михаила Андреевича (Чертков, № 241), подобна монете Василия Ярославича (Орешников, 745—748), Суздальско-Нижегородского княжества (Орешников, 831-а), Василия Дмитриевича, Бориса, Данила, Василия Ярославича и других, расположенных без всякого порядка. Вслед за этой группой выделены заголовком «Данило» 3 монеты с русской надписью (Орешников, 891).

Иван Васильевич — 24 монеты. Раздел объединяет монеты Ивана III и Ивана Грозного; сюда же отнесены все безымянные с легендой «осподарь вся Русь» и

датско-русские монеты Христиана IV 20-х годов XVII века помещены между монетами Лжедмитрия и Шуйского. Каталог доведен только до 1740 года, что объясняется тем, что в 1745 году писать и печатать что-либо о монетах 1740—1741 годов «принца Иоанна» — было невозможно. Все медали описываются вместе с монетами.

Таким образом, можно заметить, что все русские монеты, по существу, делятся на части, так сказать, «внеисторическую» и «историческую». Первая охватывает все монеты с именами различных князей и заканчивается группой неопределенных; подразделением первой части являются и «городские» монеты. Русско-татарские монеты замыкают ее, а еще собирательный «Иван Васильевич» открывает часть «историческую»¹.

Подготовка к изданию Каталога Минцкабинета началась еще в 30-х годах. Над ним работала группа ученых. В архиве Академии наук сохранилась чистовая рукопись части каталога — переплетенные вместе описания западноевропейских и восточных монет². Восточные монеты описал в 1737 году Г. Я. Кер³.

Имя составителя западноевропейского каталога можно только предполагать. Возможно, им был участник издания каталога адъютант Х. Крузиус. Об этом может свидетельствовать тот факт, что, когда М. В. Ломоносов в августе 1745 года принес в дар Академии наук монету Этельреда, она была передана для определения Х. Крузиусу⁴. Известно, что Крузиус систематизировал и описал также коллекцию античных монет⁵. Часть этой коллекции была куплена Петром I еще в 1721 году, а в 1738 году были приобретены у гофрата К. М. Штасберга остальные монеты коллекции вместе с каталогом всей коллекции⁶.

Автором русской части каталога называют И. А. Шлаттера⁷. Составитель биографии Шлаттера, судя по названной им литературе, посчитал за работу над каталогом русских монет другие нумизматические занятия Шлаттера. Авторство Шлаттера представляется вероятным в части русских монет и медалей нового времени, так как именно в те же годы, по поручению Академии, Шлаттер вел аналогичную работу по русской нумизматике: в 40-х годах им закончена рукопись «Описание

бывшие «монеты Игоря» — безымянные копейки Грозного. Среди монет Ивана III — с именами Аристотеля и «мастера Алексея» (т. е. Александра). Из особо примечательных предметов названы брянский золотой «талар» и золотая медаль Грозного, знаковая нам по коллекции Бабушкина.

¹ Освободившись от «монет Игоря», каталог вводит в научный обиход другое заблуждение. Среди «монет Ивана Васильевича» описана монета с изображением всадника и с тарабарской надписью (Орешников, 679—681), хорошо известная нумизматам, которые запросто называют ее «дозор» в связи с одной из возникших в XIX веке попыток истолкования надписи.

В 20—30 годах XVIII века кто-то вычитал в надписи слова «До ругодевского похода» и монету стали считать памятником времен Ливонской войны. В «Нумизматической истории» Леккера приведена справка о походе Грозного на Нарву. До каталога 1745 года «ругодевская монета» уже фигурирует в остермановском каталоге, откуда она, быть может, и позаимствована. На рисунке у Леккера она изображена с приведенной выше надписью, однако в каталоге Остермана описана, как она есть, с надписью «доково оново орудово» . . . Справка о Ругодевском походе имеется и в «Нумизматической истории».

² Архив Академии наук. Разр. 3, оп. I, № 146.

³ Материалы, т. III, стр. 576; П. П. Пекарский, указ. соч., т. I, стр. 313—314, примеч.

⁴ Материалы для биографии Ломоносова, собр. Билярским. СПб., 1865, стр. 69.

⁵ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук, т. I, стр. 691, см. также Н. Storch Gemaelde von St. Petersburg. Riga, 1794, т. I, стр. 117 и 139.

⁶ Архив А. Н., ф. 3, оп. I, кн. 38, л. 12 и сл.; кн. 43, «Приказы мая месяца 1738 г.».

⁷ РБС, Шибанов—Шютц, стр. 333—334.

российских медалей, которые на высокочлавные дела блаженные и вечнодостойные памяти е. и. в. Петра Великого и е. и. в. Екатерины Алексеевны I, также е. и. в. Петра Второго с 1672 по 1730 год, то есть по вступление на всероссийский престол е. и. в. Анны Ивановны на Российских монетных дворах, также и в немецкой земле сделаны»¹.

Шлаттер неоднократно проявлял заботу о пополнении Академического Минцкабинета старинными монетами, которые в большом числе доставлялись на монетные дворы для переплавки, и сообщал в Академию об интересных очередных поступлениях и о кладах, что свидетельствует о его интересе к русской нумизматике. Во всяком случае, в двух биографиях И. А. Шлаттера, составленных в XVIII веке вскоре после его смерти (1768 год) и подробно перечисляющих его научные труды, сб участия его в составлении каталога Кунсткамеры не говорится вовсе².

Что касается описания древнейшей части русской коллекции, то авторство Шлаттера вызывает большие сомнения, и более вероятным исполнителем или, во всяком случае, участником этого труда представляется помощник библиотекаря А. И. Богданов. Это предположение становится более вероятным, если обратиться к одной иностранной работе, вышедшей в свет в 1783 году в Париже, ко II тому сочинения Леклерка (*Histoire de la Russie ancienne*)³. В этот том включен особый раздел под названием «*Historia numismatica Imperie Russici*».

В своем предисловии к книге Леклерк сообщает, как он в течение десятилетнего пребывания в России собирал различные коллекции, книги, рукописи и другие материалы для своего труда. В частности, он упоминает о находившейся у него русской рукописи, с портретами князей и патриархов — повидимому, Титулярнике⁴. По словам Леклерка, некий исторический «экстракт» из летописей был составлен специально для него чиновником «Иностранного департамента» М. Г. Сабакиным (директором архива иностранной коллегии) и его секретарями и переведен самим Сабакиным на французский язык⁵. Что касается раздела о «Нумизматической истории», то здесь, к сожалению, он не раскрывает ее источников и ссылается только на «систематическую коллекцию реально существовавших монет», достоверность показаний которой сверяется им с данными летописей.

Занимающий 18 страниц текст «Истории» является напечатанным на латинском языке извлечением из «Степенной книги» и летописей относительно русских князей, а отчасти и других лиц, и нескольких городов, упоминаемых в легендах русских монет. Извлечение закончено временем Владислава и снабжено в четырех графах датами от сотворения мира и современной эры, указанием источника и даже страницы в нем (Step., Ann. и Extr.—Степенной книги, летописи и «экстракта»).— Из предосланного «Нумизматической истории» особого предисловия

¹ Архив Академии наук, ф. 3, оп. I, кн. 49, л. 373 и сл.; Материалы, IV, стр. 398 697, 752; т. VIII, стр. 118 (см. следующую сноску).

² Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. Спб., 1772. (Материалы для истории русской литературы, изд. П. А. Ефремовым. Спб., 1867, стр. 119). Известие о фамилии г. Шлаттеров, много споспешествовавших поправлению горных и монетных дел в России. Санктпетербургский вестник, содержащий все указы, и т. д., ч. VII, 1781, № 2, стр. 123—137 (перепечатка из Спб. немецкого журнала). Эта же статья с небольшими дополнениями (А. Бальзер) в Горном журнале, 1844, т. I, ч. 2.

³ Le Clerc. *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*, II, Paris, 1783, см. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, т. I—II, Спб., 1788.

⁴ Леклерк. Указ. соч., предисловие, стр. XIV—XV.

⁵ Леклерк. Указ. соч., предисловие, стр. III—IV.

видно, что Леклерк признал необходимым напечатать ее по латыни, в том виде, как он ее получил, ничего не меняя. Не остается поэтому сомнений, что она составлена в России и русским.

Возможно, что при составлении «Истории» автор в известной мере ориентировался на единственное в то время печатное издание по русской нумизматике — каталог 1745 года, чем, быть может, и объясняется выбор латинского языка. Сравнительно избранную составителем схему построения его сводки с текстом каталога 1745 года, можно усмотреть довольно много общего между ними в последовательности или же, вернее, в непоследовательности изложения материала, в упоминании одних и тех же особенно примечательных событий и т. п. Но каталог оказывается в общем более бедным; в нем не выделены ни Тохтамыш, ни Аристотель, ни «мастер Алексей», а в подборе имен князей принят несколько иной порядок, чем у Леклерка.

Наиболее бросается в глаза весьма странная для исторического трактата «рационализация», примененная в «Нумизматической истории» и выразившаяся в том, что все сведения об одноименных князьях объединены в особые разделы, которые и озаглавлены соответственно: *De principibus Borissis*, *De principibus Vasiliis*, *Michaelibus* — о князьях Борисах, князьях Василиях, Михаилах и т. д. Секрет этого «усовершенствования» раскрывается, как только мы обратимся к «Генеральному реестру» каталога Остермана¹.

¹ Указатель каталога Остер- «Нумизматическая история» мана

1. Князя Александра Ивановича	Dux Alexander
2. Князя Бориса Александровича	Dux Boris Alexandrovitz
3. Князей Борисов	De principibus Borissis
4. Князей Василиев	De principibus Vasiliis
5. Князей Федоров	De principibus Fedoris
6. Князей Михайлов	De principibus Michaelibus
7. Князя Ивана Борисовича	Princeps Joannes Borisovitz
8. Князя Юрия Дмитриевича	Princeps Georgius Demitrievitz
9. Князя Андрея Дмитриевича	Princeps Andreas Demitrievitz
10. Князя Ивана Андреевича	Princeps Joannes Andreevitz
11. О можайской денге	De nummis Mojaiskensibus
12. Князя Михаила Андреевича	Princeps Michael Andreevitz
13. Князя Семена Володимировича	Princeps Simeon Volodimerovitz
14. Князя Василия Ярославича	Princeps Vasilius Jaroslavitz
15. Князя Василия Ивановича	Magnus dux Vasilius Joannovitz
16. Князя Ивана Михайловича	Princeps Joannes Mikaelovitz
17. Князя Василия Васильевича	Magnus dux Vasilius Vasilievitz
18. О тверских денгах	De nummis Novogrodensibus
19. О новгородских денгах	De nummis Pleskoviensibus
20. О псковских денгах	De nummis Moskoviensibus
21. О московских денгах	De nummis Tveriensibus
22. О рязанских денгах	De nummis Riasaniensibus
23. О кашинских денгах	De nummis Kaschiensibus
24. О Аристотеле	De Aristotele
25. Мастера Алексея	Opifex Alexius
26. Князя Ивана Васильевича	Magnus dux Joannes Vasilievitz
27. О рудодевском походе	De nummis Narvensis expeditionis
28. О татарском царе Тохтамыше	Princeps Daniel
29. О князе Даниле	Tzar Taktamytch
30. О князе Димитрие	Magnus dux Demetrius
31. Князей Иванов	De principibus Joannibus
32. Царя и князя Ивана	Tzar et magnus dux Joannes
33. Царя Федора	Tzar et magnus dux Fedorus
34. Царя Бориса	Tzar et magnus dux Borissus
35. Царя Димитрия Ивановича	Tzar et magnus dux Demeetrius Joannovitz
36. Царя Василия Ивановича	Tzar et magnus dux Vasilius Joannovitz
37. Царя Владислава	Tzar et magnus dux Vladislaus Sigismundus

Полное совпадение в порядке изложения и особенности последнего показывают, что «История», опубликованная в 1783 году Леклерком, является своеобразным историческим комментарием — «экстрактом» из летописей к указателю Остермановского каталога и к «рисовальной книжке». Альбом рисунков с монет Остермана, повидимому, был выполнен несколько ранее, чем каталог принял свой окончательный вид¹.

Рисовальная книжка Остермана начала 30-х годов и пояснения к ней, без указания источников, были опубликованы Леклерком в конце XVIII века как последнее достижение в области русской нумизматики.

Леклерк указывает, что текст «Нумизматической истории» он получил в готовом виде и не решился что-либо в нем менять, тогда как о Сабакинском «экстракте» говорит, что он был написан специально для Леклерка. «История» во всяком случае сабакинским экстрактом быть никак не может, поскольку известно о переводе последнего самим Сабакиным на французский язык, а «История» напечатана в том виде, в каком получена, — по-латыни. Установив непосредственную связь текста «Истории» с остермановскими таблицами рисунков, мы можем предположить, что и латинская рукопись досталась Леклерку из того же источника, что и «Рисовальная книжка», то есть из библиотеки Академии наук благодаря пленившей Леклерка любезности его друзей из Академии².

Действительно, для времени пребывания Леклерка в России построение «Истории» слишком уже старомодно, особенно, если учесть, что 1760 годом датирован вышедший в Петербурге из печати «Краткий российский летописец с родословием», сочиненный М. В. Ломоносовым в сотрудничестве с А. И. Богдановым, который составлял включенный в текст «Летописца» краткий экстракт о «державных российских князьях и славных их деяниях»³. Книга Ломоносова была новым общедоступным русским историческим руководством-справочником, значение которого для совершенствования систематизации русских монет никак нельзя умалить.

«Нумизматическая история» по всему своему строю принадлежит к более раннему времени — времени каталога 1745 года, о чем свидетельствует даже ее язык. Представляется наиболее вероятным, что трактат на латинском языке был составлен в Академии наук в 40-х годах, примерно одновременно с латинским каталогом 1745 года и в явной связи с проводившейся работой по систематизации, описанию и инвентаризации русской коллекции Минцкабинета. Поступивший незадолго до того в Кунсткамеру каталог остермановской коллекции, при наличии таблиц, давал в виде своего «Генерального реестра» готовую и удобную схему для построения исследования. Отсюда один шаг до догадки, что Леклерку удалось вместе с таблицами Остермана получить хранив-

¹ Поэтому в «Генеральном реестре» имеется графа «числа (то есть номера) листов в рисовальной книжке», которая и помогала выправить небольшие расхождения в нумерации рисунков и описании монет. Каждый раздел «Истории» снабжен номерами, соответствующими рисункам на таблицах. Леклерк не оговорил, почему эти номера порою перескакивают и путаются. В тексте предисловия ему пришлось перечислить пропущенные номера и разъяснить, что некоторые монеты на таблицах «еще не объяснены».

² Леклерк в предисловии упомянул о дружеских связях своих в Академии наук. Ко времени пребывания Леклерка в Петербурге относятся открытые высказывания Екатерины II о «порядках», введенных в Библиотеке Академии Таубертом (см. Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953, стр. 132—133; П. П. Пекарский. История Академии наук, т. I. Спб., 1870).

³ М. В. Ломоносов. Т. VI, изд. Академии наук СССР. М.—Л., 1952, стр. 289 и сл. 589, 590. Н. Н. Аблоу. Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов. Советская библиография, I (19), 1941, стр. 134—151.

шуюся в библиотеке Академии рукопись первого русского историко-нумизматического сочинения, автором которого был только что упомянутый А. И. Богданов¹, начавший свою работу в Кунсткамере в 1736 году в должности помощника библиотекаря.

Несохранившееся нумизматическое сочинение Богданова упомянуто в челобитной, которую он написал в 1766 году, совсем незадолго до смерти, и не успел лично подать. Вдова Богданова приложила ее к своему безрезультатному прошению о пособии². В этой челобитной А. И. Богданов сообщает ряд автобиографических данных и приводит список своих трудов³.

В начале этого обширного списка, на шестом месте, назван «Краткий экстракт о древних русских деньгах, какие тогда в народе обращались».

Привлекает внимание, что в соседней же записи говорится о составлении алфавитного индекса к Степенной книге — основному источнику «Нумизматической истории».

Название, которое дал своему нумизматическому труду Богданов, полностью соответствует опубликованному Леклерком трактату. Последний, действительно, является кратким извлечением из единственно возможных в то время источников, находившихся в библиотеке Академии наук летописей, по вопросу о чеканке монет в древности, то есть о выпускавших монеты князьях, о городах, в которых монеты чеканились, о денежных мастерах и, наконец, о событиях, по поводу которых будто бы выпускались некоторые монеты («Ругодевский поход»).

Таким образом, есть все основания предполагать, что исполнителем русской части каталога 1745 (или, в крайнем случае, участником этого труда) был А. И. Богданов.

Но этим не ограничивается роль сочинения Леклерка в разъяснении некоторых вопросов, связанных с историей русской нумизматики в первой половине XVI века, так как еще одним источником для Леклерка послужил оказавшийся в его руках список Эрмитажного альбома.

На пяти нумизматических таблицах Леклерка изображено всего 177 монет, причем одним соответствуют два кружка, другим — только один. До половины IV таблицы (по № 162) идут совершенно единообразные изображения монет в виде одинаковых по размеру довольно крупных кружков.

¹ Андрей Иванович Богданов наиболее известен как автор первого описания Петербурга («Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его в 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым . . . дополненное и изданное Василием Рубаном. Спб., 1779»), и сотрудник М. В. Ломоносова по работе над «Летописцем». (Биография Богданова в РБС содержит множество ошибок, начиная с утверждения о японском происхождении Богданова и кончая датой его смерти).

² Архив Академии наук, ф. 3, оп. I, № 303, стр. 141—146. Н. Н. А б л о в, указ. соч.

³ В 1712 году он заменил своего отца в Москве при «пороховом деле», в 1719 году был определен в службу к «типографскому художеству», некоторое время служил в ведомстве Синода, а с 1727 года — в типографии Академии наук. Одновременно он посещал занятия в академической гимназии и изучал там русскую грамматику, латинский язык, черчение. (Н. Н. А б л о в, указ. соч., стр. 332).

Работая в типографии, он написал свое первое сочинение «Конкордацию на послания апостолов», которое и названо в находящемся в челобитной обширном списке трудов Богданова на первом месте. Многие годы Богданов работал над многотомным «Российским лексиконом», включавшим «технические термины и всенародные речения», собирал пословицы, составлял «индексы» к различным сочинениям и каталогам. Почти вся его деятельность проникнута систематизаторским подходом. Кроме этого, он руководил японской школой и «к тому учению пять книг грамматических произвел для японского языка».

Только три рисунка на IV таблице и все рисунки на V таблице сделаны непосредственно с монет: уже упомянутая выше редкая золотая монета Грозного, а также медаль Лжедмитрия и еще несколько монет XVII века и медная копейка Петра I. На той же IV таблице, кроме срисованных с натуры трех монет, сразу же привлекают внимание еще четыре рисунка. Здесь каждый предмет имеет индивидуальный размер, что резко отличает эту группу от изображенных рядом «стандартизованных» монет, хотя по качеству рисунки также примитивны (табл. XIII).

Под номерами 164, 165, 166 и 168 подряд изображены четыре уникальных нумизматических памятника, изображения которых именно в таком же порядке расположены в нашем альбоме на лл. 70, 71, 72 и 73: золотая монета Грозного из кабинета Бабушкина (обе стороны); одна сторона червонца Ивана IV из кабинета Антона-Ульриха, одна сторона «гривенника» Федора Ивановича из кабинета попа Федора и обе стороны медали Лжедмитрия! Два рисунка помещены даже несмотря на то, что рядом находятся сделанные с натуры полноценные изображения этих же монет (ср. табл. VII, VIII, IX, XII с табл. XIII).

Подбор в определенном порядке четырех редчайших памятников и определенного рода стилистическая общность не оставляют никаких сомнений в том, что в распоряжении Леклерка в момент подготовки его труда к изданию в Париже находился еще один список — двойник нашего альбома¹. Леклерк взял из него изображения, опустив кружки с надписями.

О том, что у Леклерка был иной экземпляр рукописи, говорят некоторые мелкие различия в рисунке лицевой и оборотной сторон медали Лжедмитрия, в частности, и то, что на рисунке у Леклерка легенда оборотной стороны состоит из двух слов, как и в альбоме Публичной библиотеки, тогда как в нашем экземпляре написано только первое слово. Следует сказать, что, несмотря на то, что многие изображения сильно модернизованы, вплоть до того, что некоторые всадники одеты в камзолы и шляпы XVIII века, русские надписи переданы очень тщательно (чего нельзя сказать о татарских); в них совершенно нет ошибок, которых, естественно, было бы ожидать от самого аккуратного художника-француза. Вероятно, Леклерк имел гравера русского (табл. XIV).

Таким образом, нумизматический экскурс Леклерка по праву должен быть признан памятником истории русской нумизматики, относящимся к 30-м и 40-м годам XVIII века, но никак не к 70—80-м годам, когда нумизматика в России достигла значительных успехов в классификации и систематизации древнерусских монет.

Завершая обзор нумизматических каталогов и других работ по систематизации нумизматического материала в первой половине XVIII века, необходимо подробнее остановиться на каталоге коллекций Остермана.

Каталог Остермана составлен немного раньше академического и в то время, когда последний заканчивали, поступил в Кунсткамеру вместе с коллекцией. Составитель академического каталога 1745 года, возможно, воспользовался «Генеральным реестром», располагая свой материал, но монеты Остермана тогда еще не были введены в коллекцию Кунсткамеры.

В самом тексте каталога Остермана никаких подразделений нет, и монеты описаны все подряд и в еще большем беспорядке, чем в каталоге Кунсткамеры. Лишь в поясничной описи отмечены те же группы, на которые делится и каталог 1745 года.

¹ Карзинкин, впервые обративший внимание на изданную Леклерком медаль Лжедмитрия, не мог объяснить происхождение рисунка (Указ. соч., стр. 10—11).

«Семейные» группы имеются и здесь, но далеко не в таком количестве, как в каталоге Кунсткамеры. Однако среди именных монет в «Генеральном реестре» описан ряд монет без обозначения имени, а только с титулами «государь всея земли русские», «князя великого», «печать князя великого» и т. д. Учитывая отведенные им места, можно признать, что в некоторых случаях составитель исходил из сходства изображений, титулов и других признаков, то есть руководствовался определенными логическими построениями.

Достоинством каталога Остермана является стремление к уточнению монетных типов, которые различаются по самым незначительным признакам, вроде разных букв-знаков, количества каких-либо точек, размера изображений или надписей; составитель фактически приходит к выделению вариантов штемпелей. Имеются здесь, конечно, во множестве разного рода промахи. Так, среди медных монет XV века затесалась маленькая петровская полушка.

Среди «городов», сверх выделенных в каталоге Кунсткамеры, имеется Кашин. Впереди помещено описание 15 новгородских и 6 псковских монет, которые систематизированы по находящимся на лицевой стороне буквам. Некоторые московские и тверские монеты помещены здесь повторно, что свидетельствует об определенном рода исканиях в области систематизации.

К группе «незнаемых» отнесена 41 монета. Помимо различных безымянных монет, здесь же описаны некоторые монеты с именами монетчиков («Аристотель», «Мастер Алексей») и, в частности, «Ругодевская» монета, а также монета Христиана IV. Среди двуязычных монет с «арапскими» надписями описана монета с изображением петуха и легендой, «печать князя Димитрия» — Димитрия Ивановича Донского.

В каталоге Остермана чрезвычайно важна и прогрессивна роль «Генерального реестра». Многократно собирая монеты в различные группы по ряду существенных признаков — по именам с титулами, по изображениям, по месту чеканки и т. п., — он ставит перед систематизатором и помогает формулировать множество вопросов, а отчасти и указывает пути их разрешения. По существу, создание такого типа реестра является шагом вперед в систематизации нумизматического материала.

Преимуществом каталога Остермана по сравнению с каталогом Кунсткамеры 1745 года было также выделение медалей в особую опись. Это было продиктовано чисто практическими соображениями — большим удобством хранения, почему монетовидные жетоны XVIII века (на смерть, коронационные и др.) остались среди монет, но каталог в части монет XVIII века сразу выиграл¹.

¹ Нельзя умолчать об одной любопытной группе, выделенной автором каталога среди монет царского времени: это серебряные копейки царя Федора Борисовича Годунова.

На монеты «Федора Борисовича» обратил внимание В. К. Трутовский в указанной выше статье. Лисенко занялся этими копейками, вероятно, по примеру Н. Брусиллова, опубликованного в 1824 году на редкость неслепое «Описание русских монет, представленных Обществу истории и древностей Российских» (Записки и труды ОИДР, т. II, 1824, стр. 135—142), стр. 139—140. Несколько лет назад автор настоящей статьи на основании анализа соотношения штемпелей пришел к выводу, что некоторые монеты, относимые ранее к Федору Ивановичу, в действительности чеканились где-то в короткое правление юного Годунова. Готовя работу к изданию, пришлось сделать примечание, что «монеты Федора Годунова» были описаны в каталоге Г. И. Лисенко, который ранее был неизвестен. Теперь оказался предшественник и у Лисенко. Как и последний, он относил к Федору Годунову все копейки с именем Федора (Федора Ивановича) без отчества.

Коллекция Остермана и ее каталог сыграли заметную роль в последующей коренной перестройке в начале 60-х годов XVIII века русского собрания Минцкабинета, в результате которой впервые в русской нумизматике за полстолетия до каталога Черткова появился научный каталог русских монет.

КОЛЛЕКЦИЯ МИНЦКАБИНЕТА КУНСТКАМЕРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Ближайшие два десятилетия после описания русской коллекции Минцкабинета в 1745 году были крайне неблагоприятны для нормальной работы над ней. 5 декабря 1747 года возник пожар, разрушивший помещение Кунсткамеры и тяжело отразившийся на состоянии ее коллекций¹.

Минцкабинет, вынесенный из пожара, также пострадал и понес некоторые потери. Спасенные коллекции временно были помещены в случайном помещении; но водворение их в восстановленное здание Кунсткамеры завершилось только к 1766 году².

С 1741 года Минцкабинет находился в ведении И. К. Тауберта. «Прегордый невежда и высокомышленный фарисей», как назвал его М. В. Ломоносов³.

Тауберт начал службу в Кунсткамере еще в 1732 году. Постоянно поддерживаемый тогдашним вершителем судеб Академии Шумахером, с которым он впоследствии породнился, в 1741 году Тауберт был назначен на должность унтер-библиотекаря, что делало его ответственным хранителем Минцкабинета⁴.

К середине XVIII века собрание русских монет Минцкабинета существенно пополнилось за счет коллекций Остермана, Мусина-Пушкина и других текущих поступлений.

Подпись Тауберта стоит на документах о приемке в 1742 году конфискованных коллекций; в 1744 году он снова отбирал для Кунсткамеры различные материалы в Канцелярии конфискации. Включенные в опись различные группы старинных русских и восточных монет и медалей, несомненно, принадлежали ранее к коллекциям нескольких владельцев, имена которых остались неизвестными⁵.

В 1747 году, через несколько дней после пожара, Тауберт принимает интересный клад из деревни Шишкино Белгородской волости Нижегородского уезда, обнаруженный внутри выпаханной деревянной колоды (492 монеты). «По свидетельству (то есть после изучения—И. С.) оные деньги явились самые древние . . . , на которых видны еще имена великого князя Василия Дмитриевича и брата его князя Андрея Дмитриевича Можайского»⁶.

¹ Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953, стр. 118 и сл.

² Там же, стр. 140.

³ Материалы для биографии М. В. Ломоносова под ред. академика П. С. Билярского. СПб., 1865, стр. 229. Письмо Ломоносова к И. И. Шувалову.

⁴ В то время, когда Тауберт принял Кунсткамеру, в ней уже полным ходом шла подготовка к изданию каталога и, в частности, нумизматического II тома. Тауберт, повидимому, к изданию каталога монет никакого отношения не имел. В составленной им в 1743 году записке о прохождении службы в Кунсткамере и о выполненных им работах, о каких-либо занятиях в Минцкабинете не упоминается. (Архив А. Н., ф. 3, оп. 1, № 83, лл. 308—311; П. П. Покарский, указ. соч., т. I. СПб., 1870, стр. 638 и сл.).

⁵ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 91, лл. 152—158.

⁶ Материалы, т. VIII, стр. 654—655; т. IX, стр. 31.

Сохранился еще одно заключение Тауберта о кладе куфических монет (44 экземпляра), поступивших в Минцкабинет в 1753 году через Монетную канцелярию Сената. Клад нашел крестьянин села Павловского Лихвинского уезда в том же году. Монеты «по освидетельствовании явились арапские, на которых старинным куфическим письмом изображен символ веры магометанской и разные стихи из Алкорана, купно с именами некоторых калифов сарацинских, живших в девятом и десятом веке..., которые имели престол свой в Багдаде, владели великой Бухарией и частью Персии. Таковых денег, как сказывают, и прежде много в земле находили, особливо в Великой Пермии, и вероятно, что они либо через коммерцию в древние времена туда зашли, либо татарами... у нас рассеяны»¹.

Поскольку Тауберт арабского языка заведомо не знал, составленное с несомненным знанием дела заключение о кладе, как, вероятно, и первое, было выполнено «чужих рук искусством»². Следует отметить находящиеся в заключении 1753 года предложения ежегодно оглашать в людных местах указ Петра о доставлении в Кунсткамеру «куриозных вещей», так как «уповательно, что и поныне в разных местах много таких старинных, как арапских и татарских, так и российских денег... в земле находят, токмо... вовсе об оных не объявляют», а также обратиться с призывом, чтобы «знатные охотники и прочие, которые для своего любопытства собирали всякие до российской древности принадлежащие старые вещи, деньги и монеты, благоволили оные сообщать в Академию, токмо для срисования»³.

В делах 1757 года находятся сведения еще об одном кладе древних, по всей видимости, куфических монет, который составляли «старинные нероссийского клейма серебряные монеты, целые, половинки и четвертинки».

Клад нашли в Болховском уезде, и образцы монет были присланы в Сенат, который передал в Академию наук только три целых монеты, а «половинки и четвертинки в Монетную канцелярию для переделки в серебряные монеты». Одновременно было предложено «оставшиеся в Болховской воеводской канцелярии таковые же старинные деньги, таже и у кого ныне в партикулярных руках есть, оные отобрав, прислать в Правительствующий Сенат немедленно»⁴. Позднейших упоминаний о кладе не сохранилось.

В 1754 году при содействии И. А. Шлаттера — главного судьи Монетной канцелярии, Тауберт отобрал для Минцкабинета на Петербургском монетном дворе большое количество старинной серебряной монеты, из хранившейся там своего рода коллекции. В краткой приемочной описи упомянуты 104 русские допетровские монеты (в том числе пятьдесят полушек с надписью «царь»). Основную массу поступления составлял очень широкий подбор ефимков-талеров⁵. Особо отмечены в описи принятые без оценки две медные монеты — е к а т е р и н б у р г с к а я к в а д р а т н а я к о п е й к а 1726 года и такой же к в а д р а т н ы й п я т и к о п е е ч н и к 1725 года. Возможно, что «1725» в Академической описи — описка. Сравнение Академической описи и хранящейся в архиве Академии наук книги под названием «Реестр имеющимся при

¹ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 182, лл. 186—206.

² Слова Ломоносова о Тауберте (и Шумахере) из цитированного выше письма.

³ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 102, л. 176 и № 108, л. 120.

⁴ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 226, лл. 326—338.

⁵ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 182, лл. 191 и сл.

монетном Петербургском дворе медалям и ефимкам, которые в особливом к тому деланном шкафе хранятся» — говорят за то же¹.

Таким образом, попутно мы можем отметить еще одну коллекцию Монетного двора, впрочем, совершенно не организованную, несмотря на наличие подробной описи и «особливо сделанного шкафа». Самые поздние из записанных в «Реестр» Монетного двора русских медалей и монет — 1744 года.

Наиболее упорядоченную часть «Реестра» составляют записанные после русских монет и медалей ефимки, сгруппированные по государствам: «цесарские», «испанские» и другие. Хотя пополнение коллекции прекратилось в 40-х годах, реестр составлен, вероятно, незадолго до ее ликвидации, в начале 50-х годов.

Полученные Таубертом монеты от Монетного двора до 1768 года еще не были внесены в каталог и учитывались весом, со ссылкой на опись 1754 года. Между 1768 и 1770 годами их, наконец, систематизировали и вписали в каталог ревизии 1770 года. Однако медная квадратная копейка была вложена в коллекцию, вероятно, еще в 1754 году, так как эта редчайшая монета упоминается в каталоге, как плата-пятак 1726 года до того, как в каталог были внесены другие монеты Монетного двора.

В 1763 году И. А. Шлаттер предлагал Академии наук принять с Монетного двора для просмотра клад копеечек Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (2161 монета). Его нашли в Твери при раскапывании крепостного вала, «где старый пролом был», причем монеты находились «в маленькой кубышке и в другом горшочке»². Тауберт отклонил предложение Шлаттера, указав, что из Сената уже было прислано 20 монет из этой находки³.

Еще один Тверской клад серебряных монет XVI или начала XVII века упомянут в делах 1768 года. В письме новгородского губернатора Сиверса говорится о посылке в Кунсткамеру 72 серебряных копеек, которые были найдены в Твери «во время копания в городе у большого собора бассейна». Монеты находились в кубышке, которую разбили⁴. Пометка Тауберта о приемке, в которой указан вес монет (72 золотника), позволяет, исходя из среднего веса одной монеты в 0,64 грамма, отнести их ко времени между 1534—1610 годами. Два письма академика П. Палласа (с переводом их по-русски) от 18 февраля и от 25 апреля 1785 года содержат интересные и обстоятельные сведения о кладе западноевропейских средневековых монет, найденном на псковщине⁵. Описание двадцати монет из клада Паллас опубликовал в следующем

¹ В «Реестре» в большом беспорядке записаны среди других все отобранные Таубертом монеты. Под № 45 записана «образцовая четырехугольная медная плата» 1726 года, под № 46 — «образцовая медная четырехугольная копейка» 1726 года (с подробными описаниями). Следующим номером записана также весьма интересная монета — «образцовый медный грошевик Екатерины I 1727 года» — с двумя точками по сторонам увенчанного короной инициала «Е» и надписью «грош» под ездоком на другой стороне. В академической описи последняя монета не значится. Русских допетровских монет в «Реестре» значительно больше, чем отобрано Таубертом. Не брал он также и медалей. Для нас важно отметить, что редкие медные монеты, к которым нам еще предстоит возвратиться, на Монетном дворе имели название «образцовых» (Архив Академии наук, разр. II, оп. 1, № 195).

² Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, кн. 275, лл. 32—35. Возможно, что речь идет о двух кладах, или же о повторном захоронении клада одним и тем же лицом в определенном месте.

³ Там же, лл. 32—35.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, кн. 314, л. 12.

⁵ Архив Академии наук, ф. 3, кн. 344, лл. 596—600.

году¹. Екатерина II распорядилась передать монеты в Академию наук вместе с описанием, которое должен был, по ее предложению, составить сам Паллас. При втором письме Паллас, ссылаясь на прежнее распоряжение Екатерины II, прислал еще «пятнадцать медалей 9 и 10 столетия, которые найдены так, как и прежние, в Псковском наместничестве».

В том же году граф А. А. Безбородко переслал в Академию наук из Царского Села присланные Казанским и Вятским губернатором П. С. Мещерским 78 джучидских монет, описанных в реестре, который сохранился при письме. Место находки их не названо².

Приведенные примеры показывают, что приказ Петра I о сохранении и присылке находимых «куриозных» монет давал определенные результаты. Губернские и воеводские канцелярии постепенно становились представителями интересов Минцкабинета на местах; пополнение его имела в виду и Монетная канцелярия Сената.

К сожалению, монетные клады очень долго рассматривались только как источники для пополнения систематических коллекций. Понимание их самостоятельного научного значения возникло с большим запозданием, поэтому сотни кладов, обнаруженных в XVIII и в XIX веках, в значительной мере, или даже окончательно, лишились возможного научного значения, как только они выходили из земли, даже в тех случаях, когда находка сразу же становилась известной органам власти и научным учреждениям.

Ряд документов, сохранившихся в архиве Академии наук, свидетельствует, что с середины XVIII века постепенно приобрело силу закона обязательное представление в Государственное нумизматическое хранилище, каким являлся тогда Минцкабинет Кунсткамеры, образцов всех вновь выпускавшихся монетными дворами медалей, а затем и монет. Впоследствии роль такого хранилища перешла к Эрмитажу, чем объясняется замечательная полнота его коллекции русских медалей и монет нового времени, вплоть до наших дней³.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Упомянутая выше «Рисовальная книжка» остермановского каталога является первым известным нам опытом сопровождения каталога русских монет рисунками всех описанных в нем монет. Методика составления нумизматических таблиц, которые в дальнейшем приобрели большое значение в качестве средства, помогающего изучению и определению монет, вырабатывалась с большим трудом.

Выше отмечено, что в Эрмитажном альбоме треугольная полуполтина Алексея Михайловича нарисована в виде кружка; однако для монет, изображенных в увеличении, уже был показан их истинный размер. На таблицах Остермана — Леклерка все монеты, независимо от их формы и размера, изображены в виде одинаково больших кружков правильной формы. Поэтому некоторые наиболее малые монеты, вроде поллушек, очень трудно узнать на рисунках. Только около нескольких кружков показана в виде силуэта истинная форма и размер монеты.

¹ P. Pallas. Description de cinq petites monnayses d'argent, etc. Nova acta Academiae, 1786, №№ 27, 31, 51, 53. См. N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. Zeitschrift für Numismatik, Berl., 1930 т. XL стр. 146—148.

² Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 347, лл. 179—180.

³ В 1921 году Совет Народных Комиссаров принял специальное решение об обязательной передаче Эрмитажу образцов продукции монетных дворов, которое впоследствии несколько раз уточнялось и подтверждалось правительством СССР.

Вполне возможно, что на подлинных таблицах все рисунки монет были снабжены таким масштабом.

Начиная с 40-х годов в архивных делах Минцкабинета постоянно упоминаются работы по зарисовыванию монет и медалей. Еще в 1746 году и 1747 году до пожара производилось «рисование находящихся в Минцкабинете старинных российских монет и медалей»¹. Вопреки существующему мнению, сделанные тогда рисунки не сохранились, или, во всяком случае, еще не отысканы.

В 1908 году А. А. Ильин опубликовал статью «Девять неизвестных монет царствования Екатерины I и Петра II из книги «*Musei Imperialis Petropolitani, vol. II*»². Непосредственным поводом для публикации А. А. Ильина послужили поступившие около того времени в библиотеку отдела нумизматики Эрмитажа «от руки сделанные рисунки многих монет, описанных в книге «*Musei Imperialis*»³.

А. А. Ильин не сообщал каких-либо подробностей о таблицах. Каких-либо соображений о непосредственном отношении таблиц к изданию каталога 1745 года высказано не было. Однако в том же году С. И. Чижов, выступая на заседании Московского нумизматического общества с сообщением о поездке в Петербург и о подготовленной А. А. Ильиным статье, возможно, передал сложившееся в Эрмитаже мнение, когда рассказывал, что хранящиеся в Эрмитаже «рисунки от руки монет, наклеенные на большие *in folio* листы предназначались иллюстрировать ... академический каталог (1745 год.—И. С.). Листы эти не были награвированы, вероятно, по причине уничтожения издания пожаром»⁴.

Сравнение находящихся в Эрмитаже таблиц (25 листов; см. табл. XV—XVIII) с текстом каталога 1745 года убеждает в несостоятельности приведенного мнения. Ни размещение материала на таблицах и в каталоге, ни нумерация изображений и описаний, ни, наконец, принцип систематизации в них не только не совпадают, но и вообще не имеют ничего общего⁵.

Таблицы выполнены все в том же духе XVIII века. Все допетровские монеты нарисованы в одном масштабе и в виде правильных кружков, с полными изображениями и легендами; однако под каждой парой кружков помещен масштабный силуэт монеты. Монеты XVIII века и медали нарисованы в натуральную величину. Качество рисунков превосходное. Все эрмитажные таблицы, несомненно, относятся к коллекции Кунсткамеры, но охватывают более обширный материал и отражают со-

¹ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 102, л. 176 и № 108, л. 20.

² Записки Нумизматического отделения Русского Археологического общ., т. I, вып. 2—3, СПб., 1909.

В статье указывалось, что некоторые из монет Екатерины I и Петра II, описанные в издании великого князя Георгия Михайловича (В. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Екатерины I и имп. Петра II. СПб., 1904), как неизвестные, были описаны еще в 1745 году вместе с другими, также неизвестными собирателем монетами.

Описанные и воспроизведенные в статье А. А. Ильина уникальные монеты некогда находились в Кунсткамере, но до нас не дошли.

³ А. А. Ильин. Указ. соч., стр. 2, см. также Зап. НО и РАО т. I, вып. II—III, протоколы, заседание 26 окт. 1907 года, сообщение А. А. Ильина.

⁴ Нумизматический сборник, т. I, М., 1911, стр. 641.

⁵ Отнести эрмитажные таблицы к 1747 году значило бы признать полную перестройку систематизации древних русских монет коллекции Минцкабинета тотчас после только что законченной каталогизации, что представляется вовсе невероятным. Первому печатному каталогу придавалось такое значение, что его ломать не стали бы, и таблицы 1746—1747 годов, вероятно, полностью соответствовали его тексту.

стоящие коллекции в более позднее время, когда она значительно разрослась, — никак не ранее конца 50-х годов. На таблицах применен новый, гораздо более совершенный исторический принцип систематизации, а несколько вполне законченных листов с десятками рисунков на них обнаруживают полное соответствие различным частям рукописного каталога 1768 года¹.

На таблицах нарисованы десятки монет, заведомо принадлежавших ранее к коллекциям Остермана и Мусина-Пушкина. Соединение их с коллекцией Минцкабинета началось едва ли раньше 50-х годов, так как коллекция Волынского нетронутой долежала до 1758 года, когда она была возвращена наследнице; разрушение коллекции Мусина-Пушкина началось, правда, раньше — в 1753 году, ее восточные монеты уже были обменены. Но едва ли коллекция Мусина-Пушкина стали бы сводить с только что описанной коллекцией до 1747 года. Именно уничтожение пожаром тиража издания каталога 1745 года могло в известной мере даже развязать руки для новой организации коллекции.

Поскольку таблицы дошли до нас разрозненными, ничего не меняет обстоятельство, что наиболее поздним по содержанию является недорисованный лист с монетами и медалями царствования Анны Иоанновны, которые к тому же оставляют свободной половину листа, а незаконченность его, кроме того, может находиться в связи с затруднениями, связанными с «принцем Иоанном», которые еще оставались в силе и в 50-х и в 60-х годах.

Даже присутствие на таблицах изображений уникальных монет, которые во время ревизии 1768 года были помечены в каталоге пропавшими при пожаре 1747 года, не дает возможности относить таблицы-иллюстрации каталога 60-х годов к 40-м годам. На таблице монет Екатерины Алексеевны находится изображение уникальной медной квадратной копейки, полученной Минцкабинетом только в 1754 году. В ревизии 1768 года она тоже помечена пропавшей во время пожара. Ниже будет показано, что и другие пропавшие монеты были еще налицо в 50-х годах.

МОНЕТЫ XVIII ВЕКА В КАТАЛОГЕ РУССКИХ МОНЕТ МИНЦКАБИНЕТА КУНСТКАМЕРЫ 1768 ГОДА

В течение двух десятилетий заведования Тауберта Минцкабинетом основным хранительским документом оставался далекий от совершенства даже в момент создания каталог 1745 года. Однако какие-то попытки составления нового каталога в это время имели место, о чем говорит отрывок описи русских медалей и монет Минцкабинета (нового времени), составившейся в 50-х годах.

Произведенная в 1767—1768 годах ревизия Минцкабинета исходила из «печатного каталога» 1745 года и составленной Таубертом после пожара описи с перечислением утраченных вещей. Опись упоминается в рапорте Тауберта, представленном менее чем год спустя после пожара, осенью 1748 года. По случаю отъезда за границу в годичную команди-

¹ Тверские монеты, новгородские и псковские, монеты Екатерины I, Петра II. Все остальные таблицы являются забракованными черновиками для нескольких, названных выше. Водяные знаки, имеющиеся на всех листах таблиц, по словам Г. Г. Гримма, постоянно встречаются на бумаге чертежей 2-й половины XVIII и даже начала XIX века.

ровку Тауберт сообщал, что порядок в коллекциях Кунсткамеры после пожара восстановлен и их состояние приведено в полную ясность.¹ Однако в делах удалось обнаружить лишь относящийся к маю 1748 года список пропавших римских дублетов.² Что касается Минцкабинета, то из ревизии 1768 года видно, что многие годы спустя после пожара в собрании его продолжали находиться отдельные монеты и оказывались «в нетях» заведомо сохранившиеся при пожаре, причем преимущественно уникальные. Выше уже упоминалось о пропавшей в 70-х годах замечательной монете Грозного.

Ревизия 1768 года и последовавшая за нею ревизия 1770 года стали возможны после двух десятилетий бесконтрольного управления Тауберта Кунсткамерой только в связи с тем, что к этому времени его положение в Академии заметно пошатнулось.

Результатом ревизии 1768 года была находящаяся ныне в Эрмитаже рукопись под названием «Ревизия учиненная в 1768 году находящимся при императорской Кунсткамере золотым, серебряным и прочим драгоценным вещам, также и всему Минцкабинету с приложением краткого перечня и вновь сочиненного (выделено мною. — И. С.) обстоятельного Каталога Российским деньгам, монетам и медалям».

Из текста ревизии видно, что проверка велась уже в 1767 году. Поскольку она исходила из данных каталога 1745 года и таубертской описи 1748 года, вновь составленный каталог еще не был признан имеющим силу учетного документа и, следовательно, мог быть составлен незадолго до ревизии. Причина его составления названа: «потому что прежний в расположении своем был неисправен и по напечатании к оному многое вновь прибыло».

Каталог представляет собою полное и действительно обстоятельное описание всех монет русской коллекции с заново систематизированной древнейшей частью. Сильно разрослась и особо выделенная часть каталога, посвященная монетам и медалям нового времени. Она доведена до 1767 года включительно³.

Для каталога Тауберт использовал старую опись под названием «Роспись медалям государя императора Петра Великого», доведенную до монет Петра II включительно. Ее расширили и снабдили вкладными чистыми листами для дополнительных записей⁴. «Роспись» составлялась после печатного каталога 1745 года и представляет собою какую-то попытку переработать каталог монет и медалей нового времени с 1700 года. В ней принят порядок описаний, отличный от построения каталога 1745 года, в том отношении, что они начинаются с медных монет наименьших достоинств, тогда как в «*Musei Imperialis*» медные монеты описывались в конце каждого правления и начиная с наиболее крупных.

¹ Материалы, т. IX, стр. 363, сл.

² Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 112 (1747 г., дела о пожаре), л. 84.

³ В архиве Академии наук под неточным названием «Материалы для составления каталога русских монет около 1750 г.» находится книга, составленная из переплетенных вместе двух разных дел. (См. архив Акад. наук. Разряд III, оп. 1, № 142). Открывается она описью коллекций Волынского и Мусина-Пушкина (лл. 1—23) с карандашными пометками о выдаче первой. Все следующие листы представляют собой составленный лично Таубертом черновик для заключительной, новой части каталога 1768 года и для общего сводного ревизионного реестра всей русской коллекции. За исключением самых незначительных последующих исправлений черновик полностью соответствует двум таким же частям чистовой рукописи «Ревизии» 1768 года.

⁴ Архив Академии наук. Разряд III, оп. 1, № 142, лл. 25—46.

«Роспись» заметно моложе каталога 1745 года, так как в нее введен десяток пополнений и, в частности, упомянутая выше пропавшая уникальная квадратная копейка 1726 года, поступившая в 1754 году (в каталоге 1745 года такой монеты вовсе нет). В то же время «Роспись» старше упомянутых выше таблиц, так как в ней еще не упомянуты некоторые изображенные на них монеты, как, например, квадратная копейка 1726 года (табл. XV).

Таким образом, уточняется, что «Роспись» была составлена, во всяком случае, после 1754 года. Возможно, что она понадобилась в связи с произведенным включением в основную коллекцию медалей и монет коллекций Остермана и Мусина-Пушкина¹. Отметим, что в «Росписи» без каких-либо пометок были внесены все монеты каталога 1745 года, в том числе и не дошедшие до нас уникальные монеты Екатерины I и Петра II.

На вшитых листах Тауберт добавил еще несколько новых описаний—позднейших поступлений, либо переправляя нумерацию, либо давая им литерные номера. На л. 42 в «Росписи» мы впервые встречаемся с указанием на пропажу уникальных монет Минцкабинета. Рукою Тауберта поставлены звездочки возле описаний четырех медных монет Екатерины I (№№ 9—12 по Musei Imperialis... и Ильину) и уже упоминавшейся квадратной копейки (табл. XV), еще не значившейся в каталоге 1745 года и впервые появившейся лишь в «Росписи». Вынесенное вниз примечание гласит — «пропавшие в пожар». Точно такие же пометки находятся подле двенадцати описаний монет Петра II на л. 43 (оборот). Шесть из них — уникамы, отмеченные в статье Ильина (№№ 5—10 по Mus. Impreg., табл. XV)². Такие же печальные пометки сопровождают описания нескольких червонных Петра I и еще нескольких золотых, серебряных и медных монет.

На оборотной чистой стороне последнего листа «Росписи», а затем на дошитых листах бумаги весь текст написан только рукою Тауберта и, несомненно, «в один присест». В правлениях Анны Иоанновны и Ивана Антоновича описывались еще и монеты, а начиная с времени Елизаветы, идут описания одних только медалей. Приняв во внимание, что последняя медаль в черновике и в каталоге датируется 1767 годом, мы получаем довольно точную дату составления всего черновика и дату пометок о пропаже — 1767 год.

Таким образом, упомянутая часть каталога составлялась в очень большой спешке самим Таубертом.

Целая серия монет нового времени, которые находились в Минцкабинете, во всяком случае, еще в 50-х годах, была похищена незадолго до ревизии 1768 года, о чем неоспоримо свидетельствуют рисунки на таблицах 60-х годов. Рукою Тауберта вписаны ложные справки о пропажах во время пожара. Прецедент имелся: во время пожара, действительно, был похищен пакет с дублетами римских монет и имелся об

¹ Об этом может свидетельствовать вклеенный в самом начале книги отдельный полудист, написанный рукою Тауберта. Он озаглавлен: «Из означенных в сем каталоге медалей и монет положены в Минцкабинет и внесены в печатный латинский каталог а имену». Ниже, с указанием мест в шкафу, перечислено десять значащихся в «Росписи» золотых и серебряных монет и медалей Петра I и Екатерины I.

² Следует отметить, что даже в описях 1768 и 1770 годов записаны все монеты, числившиеся в каталоге 1745 года. Поэтому присутствие описаний «пропавших во время пожара» монет само по себе не дает никаких оснований относить «Роспись» ко времени до 1747 года.

этом документ¹. Во власти Тауберта было обезвредить другие документы, которые могли мешать ему, — вроде описи потерь 1748 года². Непонятно лишь, что сохранило от уничтожения улику — таблицы³.

Накануне ревизии появляются звездочки подле записей о лучших монетах коллекции, а одна из них, повидимому, оказывается в руках заезжего иностранца, поживившегося тогда же и другими материалами из Академии наук.

Вероятно, в связи с ходом ревизии, или же, во всяком случае, с непосредственным интересом президента Академии графа Орлова к состоянию русской нумизматической коллекции, находится рапорт Тауберта, поданный в июне 1768 года⁴.

Как можно понять, своим рапортом Тауберт стремился увести в сторону вопрос о недостающих в новой части коллекции монетах XVIII века и отвести от себя упреки в запущенности и неполноте этой части коллекции⁵.

¹ Год спустя после пожара в Минцкабинет возвратилась как «клад», будто бы случайно найденный на огороде в Петербурге, близ одной из казарм, небольшая часть медных римских дублетных монет собрания Минцкабинета, пакет которых пропал во время пожара. Незадолго до этого несколько таких же монет оказалось у одного солдата; дело получило огласку, и полковое начальство решило, не вынося сору из избы, представить дело как находку клада. (См. архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 112, лл. 83, 84, также в рукописи ревизии 1768 года).

² В этой связи приобретает совсем особый смысл настойчивое стремление Тауберта в самом начале 1767 года во что бы то ни стало избавиться от помощника библиотекаря Осипа Петрова. Как видно из довольно обширной переписки по этому вопросу, О. Петров только несколькими месяцами раньше был принят на работу в Кунсткамеру и определен к «порядочному содержанию» различных коллекций, находился «при хранении некоторой части» ее и имел самостоятельное хранение. (См. архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 302, лл. 280—296). В «доношении» самого Петрова относительно прибавки жалованья, поданном в январе 1768 года и послужившем поводом для увольнения, сообщается, что он десять лет (с 1757 года) служил в Москве при Патриаршей библиотеке и был рекомендован Тауберту прежним помощником библиотекаря Андреем Богдановым и определен в 1766 году на место последнего после его смерти (см. там же, лл. 280—296). Поскольку нам известно, что Богданов занимался русской нумизматикой, можно думать, что и его преемник имел некоторое отношение к ней. Рекомендация Богданова и солидный стаж работы в таком книгохранилище, как Патриаршая библиотека, могут в известной мере характеризовать Петрова. Однако Тауберт в своем «доношении» на имя президента Академии презрительно называл Петрова «синодальным певчим» и, осылаясь на «дерзкую» просьбу о прибавке жалованья, писал о нем: «он либо не в своем уме, либо человек негодный, почему я признал в нем разные опасные свойства и перестал допускать его к Библиотеке и Кунсткамере» (см. там же, л. 282). За туманными высказываниями Тауберта и повторными требованиями об увольнении Петрова могло стоять простое стремление избавиться от нежелательного свидетеля ввиду предстоящей проверки. Богданова уже не было в живых, и он не был опасен, но его преемник мешал.

³ Следует отметить, что в рукописи «Ревизии» 1770 года раздел «Ревизия золотым и серебряным вещам и разным камням» начисто выдран из книги.

⁴ Архив Академии наук, ф. 3, оп. № 312, лл. 194—198.

⁵ Тауберт приложил к рапорту реестр недостающих монет, «начав от времен государя императора Петра Великого» и составленный, исходя из той заведомо неверной предположки, что монеты всех достоинств чеканились ежегодно. Тауберт заявлял, что если ему будет отпущено 100 рублей, то он в самый короткий срок сумеет собрать недостающие монеты. Тут же выдвинуты по пунктам предложения: обязать канцелярию монетных дворов уточнить представляемый реестр на основании архивных справок и поискать, не сохранилось ли нужных монет; обязать Казначейство пересматривать всю поступающую в доход государства монету — применительно к реестру, возложить эту же обязанность на Петербургскую, Рижскую и Ревельскую таможи и даже на кабацких сидельцев и, наконец, напечатать реестр и разослать для руководства всем воеводам в города! Этот букет нелепостей свидетельствует, пожалуй, о некоторой растерянности Тауберта.

Пропажи в коллекции, повидимому, не предавались огласке. Иначе трудно объяснить, почему Бакмейстер в изданной в 1776 году книге подробно распространяется насчет упоминавшейся выше медали Грозного, рекомендуя ее вниманию посетителей Кунсткамеры.

ДОПЕТРОВСКИЕ МОНЕТЫ В КАТАЛОГЕ МИНЦКАБИНЕТА КУНСТКАМЕРЫ 1768 ГОДА

Как же обстоит дело перед ревизией с допетровскими монетами? С листа 56 начинается написанный Таубертом же черновик — «Перечень находящихся в Минцкабинете при Академии наук Российским деньгам, монетам и медалям по новому (выделено мной—И. С.) каталогу старинных денег серебряных и медных». Перечень представляет собой имеющуюся и в чистовике краткую сводную ведомость подсчета допетровской части коллекции, в полном соответствии с каталогом. В ведомости обозначены только заголовки разделов, номера монет и количество их экземпляров с разбивкой по металлу. Следовательно, перед составлявшим «перечень» в 1767 году Таубертом находился уже готовый новый каталог допетровских монет¹.

Новый каталог допетровской части коллекции Кунсткамеры дошел до нас только в чистовых списках (1768 и 1770 годов)². Но даже они показывают, что работа систематизатора продолжалась и над вполне законченным каталогом. Вновь выявляемые, нужные для коллекции экземпляры вписывались в каталог между строк с литерными номерами: писец, переписывавший каталог набело, поставил эти записи в строки с их литерными номерами³. Можно признать, что каталог монет допетровских был закончен, быть может, даже за один-два года до того, как Тауберт стал поспешно дописывать каталог новейшей части собрания в 1767 году. Следовательно, работу над допетровским каталогом можно относить к началу 60-х годов.

Составитель каталога проделал большую исследовательскую работу по четкому определению большого числа монет основной коллекции, коллекций Остермана и Мусина-Пушкина и других поступлений, свел их вместе и заново систематизировал⁴. Монеты каждого типа подбирались по возможности в нескольких дополняющих друг друга экземплярах. Одновременно был упорядочен и весь дублетный фонд.

¹ Такой же перечень имеется и на монеты XVIII века. В нем тоже размечены звездочками все упомянутые выше «пропавшие при пожаре» монеты. Уникальная золотая монета — медаль Грозного, о которой говорилось в связи с именем уехавшего из России в 1775 году Леклерка, в черновик не внесена, но в чистовике она все же записана со звездочкой и без каких бы то ни было примечаний.

² Список только систематического каталога — в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки (Эрмитажная опись, № 83).

³ Следует отметить, что в каталоге, приложенном к рукописи «Ревизии» 1770 года, тоже имеются следы продолжавшейся работы над собранием: «неизвестных» монет записано на три штуки меньше, эти монеты под литерными номерами переведены в раздел монет Василия Темного. Однако возможно, что это исправление было сделано раньше, но в другом рабочем каталоге 1768 года.

⁴ При проверке хранившегося все еще отдельно остермановского кабинета было записано: «которых старинных монет и денег по сей ревизии против приемной описи недостает, оные отсюда переложены и включены в большую Минцкабинета коллекцию». Коллекция Мусина-Пушкина полностью прекратила свое существование и разошлась между «большой коллекцией» и дублетным фондом. Страницы нового каталога испещрены пометками «Ост.» и «М» — Остерман и Мусин-Пушкин. За счет этих монет почти полностью составлены все новые разделы, введенные в систематизацию нового каталога.

Наглядное представление о том, как тщательно велась систематизация, дает рассмотрение упоминавшихся выше таблиц с рисунками монет, работа над которыми, как легко убедиться, велась одновременно с систематизацией русской коллекции Кунсткамеры.

Выше говорилось, что только отдельные, вполне законченные листы, с аккуратно вычерченными надписями полностью соответствуют некоторым частям каталога 1768 года. Все остальные листы, отчасти рисованные, отчасти смонтированные путем наклейки вырезок из забракованных листов, отражают работу по систематизации, которая велась одновременно с зарисовками. Некоторые из таблиц переделывались до четырех-пяти раз (тверские монеты, новгородские), изображения браковались, переправлялись, перенумеровывались, менялись местами, исключались или заменялись другими. Из забракованных листов вырезались рисунки и наклеивались в новом порядке.

Среди 25 листов 3 сохранились в обрезках, а между страницами рукописи «Ревизии 1768 г.» сохранилось несколько вырезанных из таблиц отдельных рисунков.

Один из сохранившихся листов, относящихся к самому началу альбома (вероятно, второй, табл. XVI)¹, свидетельствует о больших раздумьях составителя каталога над временем начала чеканки монет. На листе, снабженном соответствующими надписями, обозначены «Денги российские с татарской подписью неизвестные» (17 монет), «Князя великого Ивана Ивановича» (1 монета), «Князя великого Дмитрия Ивановича» (1 монета) и «Князя великого Василия Дмитриевича» (10 монет). Но в тексте каталога, в конце концов, самой ранней из определенных стала только одна монета Василия Дмитриевича, а к описанию помещенной среди «неизвестных» монеты (которая, действительно, относится к правлению Дмитрия Ивановича.—*И. С.*) сделано лишь примечание: «кажется, что Дмитрия Ивановича Донского».

Текст каталога, точно так же, как таблицы, вызывает удивление вдумчивостью и осторожностью составителя в суждениях и в определении монет. Многие экземпляры монет с теми или иными именами, вызывавшими его сомнения, не говоря уже о частично сохранившихся именах, он предпочитал оставлять в «неизвестных». Во многих случаях употребляется осторожное выражение «кажется, что»². В сущности, во всем каталоге имеется только одна фантастическая легенда («печать княжая в Орде». См. Орешников № 837, примечание).

Каждый новый раздел или подразделение, независимо от степени важности, в каталоге помечен римской цифрой. Фактически же все монеты каталога разбиты на пять основных групп: I «Неизвестные»; II «Великие князья Московские» (до Грозного); III «Удельные от великих князей Московских»; IV «Деньги российских разных городов»; V «Цари российские»³.

Неопределенные монеты делятся на четыре подгруппы: а) «Неизвестные без подписи», б) «с подписью татарской», в) «с подписью татарской и

¹ Нумерации листов нет.

² В этом отношении систематизаторы первой половины XIX века, не исключая и А. Д. Черткова, были и смелее и менее осмотрительны.

³ Как некоторую странность автора можно отметить, что в разделе «Удельные от великих князей Московских» он поместил не только монеты Московских уделов, но и все монеты Великих княжеств Рязанского, Тверского и Суздальского (Суздальско-нижегородского. — *И. С.*). Для XVIII века такой взгляд вполне объясним.

русской», г) «с подписью русской»¹. Иного отделения русско-татарских монет от русских в каталоге нет. Независимо от языка надписи они относятся к любым разделам, хотя только одна татарская надпись переведена на русский язык. Привлечение для систематизации татарских и подражательных надписей оставалось делом будущего. К «незнаемым» причислена еще одна особо выделенная монета — «Князь Петр Дмитриевич, а какой неизвестно» (удельное княжество Дмитровское.—И. С.).

Несмотря на то, что на забракованной таблице имеется несколько монет, действительно принадлежащих правлению Василия Дмитриевича, в каталоге ему приписывается только одна монета — с изображением Самсона (см. Орешников, № 594, примечание), а все остальные находятся либо в «незнаемых», либо среди монет Василия Темного. За него 37 монет Василия Васильевича Темного, которые определены в общем правильно. Они подразделены по старой традиции на монеты «Василия (Васильевича)» — 30 и «Василия Васильевича» — 7. Очень многие монеты из коллекций «Ост.» и «М.»

Монеты Ивана III (22 типа) уже не делятся по наличию или отсутствию отчества. В эту группу попали княжеские монеты Грозного, наиболее ранние безымянные копейки двух типов, псковская «мечевая» копейка, княжеские денги со знаками «о» и «М», а также копейка со знаком «ф», но «ругодевской» монеты уже нет. В конце помещена «Феодосия» — брянский золотой медальон с несколько иначе, чем раньше, переданной надписью. Остальные монеты — Ивана III. Описаны здесь и монеты с частично татарской легендой («это денга московская» и «Ибан») и монеты с именами денежников.

Среди 8 типов монет Василия Ивановича оказалась безымянная полушка Грозного. Значительная часть монет Ивана III и Василия Васильевича вошла из коллекций Мусина-Пушкина и Остермана.

Монеты Московских уделов с русскими и русско-татарскими надписями почти полностью перенесены из «Ост.» и «М.» и описаны в следующем порядке: князья Галицкие и Звенигородские: Юрий Дмитриевич — 5 типов, Дмитрий Юрьевич — 1 тип; князья Можайские и Белозерские: Андрей Дмитриевич — 6, Иван Андреевич — 3, Михаил Андреевич (то есть князь Верейский) — 7; князья Боровские (то есть Серпуховские): Семен Володимирович — 2, Ярослав Володимирович — 1 и Василий Ярославович — 6.

Далее в числе удельных описываются монеты трех великих княжеств. Князья Суздальские: Данило Борисович — 2 (с титулом «князь» и «великий князь»), Андрей Константинович — 1, Александр Андреевич (князь Александр) — 1. Великие князья Рязанские — все рязанские монеты, имеющие только тамгу, описаны еще среди «незнаемых», а Федору Ольговичу приписываются 2 монеты с надписью «печать князь Федорова» — по видимому, Микулинского княжества. Иван Федорович — 1, Василий Иванович — 2, Иван Васильевич — 1 (кентавр?, на о. с. «великий князь Иван»). Великие князья Тверские (табл. XVII): Иван Михайлович — 4, Александр Иванович — 4 экземпляра (Суздальско-Нижегородские — И. С.),

¹ Деление это носит, в сущности, чисто служебный характер, но именно оно пришлось по вкусу Шербатову, который прибавил еще для всех остальных монет пятый класс — «знаемые» и этим удовлетворился. В таком же духе делил древние русские монеты и Карамзин (см. у Черткова, вступление, стр. XI, XII). Так же излагает классификацию русских монет большинство авторов конца XVIII века, обращавшихся к этой теме (Бакмейстер, Георги, Г. Шторк).

Борис Александрович — 4, Михаил Борисович — 13. Князь Я К а ш и н с к и е, удельные от великих князей Тверских: Иван Борисович — 5 (в действительности, великого княжества Суздальско-Нижегородского).

В разделе «Денги российских разных городов» именные монеты дублируются, о чем сделаны примечания, отсылающие к тексту других разделов. Сюда вошли серебряные и медные монеты, на которых обозначено место чеканки: 5 московских, 1 Можайская, 1 суздальская, 2 рязанские, 6 тверских и 2 кашинские, 46 новгородских и 26 псковских тщательно систематизированы по встречающимся на них литерам и другим различиям (табл. XVIII).

Нет надобности перечислять монеты раздела «Цари Российские». Он начинается царскими монетами Грозного, среди которых помещена и редкая медаль, о которой говорилось выше. Следует отметить ясное представление составителя о золотых копейках и денгах Шуйского и Владислава: они совершенно правильно названы: «гривна золотая и десять денег»¹. В позднейшее время представление о платежном значении этих монет было полностью утрачено². На монетах Христиана правильно прочтены и транскрибированы их трудные надписи.

Таким образом к 60-м годам XVIII века происходит коренная перестройка систематизации древних русских монет. На смену беспомощной, формальной систематизации 30—40-х годов приходит систематизация историческая, во многом не уступающая систематизации Черткова. Воздавая должное непосредственному исполнителю огромной работы, сделанной неизвестным нам систематизатором, следует признать, что его успех был подготовлен всем предшествующим развитием русской нумизматики, достигшей в короткий срок больших успехов в собирании и осмыслении древних монет. Создание новых принципов систематизации академической коллекции невозможно не поставить в связь с работой М. В. Ломоносова и его помощника А. И. Богданова над «Кратким летописцем».

Кто же был автором нового каталога допетровских монет Минцкабинета? Описать в один присест, ввиду безотлагательной необходимости, серию монет и главным образом медалей нового времени, как это сделал Тауберт, не представляет большого труда для любого грамотного человека, тем более, что, судя по «пропажам при пожаре», Тауберт имел некоторое представление о монетах XVIII века. Однако нет никакой возможности приписать Тауберту, которого даже благорасположенные к нему люди все же отказывались признать ученым, блестяще выполненную систематизацию, научное описание и упорядочение на совершенно новой основе нескольких тысяч древних монет. Ни в написанных им самим документах, ни в нескольких биографических справках о нем нет и намека на его занятия нумизматикой. Об отсутствии у Тауберта интереса к допетровским монетам и знания их говорит даже то, что древние монеты не «пропадали в пожар» — кроме замечательной медали Грозного.

Автора каталога древнерусских монет нужно искать среди настоящих ученых, скромных и малозаметных работников Кунсткамеры. В этом отношении прежде всего привлекает внимание А. И. Богданов, который нес и хранительские обязанности по Кунсткамере. О занятиях

¹ См. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов А. Дмитриева, вып. VI, Пермь, 1895, стр. 139.

² Чертков, Прибавление III, стр. 18, примечание.

Богданова нумизматикой имеются прямые указания. Выполненная по заданию М. В. Ломоносова работа по составлению «Краткого экстракта о державных российских князьях»¹ не могла не сыграть свою роль в коренной перестройке коллекции и создании новой систематизации древнерусских монет. Однако в челобитной Богданова можно было бы ожидать упоминания о столь значительной работе.

Возможное предположение об участии в работе над каталогом И. Бакмейстера, который проявлял глубокий интерес к русской старине и обладал определенными склонностями к систематизации, отпадает. Нумизматическую коллекцию Кунсткамеры Бакмейстер знал и писал о ней². Однако, как обратила внимание О. И. Смирнова, татарские надписи монет почти постоянно изображены на таблицах перевернутыми, что не мог допустить Бакмейстер, знавший арабский язык.

Кто бы ни был человек, систематизировавший древнерусские монеты Минцкабинета Кунсткамеры, он прежде всего был кодификатором тех знаний, к которым пришла русская нумизматика в середине XVIII века в результате незаметного, кропотливого труда многих не известных нам «охотников»-нумизматов.

Наш «путеводитель»-альбом, рассмотрением которого мы начали первый очерк, не довел нас до 50-х годов. Но можно ли сомневаться в том, что русская нумизматика в середине XVIII века имела уже значительно больший круг сторонников?

РУССКИЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII—НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Начиная с 60—70-х годов XVIII века и, особенно, в XIX веке, круг собирателей русских монет и медалей расширялся особенно быстро. Продолжалась ставшее традицией, а отчасти и признаком хорошего тона создание минцкабинетов в домах вельмож и знати. Некоторые, как канцлер Н. П. Румянцев (1754—1826), А. Н. Мусин-Пушкин (1744—1817), сенатор Ф. А. Толстой (1758—1849), С. Г. Строганов (1794—1882), А. Д. Чертков (1789—1858), с увлечением отдавались собирательству и лично занимались своими коллекциями. Многочисленные упоминания о них и о других высокопоставленных собирателях находятся в записках Г. И. Лисенко и встречаются в литературе³.

¹ М. В. Ломоносов. Т. VI. М.—Л., 1952, стр. 589—590 и стр. 292 и сл.; Н. Н. Аблоу. Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед Андрей Богданов. Советская библиография, сб. 1 (19) 1941, стр. 134—151.

² Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук и т. д. Пер. В. Костылева, Спб., 1779, Первое издание (на французском языке) в 1776 году.

³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2, Киев, 1892, стр. 1399; Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. Спб., 1874; Л. Панснер. Табличное обозрение и т. д., Симбирск, 1900; Шодуар. Указ. соч., т. I.

Н. Сахаров. Летопись русской нумизматики (изд. 1), Спб., 1842, составлено в 1838 г.; С. А. Еремеев. Записки о русской нумизматике. «Северная пчела», 1841, № 146; то же под названием «Материалы для истории русской нумизматики», Записки Спб. Археолого-Нумизматического об-ва, т. I, Спб., 1849, стр. 423, сл.; статья «О важнейших собраниях российских монет», Спб., Ведомости, 1835, №№ 260, 261 (перепечатана из Спб. немецкой газеты); Т. F. Schubert, Monnais russes des derniers trois siècles etc. Leipzig, 1857, стр. 6—7.

С. Г. Громыцкий. Библиографический указатель литературы по русской нумизматике. Житомир, 1904, стр. 70—72.

А. Н. Мусин-Пушкин был первым собирателем, вложившим в 1792 году в свою коллекцию русскую монету XI века — «Ярославле сребро»¹. Киевские находки 1792 и 1796 годов (златник Владимира в коллекции Бунге)² по своему значению и последствиям были одним из крупнейших событий в русской нумизматике. Выдающимся частным собранием русских монет в XVIII веке, по словам акад. Георги, была коллекция генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского (1727—1793)³. О распродаже коллекции Вяземского упоминает в своих записках собиратель купец С. А. Еремеев. Часть ее, повидимому, русская, досталась крупному петербургскому собирателю купцу И. П. Лаптеву, часть медалей купил Я. Я. Рейхель, а сравнительно небольшая часть поступила в 1831 году в Эрмитаж⁴. К Лаптеву же перешли коллекции кн. П. В. Лопухина (1741—1827) и герцога А. Виртембергского (ум. 1833). В начале XIX века была распродана русская коллекция умершего в 1817 году барона Е. Ф. Аша⁵, которую Георги называет «отборной и весьма поучительной»⁶. Она отмечена и в путевых записках И. Бернулли⁷. Е. Ф. Аш составил также русскую коллекцию для Геттингенского университета, в котором получил образование⁸. Без уточнения состава упоминает Георги нумизматическую коллекцию президента Адмиралтейской коллегии графа И. Г. Чернышева (1726—1797)⁹. Выше упоминался Л. А. Нарышкин (1733—1799), по просьбе которого чеканились новодельные медали Лжедмитрия.

Из сохранившегося в бумагах Лисенко черновика письма М. П. Кикиной видно, что умерший в 1834 году ее отец сенатор П. А. Кикин, бывший начальник Лисенко по службе, был обладателем разнообразной коллекции русской старины, в том числе и русских монет, среди которых находился будто бы и златник Владимира. Упоминаемое Лисенко русское собрание графа П. К. Сухтелена (1751—1822) в 20-х годах поступило в Академию наук, а коллекцию умершего в 1832 году генерала Ф. Д. Сухарева распродал его брат сенатор А. Д. Сухарев. Еремеев вспоминает выдающееся собрание русских монет Северина, повидимому, умершего в 1830 г. сенатора П. И. Северина¹⁰, приобретенное после его смерти Рейхелем. Лисенко восторженно отзываясь об этой коллекции и называет уплаченную Рейхелем сумму — 10.000 руб. Дважды упоминает Лисенко состоявшиеся в 20-х гг. мены с б. губернатором А. Д. Балашовым, от которого получил одну из девяти новгородских гривен (вес 46 зол. 50 д.), найденных в 1821 г. в имении

¹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Спб., 1882, стр. 63.

² Там же, стр. 9. От Бунге в 1816 году монета перешла к М. В. Могилянскому, вскоре потерявшему ее на прогулке.

³ G. Georgi. Versuch einer Beschreibung der russisch Kaiserlichen Residenz Stadt, st. Petersburg, etc. SPB, 1790, стр. 319.

⁴ Архив Эрмитажа, оп. 1, 1831. № 2.

⁵ С. А. Еремеев. Указ. соч., стр. 428.

⁶ Georgi. Указ. соч., стр. 319.

⁷ J. Bernoulli. Reisen durch Brandenburg, ... Russland und Polen in der Jahren 1777—1778, т. V, Leipzig, 1780, стр. 14.

⁸ Б. И. Фитингоф. Опыт описания Российских монет. Записки и труды Общества истории и древностей, ч. I, М., 1815, стр. 80—81.

⁹ Georgi. Указ. соч., стр. 318.

¹⁰ Впрочем, в эти же годы в Петербурге были и видные купцы Северины. См. Г. А. Немиров. Опыт истории С.-Петербургской биржи и т. д., вып. 10, Спб., 1891 (купец И. Северин умер до 1816 года).

Балашова (близ станции Вышгород Рязанского уезда)¹. Выменивал Лисенко слитки у бывш. новгородского губернатора (с 1818 по 1826 г.) Д. С. Жеребцова и бывш. тверского губернского предводителя дворянства Я. С. Квашнина-Самарина. Русская коллекция умершего в 1819 г. соратника Суворова генерала В. Х. Дерфельдена, по словам Лисенко, была приобретена у вдовы Дерфельдена Ф. Ф. Шубертом (1789—1865). Систематические упоминания о Шуберте начинаются в каталоге-дневнике Лисенко с 1829 г. Панснер и Шуберт отмечают коллекцию директора г. Павловска генерала Е. К. Фридрици (1779—1869), Шодуар и Шуберт — генерала А. Трошинского в Киеве.

Некоторые, как Н. П. Шереметев, препоручали заботы о коллекциях своим подчиненным, или «подданным». Крепостной библиотекарь Шереметева разносторонне одаренный В. Г. Вороблевский (1730—1797) был автором каталога и хранителем нумизматической коллекции графа². Были и такие, что заводили коллекции, лишь соблюдая светские приличия. Трудно привести более яркий пример, чем уловку скупого Аракчеева, который приказал отчеканить для него «коллекцию» монет всеми имевшимися на Монетном дворе штемпелями, подешевле, вместо золота и серебра — на позолоченных и посеребренных медных кружках. В коллекции Лисенко были сохранившиеся от этой операции гладкие кружки.

О росте параллельного собиранию монет коллекционирования русских медалей во второй половине XVIII века свидетельствует копирование старых штемпелей для петровских медалей, которое приобрело широкие размеры, — не говоря уже об изготовлявшихся тогда же отдельных экземплярах или целых сериях ретроспективных медалей. Начиная с конца XVIII века, Монетный двор несколько раз выпускал каталоги-прейскуранты своих штемпелей, предлагая коллекционерам изготовление медалей³. О возможности заказов на чеканку старыми штемпелями также и монет не упоминалось, но она постоянно имела место в конце XVIII и в XIX веках, пока не была запрещена в 1890 году⁴.

Своеобразным памятником «светской» нумизматики является выпущенная в Москве в 1834 году князем М. А. Оболенским (1805—1873) книжечка «Деньги Великого Новгорода». Ее размер 85×55 мм и в ней только две странички текста, содержащего краткие сведения о чеканке «новгородок» до 1478 года. Посвящение «Софии Андреевне Сумароковой, знаменитой любительнице отечественных древностей» открывает нам имя женщины-нумизмата 30-х годов⁵. Еще одна «любительница» — О. А. Орлова упомянута в завещании Лисенко.

Наряду с великосветскими коллекциями к концу XVIII века наиболее многочисленными делаются собираемые по искренности влечению большие и маленькие коллекции русских монет, принадлежавшие представителям интеллигенции — ученым, чиновникам, учителям, военным, врачам, аптекарям. В записках Лисенко с 1809 по конец 30-х годов упоминаются

¹ Россия . . . , ред. В. П. Семенов, т. II, стр. 312. В «Топографии» А. А. Ильина клад не отмечен.

² Е. В. Гаккель. Крепостная интеллигенция в России во 2-й половине XVIII в. — первой половине XIX в. Рукопись диссертации, 1953 г., лист 259.

³ Два таких проспекта конца XVIII или самого начала XIX века сохранились в бумагах Лисенко (в Эрмитаже). См. журнал Г. Шторха *Russland unter Alexander der Erste*, II, 1804, стр. 165—166.

⁴ В. кн. Георгий Михайлович. Русские монеты 1881—1890. СПб., 1891, стр. 82—83.

⁵ С. А. Сумарокова — жена литератора П. П. Сумарокова, дочь князя А. П. Оболенского, попечителя Московского учебного округа. (Л. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, II, СПб, 1895, стр. 277.)

его знакомые или известные ему собиратели русских монет — полковник В. И. Карлгоф, собиравший только русские ефимки и золотые монеты¹; новгородский полицеймейстер Стромиллин (впрочем, скорее торговавший, чем собиравший)², обер-секретарь Синода А. Ф. Фиалковский, чиновники Е. М. Комаров (20-е годы), И. А. Кованько (1764—1830), Д. П. Позняк, Глезеров, В. Яковлев и др., некий Ф. И. Смирнов, мены с которым Лисенко производил десятки раз. Пансер называет еще петербургских собирателей В. И. Майкова и Новикова.

В Москве Лисенко был связан с профессором М. П. Погодиным, часть коллекции которого поступила в Эрмитаж³, с собирателем Н. Г. Головиным, над коллекцией которого работал А. Д. Чертков, и с неким Перовским. Ряд коллекций перечислен Сахаровым.

О распаде коллекции И. П. Бекетова в 30-х годах упоминает А. Д. Чертков⁴. Часть ее перешла к кн. С. В. Долгорукову. Лисенко, между прочим, записал о доставшейся Д. Г. Бибикову из коллекции Бекетова золотой медали и цепи, которые были поднесены в 1800 году населением о-ва Корфу освободителю Ионических островов адмиралу Ф. Ф. Ушакову. По словам Лисенко, отчеканенное в виде щита серебряное блюдо, на котором были поднесены медаль Ушакову и серебряные медали сопровождавшим его офицерам, в 30-х годах находилось в Москве у «провиантского комиссионера 5 класса» Демьянова. К сожалению, Лисенко не указывает происхождения такой серебряной медали, отданной им Я. Я. Рейхелю за редкую монету. С собранием Рейхеля эта медаль в 1856 году перешла к Эрмитажу.

П. П. Свиный (1787—1839)⁵, о поездке которого в Екатеринбург за медными платами упоминает Еремеев, кроме монет, специально коллекционировал солдатские наградные медали⁶.

Как и прежде, ряды собирателей русских монет пополняются переселившимися в Россию интеллигентными иностранцами. Выше упомянута киевская коллекция Г. Ф. Бунге. Замечательная, по отзывам современников, коллекция русских монет была собрана московским профессором Ф. Г. Баузе (ум. в 1912 году)⁷. Около 1801 года обсуждался

¹ Отрывок из письма Лисенко к В. И. Карлгофу (о приобретении золотой монеты Дмитрия Донского (!). Северная Пчела, 1837, № 158.

² Возможно, о нем говорит Н. Н. Муравьев, как о г-не Н. С. С., имевшем «запас гривен и рублей». Записки и труды Общества истории и древностей Российских, кн. III, ч. 2, М., 1827, стр. 192.

³ Архив Эрмитажа, оп. 1, 1852, № 28; Биографич. словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета, ч. II, М., 1855, стр. 264—270.

⁴ Прибавление 1, М., 1837, стр. VIII.

⁵ Лисенко был с ним в натянутых отношениях из-за редкого медного пятака 1723 года. Не подозревая о большой редкости монеты, Свиный в 1820 году подарил ее Лисенко, который отдал ее старинной рукописной книгой, несколькими медалями и сибирским железным расписным столиком. Между тем, страстный собиратель русских медных монет С. А. Еремеев всеми способами пытался завладеть желанной монетой и стал действовать через Свинына. Последний «через перетиску со мною, — пишет Лисенко, — старался всякими правдами и неправдами получить от меня обратно свой подарок — и не ушел. После сего Еремеев «в течение нескольких месяцев доставляя мне редкие серебряные и золотые монеты по сходным ценам, наконец убедил меня уступить ему оный медный пятак 1723 г. за 500 (руб.) 2 ноября 1822 г.». Еремеев вскоре лишился своего приобретения, потерянного художником, которому было заказано выгравировать редкость...

⁶ См. Краткая опись предметов, составляющих Российский Музеум П. Свинына. Спб., 1829.

⁷ Воспоминания И. М. Снегирева. Русский Архив, 1866, стр. 754; Записки и труды Общества истории и древностей Российских, ч. I, М., 1815, стр. 50 (Калайдович) и 76—77 (Фитингоф); К. Ф. Калайдович. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтове, первом собирателе оных, М., 1811, стр. 9.

вопрос о приобретении ее Эрмитажем, но покупка не состоялась¹. Указывалось, что коллекция Баузе в год его смерти погибла в Московском пожаре²; однако Лисенко утверждает, что ее приобрел московский аптекарь Эйнброт (упоминается до 1818 года). Шуберт тоже говорит о распаде этой коллекции после смерти владельца. По словам Панснера, коллекцию русских монет у Ф. П. Аделунга (1768—1843) купила для Павловского дворца имп. Мария Федоровна.

Лисенко упоминает о продававшейся в Петербурге «с аукционного торгу у Тализьбе» около 1830 года большой коллекции иностранца Галлидея (повидимому, врача В. Галлидея, 1759—1825 годы); о коллекции англичанина коммерции советника Б. Крамера (1768—1843), коллекции московского доктора Гамира (1828 год), а также о перешедшей в собственность Я. Я. Рейхеля коллекции К. Е. Гейдеке³, бывшего некогда консулом в Генуе. Лисенко и Еремеев с уважением вспоминают о славившейся в свое время замечательной коллекции «охотника до голубей и нумизматики» купца Пфлуга (или Флюга). Две последние коллекции через собрание Я. Я. Рейхеля перешли к Эрмитажу. Сам Рейхель начал собирать русские монеты только около 1820 года и составил более чем за 20 лет превосходную коллекцию. Л. Панснер в начале 30-х годов XIX века и Лисенко упоминают восьмидесятилетнего петербургского педагога директора Петершуле И. Ф. (И. И.) фон Вейссе (1763—1840), «всю жизнь» собиравшего русские монеты. Вероятно, еще в XVIII веке началось собиранье коллекции упоминавшегося выше К. Ф. Шролля, который, по словам Лисенко, некоторые русские монеты своей коллекции приобретал за границей.

В 90-х годах вскоре же после приезда в Россию начал составление своей известной коллекции Ф. И. Круг (1764—1844). Разделяя интересы между своей коллекцией и Минцкабинетом Эрмитажа (с 1804 года), а затем Кунсткамеры, он вызвал многочисленные резкие замечания в записях Лисенко и даже скрытый укор в книжке очень сдержанного Панснера. Особенно возмущало собиравших запущенное состояние обеих государственных коллекций, причем академическая даже хранилась многие годы на квартире у Круга. Множество пересудов вызывала судьба находившейся также у Круга русской коллекции Н. П. Румянцева. После смерти Румянцева в 1826 году среди коллекционеров распространились слухи, что он будто бы лишь поручил Кругу упорядочить коллекцию для своего музея, а не подарил, как утверждал Круг.

Несколько страниц дневника Лисенко заполнено яростными филиппиками против Ф. И. Круга, а за одно и против его преемника по Эрмитажу К. Келлера. Лисенко выменивал у Круга редкие монеты, затем показывал их вице-президенту академии Дондукову-Корсакову, А. Н. Оленину и другим в доказательство приписываемых Кругу злоупотреблений. В 1835 году в издававшихся Академией «Петербургских ведомостях» была помещена статья о нумизматических собраниях, в которой при описании коллекции Круга был упомянут медный сестро-рецкий рубль, знакомый Лисенко по коллекции Н. П. Румянцева. Лисенко отправился к редактору «Ведомостей» Кеппену и изложил ему свою точку зрения. Лелея далеко идущие планы «мести» Кругу, Лисенко поместил на одной из подготовлявшихся им к изданию таблиц русских

¹ РБС, Кноппе — Кюхельбекер, Спб., 1903, стр. 451—452.

² РБС, т. II, Спб., 1900, стр. 595.

³ См. также Х. Д. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева, Спб., 1832, стр. IX.

монет¹, изображение купленной у Круга полуполушки 1700 года, сопровождаемое довольно двусмысленной надписью (табл. XIX).

Лисенко не дожид до того момента, когда превосходная коллекция Круга, которому он испортил немало крови, по завещанию вошла в состав Минцкабинета Академии.

Все более заметное место среди собирателей русских монет занимали с конца XVIII века купцы. Именно в этой среде возникло тщательное собиране русской медной монеты XVIII и начала XIX века с учетом значения вариантов штемпелей. В записках Лисенко упоминается с 1817 по 1838 год богатое собрание московского купца Александра Алексеевича Медынцева, позже купленное Погодиным, коллекции москвичей Шепелева (30-е годы), бывшего менялы, пристрастившегося к собиранию, Фирса Мироновича Садовникова (1815 год), ржевского именитого купа Немилова (с 1826 года), наезжавшего в Москву на аукционы из Торжка богатого купца Артемия Федоровича Вавулина-Дерябина (с 1828 года) и тульского ямщика И. Н. Шелепова (с 1818 года). Собрание Шелепова, разорившегося на ямском откупе, было распродано в Москве в 1828 году с молотка. В 1839 году упоминает Лисенко приезжего из Киева купца-охотника, который поставил на ноги всех петербургских «торгашей»-агентов, с целью добыть недостающие ему монеты. Известны коллекции москвичей И. Н. Царского (ум. 1853 год) и Щекина².

В упомянутом собрании Медынцева, перешедшем к Погодину, был какой-то загадочный экземпляр «Ярославля сребра»; до находки строгановского экземпляра (1838 год) — это был второй, ставший известным. В 1839 году А. Н. Оленин, рассматривая монету Медынцева, сломал ее надвое и выдал владельцу расписку в этом. Погодин несколько раз упоминает об этой монете в своих сочинениях—в ранних как о подлинной, позже — с усиливающимся оттенком сомнения³.

При поступлении погодинской коллекции в Эрмитаж хранитель Нуммерс упоминает о «Ярославле сребре» как об очень интересной, но, к сожалению, плохо сохранившейся монете. Начальник 1-го отделения Жиль в своем рапорте написал, что «оставлена в Эрмитаже монета с надписью «Ярославле серебро» ветхая и, к сожалению, разломанная на части, подлинность которой подлежит сомнению», поэтому в реестр принятых монет она не включается⁴. Ни в основном собрании Эрмитажа, ни в коллекции подделок подобной монеты, равно как и присланного Погодиным «свидетельства» Оленина нет и, вероятно, уже не было, когда И. И. Толстой работал над своей монографией в стенах Эрмитажа. В последний раз о ней упоминает Куник в 1860 году⁵. Между тем,

¹ В каталоге Лисенко и в его бумагах сохранились отгики четырех таблиц, гравированных в 1836 году Брейтгорном. Две из них изданы Н. А. Картавовым в «Журнале редкостей» (СПб., 1911, №№ 2, 3).

² Труды и летописи ОИДР, ч. VII, стр. 140—141, ч. VIII, стр. 27—28; Сборник материалов для истории Румянцевского музея, т. I, М., 1882, стр. 181.

³ М. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. III, М., 1846, стр. 287, примечание, стр. 542; Московитянин, 1852, август, кн. II, отд. VII, стр. 154; Биографич. словарь профессоров и преподавателей имп. Московского ун-та, ч. II, М., 1855, стр. 264 (автор статья Погодин); Исследования и т. д., т. VII, 1856, стр. 360 («едва ли он подлинный, судя по сравнению с вновь найденным»); Древняя русская история до монгольского ига, т. III, 1871, стр. 47 («но он казался мне подложным»).

⁴ Архив Эрмитажа, оп. 1, 1852, № 28, лл. 3, 44, 49.

⁵ А. А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I, и т. д. СПб., 1869, стр. 31.

повторные упоминания о «ветхости» монеты, время ее появления, когда русская нумизматика еще не была знакома с антикварным подделыванием, правильность начертания легенды АМИН, неполной на единственном экземпляре Мусина-Пушкина¹ и даже сама ломкость монеты заставляют думать, что монета была действительно интересной.

В Петербурге Лисенко знал И. П. Лаптева (1774—1838), из коллекции которого происходит подписная екатеринбургская рублевая «плата» 1725 года в собрании Эрмитажа² Лаптев купил коллекцию П. В. Лопухина (Лисенко), герцога Виртембергского и князя Вяземского (Сахаров). С 1809 по 1828 год Лисенко упоминает купца «охотника» Петра Ивановича Чернова, а с 1819 года Ивана Чернова.

Одним из купцов «охотников» первой половины XIX века был поистине неутомимый собиратель Софрон Андреевич Еремеев, создавший за свою жизнь несколько коллекций. Даря или продавая их в России, он решительно отказывался выпускать свои монеты за границу³.

В воспоминаниях Еремеев называет своим наставником в нумизматике в юные годы, то есть в самом начале XIX века, торговца-букиниста с Перинной линии Петербургского гостиного двора Е. С. Петрова, «который торговал сначала из выгод древностями, а потом пристрастился к ним, кончил с ними и свое благосостояние и свою жизнь»⁴.

О Петрове упоминает и Лисенко, который в 1828 году купил у него уникальную золотую медаль 1683 года, отчеканенную по приказу царевны Софьи для думного генерала А. Шепелева⁵. Когда П. П. Свинын разгласил о замечательном приобретении Лисенко, Петрову пришлось выдержать тяжбу с графиней Татищевой и Волковыми, которые перед тем продали ему на вес различные золотые вещи, полученные в наследство из имущества вельможи екатерининских времен Кушелева (вероятно, сенатора Е. А. Кушелева (1763—1826), в том числе и уникальную медаль.

Другим учителем Еремеева был А. В. Беляев, «старик летами, юноша по страсти; который после князя Щербатова . . . один из тогдашних любителей печатно говорил о русской нумизматике»⁶. «По его опытному указанию я научился, — говорит Еремеев, — разбирать старые монеты и отличать все оттенки чеканов»⁷. Г. И. Лисенко продолжает характеристику этого «старого охотника», собирателя еще екатерининских времен. В 1818 году семидесятилетний А. В. Беляев, «страдая бедностью и терпя в своей квартире стужу», не продал ни одной монеты, несмотря на на-

¹ Надо при этом напомнить толкования легенды, предполагавшиеся до находки вполне целого строгановского экземпляра — «Монета адна ногата» (Фелькнер), датз — 1048 год (Бекетов).

² Сохранилась расписка 1852 года «купецкой вдовы» Авдотьи Лаптевой в получении 335 рублей серебром от К. Ф. Шролля, с коллекцией которого плата поступила в Эрмитаж.

³ Лисенко рассказал в своих записках о невеселом приключении, выпавшем на долю Еремеева на почве его увлечения нумизматикой, о котором сам Еремеев промолчал. Будучи «комиссионером» Публичной библиотеки, Еремеев однажды доставил ей купленные у «торгошей» золотые боспорские монеты, которые оказались украденными из Эрмитажа. Комиссионер «подвергся хотя и малозрелному, но грабежу и аресту полицейскому». (Повидимому, в 1827 году. Архив Эрмитажа, оп. I, № 4, 1827).

⁴ С. А. Еремеев. Материалы для истории русской нумизматики, стр. 424.

⁵ Ю. Б. Иверсен. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, т. II, СПб., 1883, стр. 330—331.

⁶ В библиографических указателях литературы конца XVIII и начала XIX века не удалось обнаружить каких-либо сочинений А. В. Беляева.

⁷ С. А. Еремеев. Указатель сочинений, стр. 426.

стойчивые предложения. После смерти Беляева Еремеев купил у его наследников «весь подбор медных русских монет и пристрастился к различиям штемпелей» (Лисенко). Монеты Беляева, в конце концов, тоже попали в 1829 году в Эрмитаж: Еремеев в 1823 году подарил свою коллекцию русских монет Публичной библиотеке, а последняя через несколько лет передала ее Эрмитажу¹.

Лисенко сообщает, что петербургский купец-«барышник» М. Агеев купил в 1827 году у Еремеева за 11 тысяч рублей вновь составленную им коллекцию русских медных монет и, в свою очередь, пожертвовал ее в Публичную библиотеку. Вторая еремеевская коллекция, как и доставшаяся Рейхелю третья, также попала, в конце-концов, в Эрмитаж. Годом ранее Агеев купил коллекцию западноевропейских монет (талеров) у Лисенко и принес ее в дар Дерптскому университету.

С особенно глубоким уважением вспоминает Еремеев близкого друга Беляева, «охотника» Ивана Афанасьевича Головлева, коллекция которого, по отзывам Еремеева и Лисенко, отличалась превосходной сохранностью монет. Лисенко также близко знал Головлева, умершего в глубокой старости в 1821 году, и называет его своим наставником по нумизматике. Со слов Головлева, который участвовал еще в прусской кампании при фельдмаршале П. С. Салтыкове, Лисенко записал рассказ о том, как в царствование Екатерины комиссионеры прусского правительства, не останавливаясь перед ценой, скупали в России русско-прусские монеты Елизаветы и особенно охотились за солдатскими медалями «За победу над пруссаками при Франкфурте на Одере». Коллекция Головлева поредела в 1812 году, когда он многое из нее продал, «дабы на случай приближения к Петербургу французов, мог бы иметь средство удалиться с семейством из сей столицы» (Лисенко). Сын Головлева П. И. Головлев унаследовал вместе с коллекцией увлечение отца русскими монетами.

Нашествие Наполеона в 1812 году нанесло тяжелый ущерб ряду русских частных коллекций, особенно московских. Лисенко записал в своем дневнике, что, готовясь в 1812 году к отъезду, он обратил в серебро на монетном дворе тяжеловесные западные медали, а на русских монетах выбил маленьким штемпельком свой вензель «с теми мыслями, что если бы . . . и принужден был выпустить свои монеты на крайние надобности, то утешался и тем, что я их после узнаю». В собрании Эрмитажа имеется несколько рублевиков и полтин XVIII века с надчеканкой лисенковского штемпеля. Несколько десятков надчеканенных талеров Лисенко продал менялам; впоследствии несколько штук вернулись к нему в коллекцию (позже проданную Агееву для Дерптского университета).

Количество имен собирателей могло бы быть умножено. Но и названных здесь достаточно, чтобы признать, что во второй половине XVIII и начале XIX века собирание русских монет имело уже очень широкое распространение отнюдь не только в светском обществе. В русскую нумизматическую научную литературу, возникшую в конце XVIII века, разночинец, повидимому, купеческого происхождения, вошел рядом с дворянином: в 1780 и 1781 годах печатался частями «Опыт о древних российских монетах» князя М. М. Щербатова², а в 1781 году вышел пер-

¹ С. А. Еремеев. Указатель сочинений, стр. 430; Л. Пансер, Указатель сочинений. Описание пожертвованной Еремеевым коллекции — в Отделе рукописей ГПБ фонд А. Н. Оленина.

² Академические известия на 1780 г., ч. VI, СПб., стр. 291—351, и 445—474, 1781 г., ч. VII, стр. 32—48, 134—171, 304—318, 433—442; ч. VIII, стр. 566—581, 698—713 и 825—842.

вый том «Исторического описания российской коммерции» М. Д. Чулкова¹, включавший в себя специальный раздел об истории русских денег.

Еремеев отмечает происшедшую в XIX веке перемену во вкусах нумизматов. «Старые собиратели, — говорит он, — заботились всего более о монетах удельных князей; нынешние хлопочут более о монетах XVIII века»².

Недостаток нумизматической литературы поднимал роль «устной традиции» и личного общения собирателей, не говоря уже о неизбежных в этом мире менах и торговле. Общие интересы сближали даже людей различного общественного положения; складывались местные кружки собирателей в Петербурге, Москве, а затем и в других городах, — со своими вожаками, признанными авторитетами, завязывались нумизматические связи между двумя столицами. Лишь во втором десятилетии XIX века в периодической литературе появляются статьи нумизматического содержания, в том числе и провинциальных авторов-собирателей.

Общение собирателей было тем более необходимо, что имевшиеся немногочисленные общественные и государственные коллекции были почти недоступны для ознакомления. Выше говорилось, что поступившие в Публичную библиотеку две коллекции, не будучи развернутыми там, были переданы в Эрмитаж. Русская коллекция в Эрмитаже начала образовываться в конце XVIII века. Ф. И. Круг в 1804 году застал в Эрмитаже уже сложившуюся коллекцию³, которая довольно регулярно пополнялась. Однако после эвакуации 1812 года в течение многих лет она оставалась, как указывает еще в 30-х годах Пансер, «нерасставленной», а переданные из Публичной библиотеки в 1829 году монеты также долго оставались нераспакованными. В не менее печальном положении оказалась коллекция русских монет Кунсткамеры. Если в XVIII веке она еще была доступна для обозрения, то вскоре после издания О. П. Беляевым ее описания в 1800 году она стала вовсе недоступной.

В 20-х годах отчасти при участии Пансера возникло несколько небольших коллекций при петербургских учебных заведениях — при Горном кадетском корпусе — около 1823 года, в Коммерческом училище с 1827 года и в учебном заведении Воспитательного дома — с 1820 года. Университетскую коллекцию Пансер называет очень маленькой. Сахаров пополняет этот список (данные на 1837 год) коллекциями Института восточных языков и Румянцевского музеума.

В 1827 году по инициативе хранителя Эрмитажного Минцкабинета К. Келлера Министерство народного просвещения предложило всем учебным заведениям и научным учреждениям доставить в Эрмитаж для ознакомления описи имеющихся у них нумизматических коллекций. Наименьшие «коллекции» . . . из одного и двух предметов оказались в Датновской гимназии и в Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине. Описи поступали с 1827 по 1834 год из Ришельевского лицея (античные монеты) Ярославского Демидовского училища высших наук,

¹ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 1. СПб., 1781, в главе «О товарах, о монете и заводах, бывших в России в древние времена вообще», стр. 114—122. Особая глава «О монете» в 4-й книге VI тома (М., 1786, стр. 324—428) является политико-экономическим рассуждением о деньгах, однако представляет определенный интерес для истории денежного дела, так как в ней находится первая сводка русских законодательных актов XVIII века о монете (стр. 374—428).

² С. А. Еремеев. Цит. соч., стр. 430.

³ Архив Эрмитажа позволяет проследить историю нумизматической коллекции лишь с 1804 года.

университетов Виленского, Петербургского, Дерптского, Московского (печатный каталог)¹ и Харьковского, из ряда гимназий и поветовых училищ — из Курска, Умани, Хвалынска, Теофильполя, Белостока, Калуги, Олонца, Рязани, Орла, Свислочи и других городов. Огромная опись по частям была прислана Волынским лицеем. Академия наук доставила печатный каталог и опись поступившей в Минцкабинет коллекции графа П. К. Сухтелена, Академия художеств — каталог медалей, а Публичная библиотека после нескольких напоминаний предпочла отдать Эрмитажу самое коллекцию².

Из переписки (описи были возвращены) видно, что наибольшее внимание Келлера привлекли монеты большой и богатой коллекции Московского университета³ и Волынского лицея (4 части каталога — древние монеты, 4 — монеты нового времени и 1 — медали пап)⁴. Келлер взял на заметку ряд золотых русских монет XVII века в Москве, талер Лжедмитрия и рубль Алексея Михайловича в Волынском лицее, такой же рубль в Вильне и другие монеты⁵.

К началу XIX века вполне сложился в Петербурге и Москве нумизматический антикварный рынок. По словам Панснера, обычными поставщиками старинных монет были кассиры и особенно инвалиды — счетчики монеты в казначействах и других учреждениях, имевших дело с большими массами монеты. Собиратели получали иногда возможность выбирать старинные монеты на Монетном дворе среди присылаемого в переплавку металла. Заметную роль в обслуживании нумизматов стали играть менялы, лавки которых были необходимой принадлежностью деловой жизни в XVIII — начале XIX века. Некоторые из менял сделали своей второй профессией торговлю старинными монетами. Московские «торгаши», как окрестили их «охотники»-собиратели, выезжали за добычей в провинцию и особенно энергично охотились за кладями, наезжали в Петербург и обходили собирателей со своим товаром, принимали заказы на высылку по почте недостающих монет и всегда были готовы устроить комиссию-перепродажу. Лисенко называет с десяток антикварных лавок, в которых всегда были монеты, — в Петербурге и в Москве. Ряд из них существовал уже около 1810—1812 годов. В Москве Лисенко особенно выделял находившуюся против университета лавку Егора Осиповича Шухова, члена-корреспондента Общества истории и древностей (упоминается с 1817 по 1840 год) и «славный антикварный магазин старика Лухманова». Некоторые из «торгашей» сами становились коллекционерами, другие ожидали возможности заняться подделыванием старинных монет. Выход в свет книги Черткова окрылил «российских беккеров». Почтенный Шухов продал Лисенко золотую можайскую денгу (!), а сын Шухова Егорушка успешно всучил сразу две золотые денги Василия Дмитриевича!

¹ Список медалей и монет, находящихся в Минцкабинете имп. Московского университета, составленный 1826 года.

² Архив Эрмитажа, оп. 1, 1827, № 15, лл. 1—34.

³ В 1826 году коллекция состояла из 3731 предмета (Иконников, указ. соч., стр. 919).

⁴ Автор каталога — польский историк епископ Альбертранди. См. В. Б. Антонович. Нумизматический кабинет университета св. Владимира (оттиск из сб. Записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях университета св. Владимира, без года).

⁵ Часть коллекции Волынского (Кременецкого) лицея перешла в 1835 году в основанный тогда Минцкабинет Киевского университета, а в 1837 году туда же поступила вся коллекция (19 939 экз.) вместе с Минцкабинетом Виленского университета (более 2000 экз.). В 1839 году к этому добавилась маленькая коллекция Луцкой гимназии и Уманского уездного училища (см. там же).

Записки Лисенко, Еремеева и Панснера рисуют живую картину деятельности антикваров-«торгашей» в начале XIX века. Есть все основания полагать, что они появились еще в XVIII веке, хотя для последнего мы не располагаем материалами этого рода, если не считать оценок и упоминаний в каталоге Остермана.

Своеобразным свидетельством потребности в коллекционных экземплярах монет является происходящая в последней четверти XVIII века чеканка на Петербургском монетном дворе новыми штемпелями поддельных старинных монет — рублевиков и четвертин Алексея Михайловича, ефимков и ряда типов других монет XVII и XVI веков, вплоть до серебряных копеечек, некоторых монет Петра I и других¹.

Лисенко, сообщивший в своих записках о производстве подделок на Монетном дворе, рассказывает также, что некоторые мастерские Монетного двора умудрялись тайком чеканить на медальных прессах старыми штемпелями предметы, которые пользовались особым спросом, и выносить их, несмотря на все строгости. К такого рода нелегальной продукции, между прочим, относились «пугачевские рубли»² отчеканенные на рублевых кружках штемпелями сестрорецкого медного рубля 1771 года, на которых, как известно, имя Екатерины не было помещено. Возможно, таково же происхождение изредка встречающихся кружков, отчеканенных двумя лицевыми штемпелями рублевиков — Петра III и Екатерины II.

Не вызывавшее каких-либо сомнений пополнение коллекций заведомо новодельными монетами — весьма характерное явление для нумизматики XVIII века. Именно с этого времени новодельная монета заняла прочное место в нашем собирательстве, создавая немало трудностей.

Состояние ранней нумизматической литературы дочертковского времени свидетельствует о своеобразном кризисе, в который русская нумизматика вступила в последней четверти XVIII века.

ОДИН ИЗ СОБИРАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XIX ВЕКА И СУДЬБА ЕГО КОЛЛЕКЦИИ

Григорий Иванович Лисенко родился в 1784 году на Украине³. В 1803 году 19-летний Лисенко приехал в Петербург искать работу и через земляков устроился в Военное министерство, а в 1806 году перешел в канцелярию Монетного двора. В 1817—1818 годах, во время командировки в Москву, служил уже в Государственной канцелярии, но, возвратясь в Петербург, повидимому, снова оказался на Монетном дворе. Еще позже местом службы он называет Министерство народного просвещения⁴. Лисенко и его коллекция часто упоминались в нумизматической литературе, в журналах и газетах первой половины XIX века.

Собирать монеты Лисенко начал с 1809 года. Сперва подбирал только серебряные, а с 1819 года и медные русские монеты, не отказываясь и от иностранных, но с последними легко расставался. Постепенно

¹ См. в к. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Екатерины II, т. I, СПб., 1894, стр. 196 — Чеканка в 1776 году двух коллекций «древней и нынешней российской золотой, серебряной и медной монеты» для генерал-прокурора А. А. Вяземского.

² См. Нум. сб. III, стр. 330.

³ В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник. т. III, Киев, 1912, стр. 139.

⁴ По словам Лисенко, в 30-х годах, когда готовилось издание Свода законов, по его письменному предложению была введена в русский шрифт буква «Т» нового письма. Обычно это приписывается издателю Плюшару.

эта собирательская страсть захватила Лисенко и стала главным содержанием всей его жизни. Он менял, покупал и продавал монеты, отдавал за них документы XVII века из фамильного архива (Ф. А. Толстому), рылся в старой монете на Монетном дворе и в лавках у знакомых купцов, неутомимо искал «охотников» и старые монеты во время частых поездок по служебным и личным делам в Москву и многие другие города.

В Петербурге у Лисенко завелся обширный круг знакомств с собирателями и учеными. Тесная дружба установилась с Головлевыми, А. В. Беляевым и Черновым. В их кружке Лисенко встречался с Рейхелем, которого уважал, но недолюбливал, а позже и возненавидел за отношение к вопросу о древнейших русских монетах, а еще более за разоблачение подделок, которыми часто обводился легковерный Лисенко. Рейхель начал трудовую жизнь у монетного пресса и хорошо разбирался в технике. Х. Д. Френ, напротив, вызывал у Лисенко чувство восторженного преклонения. Ученый терпеливо определял сотни приносимых ему монет и добродушно мирился даже с тем, что Лисенко не желает признавать те или другие определения: джучидские монеты с двуглавыми орлами Лисенко упорно считал русскими, а даты на русско-татарских монетах—датами их выпуска. С учеными нумизматами-ориенталистами И. А. Бартоломеем и М. И. Баратаевым Лисенко был в дружеских отношениях.

В Москве Лисенко посещал графа С. Г. Строганова, нередко доставлял ему монеты и в 1839 году однажды принимал его у себя в Петербурге; был знаком и с Н. П. Румянцевым, встречался с А. Д. Чертковым, М. Т. Каченовским, бывал у М. П. Погодина и Н. Г. Головина. Лисенко вел обширную переписку с Шодуаром, Погодиным и многими другими. В каталоге находится, между прочим, интересная выписка из письма митрополита Евгения¹.

Уже в начале 20-х годов у Лисенко зародилось желание печататься. Некоторые из сохранившихся его статей—«К деньгам удела Ярославского», «К пулу переяславскому», «О куне», «О начале монет Великого Новгорода»² и др.—побывали в редакции у Погодина, но безрезультатно, что и не удивительно. Очень ранними образцами русской литографии являются пробные оттиски нумизматических таблиц³ Лисенко, сделанные «с дозволения высшего начальства» в литографическом заведении Главного штаба в 1820 году. Мысль о печатании не оставляла Лисенко и позже, когда в 1834 году он начинает заново перерабатывать и переписывать свой каталог⁴. В эти годы он заказывает А. Брейтгорну гравировать пробные 4 таблицы монет.

Свой каталог Лисенко стал рассматривать как «завет предков к потомству». Неоднократно он прочувствованно обращается к будущему читателю: «Что сказано мною . . . не должен добросовестный творец русской нумизматики, обыкновенной человеческой ленью оставлять моего внимания и соображения без совершенного удостоверения в противном, вспоминая находящееся в Духовном регламенте Петра I изречение: Проклят всякий, творяй дело божие с небрежением во всяком

¹ «О первоначальных наших монетах я думаю, что их не много бито, потому что у нас своего серебра тогда еще не было и их можно почитать только пробамми. Летописи наши о них не упоминают и говорят только об иностранных». 8 мая 1836 года. (Каталог т. III, п. 216. См. И. И. Толстой. Указ соч., стр. 135).

² Отд. рукописей ГПБ, архив Дестуниса, № 15/в.

³ В тетради «О русских медалях и прочих». Эрмитаж.

⁴ Черновики в Отд. рукописей ГПБ, архив Дестуниса, № 15/в.

деле» (1837. 4. XII). Несмотря на такие серьезные предостережения, приходится сказать, что писания Лисенко оставляют очень тягостное впечатление. Множество допетровских монет, начиная от «кун XIII столетия», подробнейшим образом «изъяснено» — совершенно в духе Щербатова или Мальгина. «Изъяснялось» все, вплоть до породы лошадей, изображенных на копеечках XVII века, или сорта баранок . . . высмотренных на новгородских монетах.

В полной мере сохраняют свою ценность записки Лисенко как хроника русской нумизматики первой половины XIX века. В частности, он перечисляет около десятка неизвестных в литературе кладов.

В середине 30-х годов Лисенко оставляет службу и полностью отдается работе над каталогом. Доходов с деревни не хватает, и он начинает жить в долг, занимает деньги под проценты, уверенный в огромной ценности своей коллекции. Последние годы жизни Лисенко были отравлены тяжелыми переживаниями. В 1837 году, приехав в Москву, Лисенко приобрел у сына «торгаша» Е. О. Шухова Егорушки «златницу» Василия Дмитриевича. По словам Егорушки, монета происходила из клада, только что открытого в Верее. Безмерно счастливый Лисенко тотчас доставил драгоценность Строганову, который принял монету для своей коллекции. Вторую «златницу» Лисенко получил от Егорушки для себя на следующий день, когда Строганов уже успел убедиться в приобретении подделки. Тем временем торгаш-фальсификатор В. Зайцевский¹, несомненный участник аферы, обходил собирателей, сообщая по секрету, что Лисенко привез сбывать фальшивые монеты. Строганов слухам не поверил и сохранил отношения с Лисенко и даже отказался вернуть монету и взять деньги. Самым тяжелым ударом для Лисенко был отказ Френа продолжать знакомство.

Записки Лисенко после 1837 года наполнены жалобами на Рейхеля, которого Лисенко винил во всем: и в распространении слуха, и в «сблужении» Френа, и в нежелании признать злополучную златницу «подлинной». В 1839 году Лисенко, снова приехав в Москву, прочел о своей златнице в «книжонке» Черткова («большую глупость издателя, коварство Рейхеля и ошибку Френа»)². Чертков, к которому Лисенко дважды приходил, не принял его и не ответил на письмо. В статье «к златнице в. кн. Василия Дмитриевича» Лисенко изложил всю печальную историю и страстно доказывал подлинность монеты. В мае 1842 года Лисенко, болевший девятый месяц, находился еще в Петербурге³, 29 августа 1842 года в усадьбе своего родственника С. Д. Львова близ Торжка подписал составленное заранее завещание, а на другой день умер.

Завещание на 6 листах посвящено главным образом коллекции. Трем душеприказчикам — Н. И. Лисенко, И. И. Домонтовичу и А. О. Орефовичу поручалось только ликвидировать скромные пожитки Лисенко⁴, оформить вольные двум находившимся в Петербурге дво-

¹ Имя не названного Ф. Г. Гагариным (Записки СПб. Археолого-Нумизматического общества, т. I, стр. 151—152) фальсификатора, которого разоблачил С. Г. Строганов, открывается находящейся в Эрмитажной коллекции подделок «монетой», происходящей из Строгановского собрания. Она сделана способом травления из расплюсченной новой монеты, на ней изображены корявый крест и надпись «ПУ-ЛО-ТУ-РОВСК» на одной стороне и надпись «печать Василия Зайцевскаго» — на другой. Торгаш Зайцевский, державший в Москве «меновую лавку», десятки раз упомянут в каталоге Лисенко, начиная с 1828 года.

² Прибавление II, стр. 29—40.

³ Журнал редкостей. СПб., 1911, № 3, стр. 34

⁴ В завещании деревня уже не упоминается.

вым людям, раздать несколько подарков, да отправить в библиотеку Нежинского лицея запечатанный пакет, в котором находились «тетради значительные и книга с мнениями».

Забота о коллекции была целиком возложена на «истинного друга» Спиридона Юрьевича Дестуниса. Ему поручалось принять к себе монеты из квартиры Лисенко и от В. П. Стасова, которому Лисенко, уезжая, оставил наиболее ценную часть коллекции, а также и «тетради, в коих почти все изображено и подробно описано, составляя тем одно целое собрание, какового по точному разбору и изысканиям, ближайшим к истории, никогда еще не было — истина!» Дестунис должен был прежде всего предложить коллекцию, хотя бы за половинную сумму—30 000 рублей ассигнациями, царю¹, если сделка не состоится, предложить Строганову для Московского или Петербургского университетов, затем графине О. А. Орловой, которая, как оказывается, однажды рассматривала несколько тетрадей каталога Лисенко, и, наконец, опубликовать о продаже в газетах.

На самый крайний случай Дестунис должен был послать каталог в английское общество Numismatic Society. «Благоразумное общество Англии, рассмотрев важность всего, ему предлагаемого, верно назначит хорошую цену . . . Но боже мой! Да останутся труды мои в России!»—воскликает Лисенко.

Продажа коллекции частями не допускалась, равно как и уменьшение назначенной цены. Продав коллекцию, Дестунис должен был уплатить все долги Лисенко, а остаток денег препроводить в Черниговский приказ Общественного призрения для раздачи многочисленным бедным родственникам завещателя². Кредиторами Лисенко были В. П. Стасов, у которого в 1836 году было взято 3000 рублей ассигнациями и в 1841 году 700 рублей серебром, и охтенский поселянин Семен Степанов Тарасов³. По двум заемным письмам Лисенко остался ему должен с процентами на 1850 год 2287 рублей 14 коп. (серебром). В. П. Стасов совершенно не беспокоил душеприказчиков и удовольствовался посланным ему процентами за 1843 год, на уплату которых едва хватило денег от распродажи обстановки и вещей покойного⁴. Тарасов своего терять не собирался.

Коллекция доставила С. Ю. Дестунису много забот, закончившихся для него только с его смертью в 1848 году. Министерство двора после рассмотрения каталога в Эрмитаже отказалось от покупки коллекции и предложило 228 рублей серебром за шепелевскую медаль и две монеты XVIII века⁵. Строганов довольно нерешительно предложил 12—15 тысяч ассигнациями, имея в виду передать коллекцию Обществу истории и древностей⁶. За графиню Орлову ответил отказом ее супруг А. Ф. Орлов⁷. «Благоразумное общество Англии» вовсе не откликнулось на письмо Дестуниса; не помогли и публикации, печатавшиеся в Поли-

¹ В 1817 году в Москве Николай I, тогда еще наследник престола, случайно узнал о коллекции Лисенко и заинтересовался ею; Лисенко был вызван к сопровождавшему Николая приближенному для расспросов.

² Отдел рукописей ГПБ, Архив Дестуниса 15/а, № 1.

³ В 30-х годах «человек» Лисенко Г. Мазоватый—столяр-краснодеревец работал у охтенского подрядчика С. А. Тарасова на поделке паркетов для Зимнего дворца (см. Журнал редкостей, 1911, № 3, стр. 34).

⁴ Отдел рукописей ГПБ, Архив Дестуниса, 15/а, №№ 3, 4, 5, 15 и др.

⁵ Там же №№ 11, 13, 22; Архив Эрмитажа, ф. II, оп. 1, 1843—1845, № 21.

⁶ Отдел рукописей ГПБ, Архив Дестуниса, № 15/а, №№ 19—21 19/IX 1844 г.

⁷ Там же, № 17, 4 сентября 1844 г.

дейских ведомостях за сентябрь 1843 года¹. В отзыве Эрмитажа и в письме Строганова отмечается пристрастие Лисенко к подделкам и сомнительная репутация его коллекции. Незадолго до смерти Дестунису уже пришлось объясняться с полицией, через которую действовал Тарасов².

Оставшиеся в живых душеприказчики, ссылаясь на завещание, наотрез отказались заниматься коллекцией. Завота о ней свалилась на молодого Г. С. Дестуниса. Тарасов действовал все энергичнее, и Дестуниса то вызывали в полицию, то полицейский пристав безуспешно трудился над описью монет на квартире Дестуниса; в 1849 году каталоги были препровождены полицией на заключение к академику Устрялову, который оценил монеты в 2—3 тысячи рублей. . . . Наконец, в октябре 1852 года запечатанный Дестунисом сундук с монетами увезли поближе к Тарасову — в Охтенскую часть. Последние документы датированы концом 1853 года. По решению 4-го департамента Сената коллекция и каталоги были распроданы «с публичного торга для удовлетворения кредитора»³.

Коллекция перестала существовать, но все три тома каталога после почти столетних скитаний поступили в Публичную библиотеку и в Эрмитаж в 1927 и 1936 годах.

К сожалению, утерян след одной из лучших вещей коллекции Лисенко — уникальной золотой медали 1683 года думного генерала А. А. Шепелева, местонахождение которой было известно еще в 80-х годах XIX века⁴.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ В РУССКОЙ НУМИЗМАТИКЕ В КОНЦЕ XVIII И В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Первой и весьма нелегкой попыткой выйти за рамки нумизматической систематизации и дать связный обзор истории денег в России были упомянутые выше статьи М. М. Щербатова и М. Д. Чулкова, законченные печатанием почти одновременно, в 1781 году. Обе они являются живым свидетельством хаотического состояния нумизматических знаний того времени, отражая также и особенности развития русской исторической науки в XVIII веке. Провозглашение в двух одновременно написанных работах ряда сходных положений обнаруживает, что оба автора во многих случаях излагали лишь давно сложившиеся общепринятые взгляды и мнения. В труде Щербатова отражено знакомство его с некоторыми западноевропейскими нумизматическими сочинениями (в особо торжественных случаях он ссылается на достижения и требования нумизматической науки), но нет решительно никаких указаний на то, что он сам был собирателем⁵. Основой для его сочинения явились вытребованный им из Петербурга список уже знакомого нам нового каталога русской коллекции Минцкабинета Кунсткамеры⁶, упоминания о деньгах и монетах в летописях и высказывания о том же иностранных

¹ Отдел рукописей ГПБ, Архив Дестуниса, № 15/а № 10.

² Там же, № 23.

³ Там же, № 15/б.

⁴ См. Ю. Б. Иверсен. Указ. соч., т. II, стр. 330—331.

⁵ См. Иконников. Указ. соч., стр. 1400.

⁶ Выразив «все надлежащее почтение к сочинителю», Щербатов, к сожалению, не назвал его имени.

авторов¹. Приходится признать, что Щербатов сделал немало, чтобы затемнить систематизационные идеи этого каталога.

Общей задачей Щербатова и Чулкова было уточнить летописные сведения о платежных средствах домонгольской Руси и установить время начала чеканки русских монет. Академический каталог не называл более ранних монет, чем времени Василия Дмитриевича, а летописи говорили о чеканке монет впервые только в 1400 году. Однако были еще монеты четырех «неизвестных» групп; они-то, по мысли Щербатова, и должны были стать древнейшими. Нужно было лишь найти способ их определения.

Чулков, не ссылаясь на конкретный материал, также относил начало чеканки русской монеты к значительно более раннему времени, чем указывалось летописями.

В русском образованном обществе давно уже существовал взращенный чтением и толкованием летописей круг представлений об особых платежных средствах древнего, домонгольского времени. Некоторые сведения излагались западными историками, опиравшимися отчасти на польские источники, отчасти на сочинения иноземцев о России. Обоим писателям нужно было избрать среди расплывчатых и нечетких, а порой и противоречивых ходячих представлений, по их мнению, наиболее достоверные и связать их с возникновением чеканки монет.

Щербатов обращается прежде всего к вопросу о весовом серебре и золоте в древней Руси. Перебрав несколько гипотез относительно гривны, он приходит к заключению, что она не монета и даже не счетная величина, а только вес. Точно так же и з л а т н и ц а — только вес определенного количества золота. Позже место веса гривны занимает вес рубля. Однако рубль уже не только вес, но и «означенный известным числом рубешков кусок металла». Щербатов признает неудовлетворительным свое прежнее мнение о происхождении названия «рубль» от слова «руби» и видит причину названия в з а р у б к а х, которые наносились на слитки². Каких-либо слитков ни Щербатов, ни Чулков, повидимому, еще не знали. Указанное обоими третье значение слова «рубль» — счетно-денежное.

Чулков тоже считает древнюю гривну только весовой единицей, но отмечает превращение ее в позднейшее счетно-денежное понятие. Им, между прочим, отмечено различие между московской и новгородской гривной XV—XVI веков (20 и 14 денег). Относительно рубля Чулков, кроме того, излагает и свои соображения о приемах народного счета на палках-бирках³.

До денег, которые считались на рубли, существовали, по словам Щербатова, другие платежные средства — к у н ы, то есть ценные меха. Для мелочных же расчетов служили н а г о т ы (ноготы. — И. С.),

¹ Эти же источники использованы и Чулковым, который, как и Щербатов, собирателем не был и непосредственно к монетам не обращался. Даже описывая форму старинных монет, он пересказывает иностранного автора. Каталог Кунсткамеры Чулкову известен не был.

² Такую перемену вызвало, по всей вероятности, даже не непосредственное знакомство с какими-то слитками, а сочинение Страленберга, ссылка на которого приведена только Чулковым. Страленберг излагает оба толкования смысла слова (см. P. I. Stralenberg. Nord-und östlicher Theil von Europa und Asien, Стокгольм, 1730).

³ «Прежде россияне, не имея сей крупной монеты, кроме одних копеек, всегда, когда оных начнут до ста, делали рубежи . . . зарубки на палках для знаку, сколько начтено сотен копейками, отчего после и звание рубль произошло, что по окрестностям не невероятно. Понеже и ныне по всей России безграмотные люди при многочисленном счете всегда делают зарубки на палках и сотню означают крестом» (см. Чулков. Указ. соч., стр. 117).

куньи мордки, а позже бельи лобки. Наготы были либо самыми малоценными мехами, которые по сравнению с дорогими «яко наго суть» (от «нагости» — бедности), либо только части шкур пушного зверя, например, лапки (от «ноготь»). Куньи мордки отрезывались от шкур и «может быть, — замечает Щербатов, — клейлены были».

В 1411 году в Новгороде куньи мордки заменяются белыми лобками, «которые, конечно, дороже стоили и труднее было делать, нежели мордки». Вопросы о системе «кунных» ценностей Щербатов не касается и переходит прямо к монетам. Согласно летописям, в 1420 году в Новгороде чеканятся заменившие куны и кожаные «ассигнации» первые серебряные монеты. То же происходит в Пскове; как показывает (Щербатову) академический каталог, около этого же времени чеканятся монеты и в Москве. Но чеканка монет началась все же раньше.

Чулков называет более широкий круг платежных единиц: «Древняя монета называлась резан, боран, ногата, долгея, скура, или кожаные деньги». «Вместо мелких денег ходили малые звериные кожи . . . или части оных, яко лоб и ухо, как то название нынешнее полушек довольно уверяет». До начала чеканки монет «как в Новгороде, так и во всей России обыкновенно устанавливали цену товарам «по кунным козам или мехам, или по частицам оных, кои назывались мортки». Появление лоскутов-«ассигнаций» Чулков объясняет необходимостью высвобождения ценных мехов для вывоза их за границу¹.

Чулков пытается наметить связь между древними «кожаными деньгами» и известными ему по указу 1700 года «кожаными жеребьями» раннего петровского времени. Прямые предпосылки «возрождения» кожаных денег Чулков находит в расстройстве денежного обращения в 50—60-х годах XVII века.

Чулков придавал большее значение, чем Щербатов, обращению иностранной монеты в России, однако мог связывать это явление лишь с началом «великого купечества с Анзейскими городами». Несмотря на свидетельство летописей, Чулков относил начало чеканки монет в Новгороде ко времени около 1400 года, а в Москве и Твери еще раньше².

Чулков старается доказать, что слово «деньга» пришло в Россию ранее татар из древней Персии через Волгар, торговавших с персиянами и индийцами³. Останавливается он на возникновении нового понятия «деньги» «для всякого рода монет».

Чулков не пытается установить тип древних монет. Этим вопросом очень обстоятельно занялся Щербатов. Здесь выступают на сцену «незнаемые» монеты. Оказывается, что чеканка русских монет из русского серебра началась и длительно производилась в Орде — специально для уплаты дани, или просто для уплаты даров татарам, причем попутно выясняется, что татарам, собственно говоря, монеты были совершенно

¹ «Как кунниц стало мало, то начали употреблять вместо их лобки бельи, и сие разумелось вместо денег: ибо оными кунницами, так как и другими мехами исправлялась заморская коммерция и множество их отправляемо было из государства» (см Чулков, указ, соч., стр. 115).

² «Москва и Тверь имели прежде Нова-города свои деньги, кои введены были со времени татарского правления; ибо на оных была сперва одна татарская, потом на одной стороне татарская, а на другой российской и наконец одна только российская подпись. Но сии монеты деланы были только для платежа дани татарам, а походячая была особая» (см. Чулков, указ, соч., стр. 117—118).

³ Чулков, указ, соч., стр. 118.

ни к чему, а о существовании татарской (то есть джучидской) монеты упоминается лишь вскользь¹.

Высказав удивление, что «столь нужная вещь, будучи известна татарам и другим народам, не учинилась у Россиян» ранее начала XV века, Щербатов объясняет, что татары запрещали изготовление и обращение монеты на Руси, и последнее стало возможным вопреки воле татар лишь с ослаблением их власти. Отчеканенные в Орде монеты были чем-то вроде бородовых знаков, так как для русских являлись лишь свидетельством об уплате дани, остававшимся, однако, в Орде. Неблагодарная задача доказать это положение стояла перед Щербатовым в главе под названием «Рассмотрение о разных знаках, каковыя на российской монете употреблялись».

Сославшись на авторитет писателей «о нумистической науке», Щербатов объясняет, что как на античных «медалях», «равным образом и у россиан, хотя первая монета делалась для купли и продажи, однако на ней знаки каковых достопамятных приключений были изображены»². Решительно признав «незнаемые» монеты, описанные в каталоге раньше «знаемых», наиболее древними, Щербатов излагает пять правил для объяснения значения всех вообще древних русских монет.

I. Изображения бывают: 1) простые, — как, например, на новгородских монетах, где изображен не князь, а «посадник или какой судья»; 2) символические, свидетельствующие о подвигах и прочем. В качестве примера названы монеты с изображением Самсона и с изображением человека, «который дрова колет». Последнее должно обозначать бесчестие.

II. В изображениях животных скрыта разгадка назначения монеты: они соответствуют годам «сикули татарской» и, таким образом, обозначают, за какой именно год была уплачена дань. Так, например, изображение «бараньей головы с рогами» (рязанская тамга — И. С.), датирует монету восьмым годом «сикули». Монета, на которой изображен «барс со щенком», свидетельствует об уплате дани с некоторым превышением. Если же, как Щербатов допускает, был изображен не молодой барс, а щенок собачьей породы, то «младость пса» скорее обозначает уплату дани только за часть года . . . Если дань платилась с запозданием, за два года сразу, то изображали два знака «сикули», например, мышь и петуха³.

¹ Подробно разбирая все классы «незнаемых», Щербатов находит неотразимые доказательства своей правоты. «Не токмо многие знаки и подписи татарские свидетельствуют, но на единой, хранимой в . . . Минцкабинете в классе «незнаемых» с подписью татарской и российской № 11 точно изображено печать княжая в Орде, что ясно доказует о месте, где она была бита, и вторая № 15, на которой по-татарски подписано Султан Кая Хан, также ясно свидетельствует, что была в дань татарам сделана» (см. Академические известия 1780 г., ч. VI, стр. 339). Имена Ивана Ивановича (которого Щербатов считает, конечно, московским) и Дмитрия на некоторых монетах «незнаемых» лишь утверждают Щербатова в его мнении.

² Попутно высказывается предположение, что «в рассуждении грубости их и малого просвещения россиян, а паче во иконологической науке», сочинителями изображений были . . . приезжие греки. Впрочем, «большая часть сих изображений были толь прсты, что и самый естественный разум к сочинению их доводил» (см. Академические известия 1780 г., ч. VI, стр. 342, 343).

³ Щербатов обнадёживает читателей, что он не задержится с разработкой верного способа соподчинения «сикули» и русского летосчисления, и даже приводит один расчет, но настолько запутанный и непонятный, что, пожалуй, и сам был несколько озадачен результатом. Отметим, что для полноты на монетах недостает только изображения зайца, крокодила и обезьяны, он не исключает возможности, что цикл у татар был особенный. Что касается неподходящих для «сикули» разных баснословных животных, вроде гарпии, то их надлежит отнести к символическим изображениям.

III. Отсутствие надписи на монетах скорее всего просто определяют ее как наиболее древнюю, потому что татары сначала просто не догадывались потребовать помещения надписи. Верный обыкновению предлагать одновременно совершенно противоположные решения одного и того же вопроса, Щербатов и здесь указывает, что, начав освобождаться, русские тоже могли рассудить, что надписей на монетах уже можно не делать. Что касается надписей только татарских, татарско-русских и только русских, то они «показывают разные времена».

IV. Литеры на монетах являются сокращениями. Так, например, «С» на одной из новгородских монет означает «София», буквы «Кн» — «князь новгородский» в одном случае, «князь нижегородский» — в другом. Кроме того, буквы могут соответствовать именам мастеров.

V. Наконец, точки на монетах обозначают годы выпуска, когда поставлены вместе, и достоинство монеты, когда стоят порознь. Последнее, по замечанию Щербатова, подтверждается обычаем, существовавшим в монетном деле XVIII века¹. Если же на сходных монетах разного веса окажется одинаковое число точек, значит, чеканились они в разные времена и вес денег успел измениться.

Все следующие главы сочинения Щербатова соответствуют подразделениям каталога коллекции Минцкабинета².

Особенно увлекала Щербатова идея относительно значения изображений животных. Целые страницы заполнены пространнейшими рассуждениями за и против выдвигаемых объяснений. Отсутствие «датирующего» изображения дало повод установить, что монеты некоторых типов чеканились не как дань, а из серебра, приносимого в дар; немедленно же открывались «увлекательные» подробности³. Изображения на монетах с именем князей с легкостью необычайной приурочиваются к конкретным историческим событиям⁴. Так, одна из монет Василия Васильевича увековечивает победу над Улу-Мухаммедом в 1444 году. «Несчастное самолюбие, — замечает по этому поводу Щербатов, — ибо в следующем году он (князь) сам Улу-Махмудом пленен был».

¹ На многих медных монетах и с 60-х годов — на серебряных пятиалтынных и двугривенных.

² Исследование Щербатова является по сути комментированным изданием каталога русских монет Кунсткамеры, опередившим на два десятилетия Беляевское. Впрочем, публикация оборвалась на XVI главе (Монеты князей Тверских) в VII томе «Академических известий» в связи с их прекращением (рукопись Щербатова находится в отделе рукописей ГИИ, Эрмитажная опись № 126).

³ Одиночные головы на монетах были портретами ханов, парные изображения делались в честь ханских детей; изображение кентавра, сделанное по указанию просвещенных греков, которые, оказывается, разбирались не только в священных символах, но даже в «нюмастической» науке, показывало искусство татар в управлении конями. Самсон со львом обозначал победу над врагами внешними, а борьба со змеем — над внутренними и т. д.

⁴ Особенно увлекательно объяснил Щербатов одну монетную надпись, которой посвящена целая повесть. «Князь Федор Ростиславович Смоленский, разделяясь с братьями . . . получил весьма малый надел. Но вскоре душевные его дарования и само стечение обстоятельств возвели его на престол Ярославского княжения . . . путем женитьбы на осиротевшей княжне. Оставив жену, князь уезжает в Орду. Здесь он полюбился ханше, которая предложила ему руку своей дочери; будучи «довольно добродетелен», князь сохранил верность супруге. Возвратясь через три года домой, он узнает, что жена его умерла, родив ему сына; но злая теща «вооруженной рукой» не пускает князя в Ярославль, и ему приходится «не хотя против тещи воевать», возвратиться в Орду, где он и женится. В память его приключений отчеканены монеты, на которых теща изображена сидящей на стуле с мечом в руке и притом — «в ругательстве» — нагою. Другую сторону монеты украсила надпись: «Ростовка жена безумна. Монеты чеканили татарские мастера и надпись (точно приведенная в каталоге) получилась у них неважно (росто жана безу че). (см Академические известия, 1781 г., ч. VII, стр. 43 и сл.)».

Полное отсутствие изображений на монетах тоже давало повод для «открытий»; они чеканились в годы наибольшего угнетения Руси татарами. Даже медные пулы, которые, казалось бы, для дани никак уж не годились, не смущали Щербатова: либо татары, обогатясь серебром, почувствовали потребность в монете для «мелких счетов», либо «изнуренная Россия», не имея больше серебра, принуждена была платить медью, а татары сами находились в таких обстоятельствах, что и меди были рады.

Только в начале XV века («не прежде 1420 г.») начинается, по Щербатову, чеканка монет для обращения «внутри России». Это подтверждается отсутствием знака «сикули» и изображением Самсона на единственной описанной в каталоге монете Василия Дмитриевича: оно, конечно, не весьма приятно было татарам и московские монетчики поместили его, «льстя и угождая» князю, одержавшему в 1424 году победу над татарами.

Среди великого множества странных фантазий Щербатова только изредка встречается случайно правильная мысль — например, определение монет «неведомо какого» (в каталоге) князя Петра Дмитриевича, как удельного Дмитровского, или истолкование изображения на псковских монетах, как образ св. Довмонта. (Чулков насчет псковских монет, без обиняков, повторяет нелепые утверждения иностранных авторов, усмотревших там коронованную бычью голову)¹. Полагая, что священные изображения и изображения князей почти не помещались по той причине, что это было несовместимо с ношением монет в кармане, Щербатов открывает, что на некоторых монетах изображены иностранные государи, например, Алексей Комнин, и что изображение двуглавого орла со святым Георгием на щитке решил поместить на своих монетах только Гришка Расстрига².

В работе Чулкова нашли отражение некоторые ходячие представления того времени о древних монетах. Так, указывая на устойчивость типа изображения на новгородских монетах, он возражает против возможности усматривать здесь изображение, «прославившейся в следующие уже времена Марфы Посадницы»³. Утверждая, что на серебряных копейках изображен святой Георгий, убивающий змея, Чулков считает, что копейки выпущены впервые в ознаменование покорения царства Казанского⁴. Правильно отмечает Чулков появление царского титула в легендах монет Василия Ивановича, но неверно называет эти монеты «московками».

Сильно привлекала внимание Чулкова выдающаяся роль Новгорода и Пскова в развитии «коммерции», в связи с чем высказывается ряд соображений о наиболее раннем отказе новгородцев от «кожаных лобков», о том, что они совершенно не употребляли в торгах московских и татарских денег, «дабы не казалось, что они подвержены татарам». Привлекал его внимание вопрос о старинных монетных дворах. При Грозном было (в соответствии с иностранными источниками) четыре — в Москве, Новгороде, в Твери и в Пскове⁵. В 1569 году англичанам

¹ М. Чулков. Указ. соч., стр. 120.

² Следовательно, в полученном Щербатовым описке каталога пропавшая золотая монета Грозного уже описана не была.

³ По указанию Д. И. Прозоровского, позже некоторые собиратели считали монетами Марфы Посадницы хорошо известный тип треугольных морденок. (Каталог русским монетам, хранящимся в Музее Русского Археологического общества, СПб., 1865, стр. 88).

⁴ Чулков. Указ. соч., стр. 119.

⁵ Там же, стр. 120.

будто бы было позволено делать на русских монетных дворах «ефимки и другие малые деньги»¹.

О слабом знакомстве Чулкова с самими монетами говорит странное и даже противоречащее его прежним высказываниям утверждение о том, что под розой, изображенной на деньгах Грозного (?), «означалась надпись монеты деньга, или другое какое название, например, копейка, алтын, полтина или рубль». Здесь же находятся темные рассуждения о «деланой гривне», которая тогда «составляла в себе ровно три рубля» и называлась гривенником. В этой путанице сказывались доверие Чулкова к трудам иностранных авторов, которых он отчасти и называет (Страленберг, Гваньини, Герберштейн, «некоторый англичанин» и др.). Ссылаясь на Герберштейна, говорит Чулков о древнейшей медной монете, которая «одна только была, а именно полая или полужка, коих по шестидесяти считалось в каждой московской деньге»².

Следует отметить сообщение Чулкова о том, что «в государство императора Петра Великого, между прочею монетою деланы были особые для торговли с Польшею в Севске деньги, называемые чехи во образ польских, которыми, однакож и жалованье служилым людям в той стране (стороне) России выдавали»³. Вопрос о «севских чехах» очень долго оставался неясным в нашей литературе. За «чехи» упорно принимали петровские тинфы, даже после публикации первой находки чехов Н. Мурзакевичем⁴. Уже Б. И. Фитингоф в 1815 году отказался «верить тому, что Чулков говорит о сей монете», и упрекнул Шлецера в перепечатке столь недостоверного известия⁵.

Несмотря на восторженный отзыв, предпосланный редакцией «Академических известий» сочинению Щербатова, оно вызвало уже в том же 1781 году весьма основательные критические высказывания И. Бакмейстера, опубликованные в качестве примечаний переводчика⁶. Однако влияние Щербатова в широких кругах собирателей в XVIII веке и в первой трети XIX века оставалось, без преувеличения, огромным. Именно он задал тон тому стилю «вольных», «романтических» толкований для изображений, надписей, значений древних слов, который так ярко расцвел в нумизматических статьях начала XIX века.

Возникшее в 1811 году при Московском университете Общество истории и древностей объединило вокруг себя широкий круг собирателей и любителей нумизматики и способствовало преодолению влияния иностранных источников и «щербатовской» традиции в нумизматике. Уже в программной речи П. П. Бекетова, наряду с призывом не судить слишком строго тех, кто в прошлом ошибался в чем-либо (имелись в виду иностранные ученые в России), говорилось: «Естьли мы . . . бросим взгляд за пределы оной (отечественной истории) и прочтем пове-

¹ Чулков. Указ. соч., стр. 122—123.

² Там же, стр. 120.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Н. Мурзакевич. Русская монета 1686 года с латинской надписью. Записки Одесского общества истории и древностей, т. VII, Одесса, 1868; см. П. В. Зубов. Материалы по русской нумизматике, М., 1897, стр. 2—3; I. et A. Erbstein. Ein vergessenes Denkmal Peter des Grossen. Dresden, 1871 (библиография «чехов» в иностранной литературе).

⁵ Б. И. Фитингоф. Продолжение опыта о российских монетах. Записки и труды Общества истории и древностей . . . ч. I, М., 1815, стр. 139; A. L. Schlözer. Münz-Geld und Bergwerks-Geschichte des Russischen Kaiserthums vom J. 1700 bis 1789. Göttingen, 1791, стр. 62.

⁶ Versuch über die alten russischen Münzen (перевод И. Бакмейстера). Neues St. Petersburgs Journal. 1781, чч. I—III.

ствования о России иностранных, то увидим бездну невежества, лжи и неясностей, которые они бесстыдно выдавали за истину, и которые легковверные люди принимали в этом виде»¹.

В части, касающейся непосредственно нумизматики, принципиальное значение имели высказывания Б. И. Фитингофа. Отмечая слабые стороны уже имевшихся трудов, он пишет об их авторах: «Они вдруг хотели поставить прочное, искусственное здание», не учитывая, что нумизматика разделяется на описание монет и историю монет. Между тем «они (то есть описание и история.—И. С.) не были достаточно отделяемы, но соединяемы и смешиваемы; оттого обе сии науки не довольно еще обработаны. Конечно, при основательном и точном познании монет, они сливаются воедино, но тогда только, когда обработаны тщательно и каждая в особенности»². В своем «Опыте описания» Фитингоф стремился дать образец научного описания монет петровского времени.

Все же общее влияние Щербатова на первых порах достаточно сильно сказывалось в нумизматических темах, которые ставились в Обществе, независимо от исходившей из него критики тех или иных положений³.

«Нашими оракулами были Щербатов, Мальгин и Беляев; с ними мы справились как с законами», — пишет С. А. Еремеев⁴.

Член Российской академии Т. И. Мальгин (1782—1819) выступил в 1810 году с критикой Щербатова, направление которой явствует уже из самого заглавия⁵. Мальгин был из числа тех, кто сразу, не мудрствуя лукаво, уверовал в древнейшие русские монеты, как только стали известны киевская златница и «Ярославле серебро» Мусина-Пушкина. Отсюда — полное отрицание кожаных или меховых денег Мальгиным и стремление заполнить разрыв между XI и XIV веками какими угодно металлическими монетами — гривнами, полугривнами-полтинами, кунами, четвертями-рубанцами, ногатами, резанами, рублями — и построить их

¹ Записки и труды ОИДР, ч. I, М., 1815, стр. 17. Бекетов оговорил особо заслуги перед русской историей Герберштейна и Олеария.

² Там же. Б. И. Фитингоф. Опыт описания российских монет, стр. 75—77.

³ Новое чтение надписи и толкование монет «безумной жены», предложенные К. Ф. Калайдовичем, были под стать щербатовским (Жана Безина со чело). Злонравная теща-ростовка уступила место фантастическому монетчику Жану Безуну. (Записки и труды ОИДР, ч. I, М., 1815, стр. 44—51. К. Ф. Калайдович замечания на статью князя Щербатова об одной российской монете). Толкования монет в каталоге Лисенко — это бесконечные вариации на темы Щербатова. Обратив внимание на малый вес монет, Лисенко совсем по-щербатовски разделал новоявленного Жана Безуна: последний «оставил нам на пространстве малого ногтя огромную вывеску души своей и поборника корыстолюбия». Надпись читалась: «Рост (то есть, прибыль) Ивана Безуна. Челом бью». В таком же духе толкования Н. Н. Муравьевым и Эрдманом происхождения слова «гривна» — от слова «гриф» (горсть) и «на» (возьми), которыми обменивались при сделках купцы и русские охотники, или от грифона, который предположительно мог быть отчеканен на каких-то гривнах (см. Н. Н. Муравьев. Исторические исследования о древностях Новгорода и т. д. СПб., 1828, стр. 18; Записки и труды ОИДР, ч. III, кн. 2, 1827, стр. 199. Эрдман. О слове гривна. Труды и летописи ОИДР, ч. VI, 1833).

В стиле Щербатова долго выступали провинциальные корреспонденты «Отечественных записок», «Вестника Европы» и других журналов. Например, калужанин Лулул настаивал на отнесении новгородских монет ко времени дохристианскому, так как на них изображен идол, которому поклонялись новгородцы («Отечественные записки», 1827, кн. 30, стр. 141).

⁴ Чулков тоже не был забыт. Его статья получила вторую жизнь в брошюре безымянного плагиатора, изданной в 1831 году в Москве (см. Исторический опыт о древних русских монетах и кожаных деньгах, начиная со введения оных в России до нынешних времен. М., 1831).

⁵ Т. И. Мальгин. Опыт исторического исследования и доказательства о древности в Российском государстве монеты разного достоинства и медалей своих собственных. Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией, ч. IV, СПб., 1810.

в систему¹. Упрекая иностранных авторов в поношении России, Мальгин решительно отрицает существование кожаных денег и доказывает, что древнейшие монеты, которые «употреблялись в купле и мене скотов и зверей», сохранились «со знаками скотов разных, зверей и птиц»².

По Чулкову отрицает Мальгин татарское происхождение слова «денга», относя его возникновение ко времени дотатарской торговли с персами. Далее же излагаются, ничуть не уступающие щербатовским, взгляды на монеты и на находящиеся на них изображения. Монеты чеканили ремесленники «по своему усмотрению для отличия от других, или по особому повелению владетельного своего государя, начальства и правительства местного; а кроме того и на разные общественные и частные случаи», как-то: на победы, на браки, на рождения. «... также изображались по обстоятельствам разные звери и части оных»³.

Чтобы не быть голословным, Мальгин считает нужным привести «точные всему тому примеры, какие сам видел по сделанным изображениям целую книгу составляющими (разрядка моя.—И. С.) по имеющимся... некоторым образцам старинных денег великих, местных и удельных князей, царей и городов»⁴. Нет никакого сомнения, что книга рисунков, которую видел Мальгин и которую он широко использовал, это уже знакомая нам «рисовальная книжка» Остермановского Минцкабинета 30-х годов XVIII века, скорее всего в копии. Так через три десятилетия после Леклерка к остермановскому наследию по неведению обратился и Мальгин. Он подробно описал одну за другой изображенные там монеты — начиная с Александра Ивановича и Бориса Александровича, помянул «кидень» в честь Аристотеля⁵ и монету «До ругодевского похода», но с новым толкованием: «на Нарву в 1492 году бывшего». Не пропущена и затесавшаяся у Остермана не на свое место полущка Петра⁶. На № 142 сходство с остермановской книжкой обрывается и описано еще только пять монет — копейки Ивана Грозного и других царей — повидимому, непосредственно по монетам. Далее он переходит к толкованиям описанного, оставляя более подробное исследование «на другое время, случай и досуг». Сильно увеличенные рисунки в альбоме убедили Мальгина, что «древние наши деньги выглядят мелкими от обрезывания в ходу своем корыстолюбивыми людьми». Толкования Мальгина основываются отчасти на существовавшей литературе, отчасти являются собственными его измышлениями, таково, например, утверждение о чеканке из гривенки серебра монет на три рубля от времени Грозного до 1704 года.

¹ Как неотразимое доказательство своей правоты Мальгин описывает полученную им от вассилоостровского протоиерея И. Ф. Краснопецева медную сфедатную монету Святослава и Ольги — под стать такой же «матронинской» монете — имп. Юстиниана, хранящейся в одном монастыре (см. Вестник Европы, 1819, ч. 103, № 3, стр. 195. Письмо Ф. И. Круга Н. П. Румянцеву о мнимо матронинской монете).

² «Бельи лобки и куньи мордки суть не части сих зверьков, по званию своему вещественные, как многие в сем мнении весьма погрешают, почитая оные, якобы по неимению вещественной или действительной металлической монеты, за настоящие или подлинные лобки и мордки; но звания особых и ценою различных монет с изображениями оных частей, или самих зверьков сокращенно... какого только количества и достоинства — неизвестно, а надобно думать, что не велика была их разность... противу новых чеканенных тогда денег под названием новгородок» (см. Т. И. Мальгин. Указ. соч., стр. 162, 165).

³ Т. И. Мальгин. Указ. соч., стр. 172—173.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ В речи «О состоянии в России древнего и новейшего времени народного просвещения» Мальгин снова помянул «малую медаль» в честь Аристотеля. «Какая почесть, и какое ободрение учености или художеству!» (там же, стр. 261).

⁶ Там же, стр. 204.

Сообщение Ильинского о кладе копеек Игоря вызвало рассуждения Мальгина о том, какому именно Игорю должны принадлежать монеты. Их «надобно приписывать ко времени великого князя Игоря Руриковича, а не другого. Вот и еще подтвердительное доказательство о древности Российской серебряной монеты»¹.

Следующий раздел статьи содержит суровую критику И. Бакмейстера, давшую Мальгину возможность объяснить еще ряд монет. Упрекнув автора книги «Опыт о библиотеке . . .» в неумении определить, князем какого удела был Петр Дмитриевич, Мальгин замечает: «Бакмейстер не хотел, или не мог, яко иностранец, вникнуть. Сие примечается в нем и по прочим статьям, где говорится или с некоторым неуважением, или с холодною и презрением к нашим древностям, называя грубым и безобразным тиснением, забыв, что время и ржа повредили оное; а если бы и подлинно было таково, то бы пощадил древность для того, что в самой Германии и Англии монеты тех времен искусством дела не лучше были российских».

Признав Бакмейстера автором каталога монет Кунсткамеры, Мальгин строго разностоит его за все обнаруженные «упущения», которые нет надобности разбирать здесь. В заключение Мальгин рекомендует Академии наук найти для разборки и изучения русско-татарских монет «искусных в прамоте и любоохотных татар, коих изыскать не трудно».

Во второй половине XVIII века вне нумизматики и отчасти даже вне признанной исторической науки возник интерес к истории недавнего прошлого денежного дела в России. Труд И. А. Шлаттера о чеканке русской монеты с 1700 по 1760 год, продолженный по 1778 год А. А. Нартовым, сохраняет значение весьма ценного материала до наших дней. Выполненный двумя руководителями монетного производства и современниками описываемых событий, он основывался на изучении архивных документов, большинство которых в настоящее время не существует. Он издан только в 1832 году². В 1791 году А. Шлецер опубликовал (в Геттингене) важные и интересные материалы — «Собрание документов и сообщений, относящихся к русскому монетному делу» за 40-е годы XVIII века из архива Миниха³. Такой же интерес к недавнему прошлому русского денежного хозяйства и тогдашнему современному его состоянию сказывается в отмеченной выше особой части труда Чулкова.

Делая выводы из рассмотренных нескольких нумизматических сочинений, можно признать, что уже в последней четверти XVIII века русская нумизматика пришла к своего рода кризису. В каталоге Кунсткамеры значительная часть известных в то время древних русских монет была правильно приурочена к тем или иным правителям. За формальным делением на «9 классов» стояли наметившиеся уже тогда три основных этапа периодизации, которые долго удовлетворяли нашу нумизматическую классификацию: «удельный», «царский» и «императорский». Но охват материала во времени был ограниченным.

Освоив монетный материал XIV—XVIII веков, русская нумизматика как бы исчерпала все свои возможности. Накопляя новейший материал, представляемый многочисленными и разнообразными сериями монет XVIII века, она остановилась у намеченного начального исторического рубежа — времени Дмитрия Донского. Для времени, предшествовав-

¹ Мальгин, указ. соч., стр. 175—197.

² Горный журнал 1832 г., № 8, стр. 235. Списки имеются в архиве Академии наук и в Эрмитаже — в тетради «О медалях и прочих» Лисенко, который скопировал для себя рукопись, находившуюся в делах Монетного двора.

³ A. L. Schlözer. Münz-Geld- und Bergwerks-Geschichte etc. Beilagen, стр. 1—128.

шего возникновению чеканки русской денги, она не видела монетного материала. Кроме того, неизданный каталог Минцкабинета оставался «под спудом», мало кому известным, а неудачные публикации с перечислением «9 классов» только вносили путаницу; авторы первых наших нумизматических сочинений, как на грех, нумизматами не были, отсутствие представления о металлических монетах и слитках, из которых в разное время слагалось денежное обращение древней Руси, порождало антинаучные попытки относить к древнейшему периоду любые старинные неопределенные монеты, лишь бы они были русскими.

Ставшие тогда уже известными первые находки серебряных слитков, которые назывались то рублями, то гривнами, привлекали к себе внимание и собирателей и историков, но еще не воспринимались как новая и обширная область нумизматики. Чтобы «открыть» обращение слитков, нужно было накопить достаточно широкий кладовый материал, который начал появляться примерно только во втором десятилетии XIX века. Господство формальной классификации, умевшей разделять, но неспособной находить внутренние связи различных явлений, мешало постигнуть значение имевшегося уже материала по обращению иноземной монеты на землях древней Руси как органическую часть ее денежного обращения, так широко отраженного в летописях и древних актах. Отсутствовало понимание научного значения кладов и топографии находок.

Между тем вопрос о денежном обращении и платежных средствах древнейшего периода русской истории сразу же был поставлен перед историками конца XVIII века их источниками. Его разработка возникла и продолжалась вне нумизматики и без возможности поддержки и участия с ее стороны. Единственным вкладом ее было не всех удовлетворявшее утверждение, что до второй половины XIV века русских монет вообще не существовало. Г. Ф. Миллер¹, М. М. Щербатов, И. Бакмейстер в его «примечаниях»², В. Н. Татищев и И. Н. Болтин³ не располагали никакими иными материалами, кроме памятников письменности, да первых ставших известными находок слитков (Болтин). Несмотря на расхождения в частностях, они довольно дружно пошли по пути, уже намеченному отчасти русской исторической традицией XVI—XVII веков⁴, отчасти трудами иноземных историков. В частности, исключительно большое значение имел, как «источник», сделанный на Западе неверный перевод известного текста де Рубрука; грубо искажавший смысл сообщения очевидца⁵. Стало признанным в XVIII веке, что, наряду с невыделанными шкурками пушнины, которые по пути от производителя к заграничному или отечественному потребителю в течение долгого вре-

¹ Sammlung russischen Geschichte, т. V, стр. 432.

² Примечания к «Русской правде». Продолжение древней российской вивлиофики, ч. 1, СПб., 1786.

³ И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том истории князя Щербатова, СПб., 1793; его же все примечания в изд. «Правда русская» или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха и т. д. М., 1792.

⁴ Еще В. К. Трутовский отметил, что известные толкования слова «куны» (еже есть морд куней) в основных, древних редакциях летописей не встречаются. Их породило позднее летописание Московского государства, знавшего только серебряное обращение. В. К. Трутовский. Русские меховые ценности и т. д. М., 1911, стр. 9. См. о кожаных деньгах в древнем Риме в русской рукописи XVII в. Нумизматический сборник, III, М., 1915, стр. 309.

⁵ Правильный перевод сделал А. И. Мален в 1910 году. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1910, стр. 135. Даже пресловутые кусочки кожи, украшенные серебряными гвоздиками, признаны были кожаными деньгами, точно серебро рядом с кожей ничего не стоит.

мени выполняли внутри страны (по крайней мере в ряде областей) определенные платежные функции, древняя Русь имела выпускаемые неведомо кем меховые-кожаные деньги.

Предположения о клеймении меховых лоскутов превратились в веру в существование кожаных денег, заверенных какими-то печатями. «Неудобность употреблять звериные шкуры вместо ходячей монеты заставляла искать других знаков, как бы представляющих их цену; придумали наделать и пустить в хождение кожаные лоскутки с клеймами, изображающими цену кун и векош, кои под теми же названиями заняли место шкур кунных и белых и стали представлять их цену. Сии кожаные лоскутки многие века употреблялись вместо ходячей монеты»¹.

Почти повсюду, где речь шла о каких-либо платежах или ценах древней Руси, стали видеть условные, «кредитные» деньги. Представление о них родилось в самой непосредственной связи с меховыми ценностями, как о некотором продолжении последних — и экономическом и физическом. Имели в виду сперва особые меховые лоскуты, отделенные в определенном месте от каждой шкурки и представлявшие ее полную или частичную ценность. Никого не удивляло происходящее при этом «чудо»: отхватив от шкурки «мордку» или другие малые части, охотник (или князь) сразу делался в несколько раз богаче. Товар, продолжая свой путь к потребителю, отделял от себя частицы, которые становились деньгами. Такое толкование дольше всего занимало и занимает сторонников древних кредитных денег². Но в XVIII и в начале XIX века, по мере того, как выявлялось значение серебра-слитков в обращении древней Руси, зависимость между шкурками и лоскутами быстро потускнела. Покрывавшая лоскуты шерсть как-то незаметно исчезла, и открылась целая всеобщая система штемпелеванных кожаных денег в виде «купюр» разного достоинства. Она породилась уже непосредственно с серебром. Кожаные деньги уже просто «делали», раскраивая кожи на кусочки, подобно тому, как режут бумагу с напечатанными на ней ассигнациями.

Развитие в русской историографии научной теории о кредитных кожаных деньгах древней Руси было вполне закономерно во второй половине XVIII века. Обращенная в глубокую древность, теория была живым и своеобразным отражением современности. Историки были свидетелями появления в начале 60-х годов первых русских ассигнаций. Куски обыкновенной грубой бумаги с заверенными государством надписями об их ценности превращались в бесспорное платежное средство, вступали в определенные отношения с металлическими деньгами и даже занимали в известном роде ведущее место: они начинали управлять обращением металлических денег, «поднимая» за счет собственного обесценения ценность одних и вполне реально обесценивая другие, как это произошло с медной монетой.

В начале XIX века Ф. И. Круг, ставший с 1804 года хранителем Минцкабинета Эрмитажа, выступил против основного тезиса, на котором в значительной мере строилась модная теория, — возвращенного иностранной историографией тезиса о примитивности и бедности жизни древней Руси. «Не легко поверят, может быть, тому, что я теперь предложу. Оно слишком противоречит обыкновенному мнению о состоянии древнейшей России», — писал Круг. Он высказался за существование металлического

¹ Правда русская и т. д., стр. 18. Примечание И. Н. Болтина.

² См. Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. т. I. Госфиниздат, 1948, стр. 235. «Число головок не может превышать числа убитых зверей, следовательно, ограничено количеством труда, которое может быть затрачено на охоту».

обращения в древней Руси¹. Не разделявшего эти взгляды Круга А. Шлецера знакомство с русскими серебряными слитками и изучение древнерусской метрологии побудили ограничить сферу обращения кожаных денег только Новгородом и Псковом. «Прекрасные известия! Жаль только, что самые важнейшие из сих показаний, то есть сравнение серебра, кун и векош . . . , не подкреплены никакими доводами»², — заканчивает Шлецер изложение взглядов Болтина на гривны и куны.

Важное место среди таких «доводов» заняли засвидетельствованные указом 1700 года «кожаные жеребья» раннего петровского времени, которые возникли в совсем иной исторической обстановке, в условиях жестокого кризиса изжившей себя монетной системы Московского государства в конце XVII века. Татищев видел какие-то кожаные деньги в Новгороде, Шерер — в Воронеже³, Карамзин — в Александрове; сохранившиеся кое-где «жеребья» и вскоре появившиеся подделки, при отсутствии представления о денежном хозяйстве Московской Руси, рассматривались как дожившие до XVIII века последние представители кожаных денег — ногат-лапок, мордок и белых лбовок.

Автор «Истории Государства Российского» свел все достигнутое его предшественниками к простой и ясной формуле: «Предки наши довольствовались вместо денег лоскутами кожаными или кунами»⁴. Так в конце XVIII века на основании отчасти заведомо неверных толкований летописных текстов («белыи лобцы»), отчасти на основании темных и, во всяком случае, имеющих весьма ограничительное местное значение свидетельства летописей и других источников сложилось учение о древнерусских кредитных деньгах как явлении всеобщего характера.

Нумизматика XVIII и начала XIX века не располагала еще возможностью противопоставить этому призрачному обращению реальное обращение огромных масс серебра в виде восточной и сменяющей ее на севере западной монеты, и даже первых русских монет, для древнейшего периода — вплоть до XII века. Она не имела материала, чтобы проследить в дальнейшем возникновение существенно различающихся между собою местных экономических (денежных, весовых, счетных) систем во время распада древнерусского государства на разобщенные феодальные государства или области, объединяемые определенной хозяйственной общностью. Слитки, а также и клады пражских грошей или джучидских монет, которые некоторое время обслуживали товарное обращение на части территории древней Руси (южной и отчасти средней), оставались еще «под спудом». Неспособна была нумизматика даже доказать явную несуразность утверждений о чуть ли не непрерывном существовании кожаных денег, вплоть до начала XVIII века.

Кожаные деньги стали достоянием широкой литературы, записок путешественников, всевозможных «описаний» и т. п.⁵ Академик Г. Шторх изложил в примечаниях к своему курсу политической экономии⁶ теорию обращения мехов и паволок в древней Руси по книге

¹ Ф. И. Круг. Критические замечания о древних русских монетах. СПб., 1807 (1-е изд., 1806 г.).

² А. Л. Шлецер. Нестор. Пер. Д. Языкова, ч. II, СПб., 1816, стр. 307.

³ I. B. Scherer. Des heiligen Nestors. . . älteste Jahrbücher der Russischen Geschichte etc. Leipzig, 1774, стр. 58, примечание.

⁴ Н. М. Карамзин. ИГР. Т. IV, примечание 250.

⁵ Georgi. Указ. соч., стр. 215—219. Здесь упоминается еще один «платежный знак» — заячьи ушки — «ушканы»-полушки. См. также Ю. А. Гагемейстер. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833.

⁶ H. Storch. Cours d'économie politique, ou exposition des principes, qui déterminent la prospérité des nations, т. VI, СПб., 1815, стр. 42—48.

Круга, пересказал даже взгляды последнего на возможность существования русских монет XI века и упомянул принадлежавшую в то время Кругу киевскую весовую гирьку (ныне в Эрмитаже) и «Ярославле сребро» Мусина-Пушкина. Примечание о древнерусской серебряной гривне изложено Шторхом по Шлецеру, а в большом примечании, посвященном в основном особенностям русского денежного хозяйства конца XVIII и начала XIX века в части медных денег¹, рассказано о кожаных деньгах.

«В те времена, когда шкуры служили в России деньгами, неудобство, связанное с обращением столь объемистых и подверженных порче денег, дало место идее заменить их маленькими кусочками штемпелеванной (timbrés) кожи, которые тем самым превращались в платежные знаки вместо шкур и мехов. Впоследствии, когда начали чеканить мелкую монету, эти знаки стали представлять фракции серебряных копеек. Они сохранили эту роль вплоть до 1700 года, по крайней мере в городе Калуге и ее окрестностях, — как это видно из указа Петра I от 8 марта, в котором этот государь повелевал обменять их на мелкую медную монету, которую он велел для этого чеканить»². В подтверждение сказанного Шторх добавляет в подстрочном примечании: «Я получил эти подробности от моего коллеги по Академии г. Круга, у которого я видел экземпляр этой маленькой медной монетки (полушка), относительно существования которой даже высказывалось сомнение»³.

В столь неудачной интерпретации теория кожаных денег стала достоянием политико-экономической науки. В 1822—1823 годах Ж. Б. Сей переиздал в Париже труд Шторха со своими «пояснительными и критическими» примечаниями. «Notes» Шторха находятся в последнем, IV томе⁴. В 1859 году Карл Маркс, сославшись на парижское издание «Курса политической экономии г. Шторха», включил в свой труд «К критике политической экономии» следующее замечание: «Россия представляет поразительный пример естественного возникновения знака стоимости. В те времена, когда деньгами там служили кожи и меха, противоречие между этим неустойчивым и неподходящим материалом и его функцией средства обращения породило обычай заменять его мелкими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки на платеж шкурами и мехами. Впоследствии они превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700 г., когда

¹ Sur les monnaies de confiance de quelques peuples anciens et modernes et sur la monnaie de cuivre russe (в основном по опубликованным Шлецером материалам архива Миниха).

² Н. Storch, указ. соч., стр. 87.

³ Там же.

Можно было бы даже не напоминать, что монетная система Московского государства XVI—XVII веков никогда не включала в себя каких-либо иных фракций серебряной копейки, кроме серебряных же денги и полушки, и что названный Шторхом указ 1700 года упоминает кожаные жеребья вовсе не как законное средство обращения, а как раз наоборот, — как явление противозаконное — наравне с расклевыванием на части серебряных копеек. Все же последние выкупались казной, так как не переставали быть серебром, но о замене стихийно возникших на местах денежных суррогатов и речи быть не могло. Шторх обнародовал со слов Круга одну из нумизматических фантазий по поводу очень редкой монеты, — той самой, которая так волновала Г. И. Лисенко.

⁴ Н. Storch, Cours d'économie politique ou exposition des principes, qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de L. L. A. A. I. I. les grands ducs Nicolas et Michel. . . . avec des notes explicatives et critiques par I. B. Say., т. IV, Paris, 1823. (стр. 79).

Петр Великий приказал обменять их на мелкие медные монеты, выпущенные государством»¹.

В первом томе «Капитала», явившемся развитием выпущенной Марксом в 1859 году работы, русские кожаные деньги не упоминаются, хотя и имеется высказывание, которое можно отнести именно к ним². Маркс указывает, что в отличие от государственных бумажных денег с принудительным курсом «... кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны»³. Однако догматический, нетворческий подход к отдельному высказыванию Маркса, который в данном случае располагал, как мы видели, весьма сомнительным источником, породил в советской исторической науке некоторые попытки оживить теорию «всеобщих» кожаных кредитных денег и превратить ее в непреложный закон, опираясь на авторитет Маркса. Безоговорочное утверждение о существовании в древней Руси кожаных денег находит место в научно-популярной литературе⁴ и даже в вузовских курсах истории СССР. Защитой названной теории является диссертация П. Г. Заостровцева, обсужденная в 1949 году в Ленинградском государственном университете⁵.

В 20-х и 30-х годах XIX века наиболее захватили нумизматов три основных вопроса истории денег древней Руси: серебряные слитки-привы и рубли, древнейшие русские монеты X—XI веков и кожаные деньги. Вокруг этих вопросов шла наиболее оживленная борьба мнений, которая только отчасти отражена в литературе.

Участившиеся находки крупных кладов серебряных слитков⁶, в том числе и клейменых, вызвали, начиная с 20-х годов, огромный интерес нумизматов к ним. Немедленно возникли попытки приурочения их. (Табл. XX).

Златники и сребреники Владимира, Ярослава и Святополка вызвали первый открытый «раскол» в рядах русских нумизматов.

Поддерживаемый С. Г. Строгановым, Я. Я. Рейхель возглавил группу, отрицавшую возможность существования собственной монеты в Киевской Руси и доказывал принадлежность спорных монет южным славянам. Его авторитет подчинил себе Ф. И. Круга, который отказался

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 111—112.

² Шторх рассматривал кожаные деньги как кредитные деньги—*topnaies de confiance*, что не вызвало какого-либо замечания Маркса.

³ К. Маркс. Капитал, т. I, кн. I. Госполитиздат, 1950, стр. 133.

⁴ См. И. Я. Демман. Меры и метрическая система. М.—Л., 1953, стр. 36—37.

⁵ П. Г. Заостровцев. Из истории денег и денежного обращения в России до XV века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Ленинградский государственный университет. 1949.

⁶ В материалах Лисенко, помимо упоминания о кладе из имения Балашова, приведены сведения о кладе «литовских» слитков, найденном около 1824 года в количестве 6 экземпляров в имении Гольнских в Могилевской или Вольжской губернии. Клад целиком достался Лисенко от генерал-майора П. П. Мартынова, который получил его в 1824 году от князя Мещерского. Два слитка с двумя и с одной вмятиной Лисенко оставил себе (табл. XX), один, с двумя вмятинами, променял на золотую медаль Н. П. Румянцеву в 1825 году на ярмарке в Ромнах, два продал Еремееву и Е. М. Комарову и последний—неизвестному, через знакомого купца в Гостином дворе. Все проданные слитки имели по одной вмятине. Лисенко описал и взвесил все, кроме румянцевского (25 з. 15 д.; 24 з. 51 д.; 24 з. 60 д.; 24 з. 18 д.; 23 з. 91 д.). Кроме того, в коллекции Лисенко находились слиток из Рязанского клада 1828 года, полученный от Балашова, два «рублевых» с клеймами из Серпуховской находки 1821 года и еще несколько неустановленного происхождения.

от своих прежних взглядов¹. Страстные обличения в записках Лисенко ярко показывают, какая борьба мнений разгорелась среди нумизматов².

Появление в русской нумизматике новой группы древнейших монет породило стремление заполнить образовавшийся разрыв. Каталог Лисенко дает полное представление об этом рецидиве легкомысленнейшего приурочения неопределенных монет к XIII и началу XIV века.

Теория кожаных денег, несмотря на «узаконение» ее Карамзиным, рано встретила возражения в России. Застрельщиком в научной критике, к которой «критику» Мальгина отнести еще никак нельзя, стал М. Т. Каченовский. Лисенко откликнулся следующим укором: «Сам великий Карамзин, быв в духе русским, подвергся Крыловой басне «Бочка» . . . приняв мнения академика Круга и подобных ему». Но вскоре Лисенко, позабыв о баснях Крылова, изменил взгляд на кожаные деньги. В конце I тома своего каталога, после «Мнимо или существенно» пермских монет XV века (мордовок), в 1824 году Лисенко открыл новый, последний раздел: О кожаных деньгах.

Изображенный первым квадратик подошвенной кожи с вытисненным на нем знаком «Н», Лисенко получил в подарок еще в 1822 году при письме из Воронежа от знакомого чиновника П. И. Жукевича-Стоши. Поводом для обращения к Жукевичу послужило напечатанное Карамзиным в «примечаниях» известие о старинных кожаных деньгах, которые хранились в Александровском девичьем монастыре во Владимирской губернии, с изображенными на них крючками, звездочками или с надписью «кудма» и даже о кожаных деньгах Ивана Грозного, будто бы находившихся в Воронежском цейхаузе в XVIII веке (последнее со ссылкой на одно из примечаний в книге Шерера 1774 года³). Лисенко сделал выписку из Карамзина и пересказал содержание письма Жукевича: «были ли в оном цейхаузе кожаные деньги ему неизвестно; имевшую же у него одну таковую прислал в подарок». Кусочек кожи пролежал не включенным в коллекцию два года, пока Лисенко не прочел своими глазами о выпуске именно таких «монет» в старинной летописи. А летописец писал как будто «с натуры»:

¹ И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 136, 155.

² «Какое богатое, необозримое поле для русской нумизматики! Но какое встречаю я хладнокровие к ней в одном близком мне правителе ученых частей, о!» (1838, о С. Г. Строганове). «О, срам и уничижение для гордых нищих!» (По поводу написанного Рейхелем предисловия к «Собранию русских медалей», изд. Археологической комиссией. 1840). «Да покроется презрением дремота наших баричей! Да погибнет фантастическая деятельность иноземцев, случайно у нас разжиревших! Да перестанут они чернить те священные предметы, кои в руках добросовестных тружеников проявились, первых изумляют в леностном неведении их, а у других близорукое зрение (имеется в виду крайняя близорукость Рейхеля) омрачают, нечистую душу смущают в ее многознании, туне для общей пользы труждающейся» (1839). «Все еще есть между нами такие донкишоты, которые, не войдя в себя и свойственную нам самобитность, прилепляются к неблагодарным иноземцам, отчего и сами пребудут недостойными благодарности и собственного потомства. . . В Русском царстве много есть еще таких пришельцев и такающих на них наших соотечественников, которые . . . заслуживают ненависть, потому что всеми способами их стараются у нас затмить златники и сребреники Владимира I, Ярослава и Святослава II» (1838).

³ История Государства Российского. т. 1, примеч. 524 (см. Шодуар, I, стр. 51 и прим. 265). О кожаных деньгах в Александре см. заметку Н. С. Стромиллова «Кожаные деньги». Всемирная иллюстрация, 1872 (т. VII), № 5 (161), стр. 87. П. С. Казанский. Дополнения к исследованию о древней русской монетной системе. ЗАО, т. 6, СПб. 1855, стр. 425. Относительно Воронежского цейхауза в 30-е годы ходили разные слухи, волновавшие нумизматов. В 1831 году было напечатано сообщение воронежского губернатора о том, что в здании цейхауза в петровское время производилась чеканка монет (Журн. Министерства внутренних дел, 1831, № 6, стр. 79).

«В Нижегородской летописи в лист, находящейся в библиотеке А. И. С. — В лето 1399 князь великий Василий повеле делати скору четыреуглену и напечатати Н — по 50 серебряниц своих»¹.

Вторая «монета» в каталоге представляет собою маленький кожаный ромбик, на котором с угла на угол помещена надпись «УДМА». К ней относится следующая запись: «В летописце Сибирском на бумаге в 4, библ. А. И. С. Из письма Григорью Строганову 7065 (1557) . . . поделал кожаные четверные, штиугольные, треугольные и половинки треугольных клеймяныя удмы и окроме их не даю никому . . . поделай и ты тоже» . . . «Видя несомненную подлинность сей монеты, я выменял ее в 1824 году, — заканчивает Лисенко, — у А. И. С.», то есть у владельца обеих летописей.

Оба рисунка, сопровождаемые только выписками из летописей, повторены в принадлежащей теперь Эрмитажу тетради Лисенко «О русских медалях и прочих»². Судя по оформлению и размеру листа, Лисенко имел намерение литографировать его вместе с другими. Принадлежность летописей-источников на этот раз зашифрована крохотными буквами «т. с. л. к. д. з. в.». Повидимому, в конце 1913 года А. В. Орешников познакомился в Петербурге с лисенковской тетрадью, которая тогда принадлежала А. А. Ильину. В архиве А. В. Орешникова сохранилось письмо к нему Н. П. Лихачева от 21 января 1914 года по поводу текста, касающегося Строганова:

«Ваше письмо меня крайне заинтересовало. Известия, Вами приведенного, не знаю и в нем сомневаюсь. Оно очень просто решает важный вопрос, думают что такое сведение кем-нибудь да было бы замечено. Надо посмотреть все о Строгановых . . . и все издания Летописей сибирских . . . Пишу Вам немедленно, без всяких справок . . . В каком летописце находятся письма к Строгановым? Сами летописи начинаются 7066 (1558) годом. Кто писал Григорию Аникиевичу Строганову о поделке кожаных знаков, откуда писал, почему «окроме них не даю никому»? Мне сомнительно, не подделал ли эти кожаные «удмы» кто-нибудь вроде Сулакадзева. Известие очень важно, но прежде чем печатать, исследуйте все тщательно. Необходимо разобраться до мелочей»³.

Догодка Н. П. Лихачева полностью подтверждается инициалами А. И. С., оказавшимися в каталоге Лисенко. Они позволяют прочесть и второй шифр — «Летопись Сулакадзева». О личном знакомстве Лисенко и Сулакадзева свидетельствует пометка «Слышал от Гр. Ив. Лис.» в «Летописце», составленном А. И. Сулакадзевым сборнике выписок из газет и журналов за 1828 год, анекдотов, хозяйственных рецептов и тому подобного⁴. «Здесь хотя и винегрет, но для разборчивого и трудолюбивого кладезь дел человеческих, улей меду и кладовая памяти», — написал Сулакадзев на обложке одной из тетрадей.

По поводу статьи Каченовского (в «Вестнике Европы») Сулакадзев изложил и собственный взгляд на кожаные деньги: «Прекрасно собрано, но доказательства не убеждают в подлинности, разве откроется после

¹ В опубликованных списках Нижегородской летописи подобного сообщения ни под 1399, ни под каким-либо другим годом нет. См. А. Г. Гациский. Нижегородский летописец. Н.-Новгород, 1886.

² Нумизматический сборник, III, М., 1915, стр. 323 (илл.).

³ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, ф. № 136 (Архив А. В. Орешникова), ед. хр. № 31, л. 73.

⁴ Отд. рукописей ГПБ, собр. Михайловского, № 96, Летописец, 1828 г. Сулакадзева, л. 76.

еще где-либо, по грамотам или актам каким-либо, что не было кожаной монеты, а ходила под сими явными названиями . . . серебряная монета. Я сам имею кожаную натату, шлиг коженный и прочих много, удьмы и других, и убеждаюсь в действительности коженных, а не металлических. Впрочем, касательно серебра, гривен, рублей, брусками и округлых разных золотых, серебряных, Владимира, Святослава-Ярослава, Дмитрия Донского и проч. мы не сомневаемся»¹.

О фальсификаторской деятельности Александра Ивановича Сулакадзева достаточно привести свидетельство очевидца П. М. Строева. «Еще при жизни покойника (Сулакадзева) я рассматривал книжные его сокровища . . . Подделки и приправки, впрочем, весьма неукосные, на большей части рукописей и теперь еще мне памятны. Тогда не трудно было морочить . . .»².

Сам факт появления письменных и вещественных фальсификаций определенного рода отражает огромный интерес к «кожаным деньгам» в начале XIX века. Борьба мнений в этом вопросе, как и в вопросе о древнейших русских монетах, разгорелась основательно и надолго и уходит за поставленные в нашем очерке границы во времени³.

Горшок с монетами, найденный в 1852 году близ Нежина, снял второй вопрос. Иначе обстоит дело с древними кожаными деньгами. Археологи и нумизматы их не знают. Планомерные раскопки последних лет в Новгороде, обогатившие историческую науку замечательными новыми материалами — берестяными грамотами, дали, между прочим, большое количество превосходно сохранившихся древних кожаных изделий, но не обнаружили ничего такого, что можно было бы признать за «кожаные деньги» . . .

В наши задачи не входит дальнейшее рассмотрение вопроса о спорных платежных средствах древней Руси в целом. Можно лишь сказать, что наша нумизматика остается все еще в долгу перед советской исторической наукой в разработке вопроса о кунной системе древней Руси на основе своего, монетного материала.

Того, кто приступит к этой большой и важной теме, должны вдохновлять чудесные слова, которыми К. Маркс заканчивает свое предисловие 1859 г. к «Критике политической экономии»: «А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

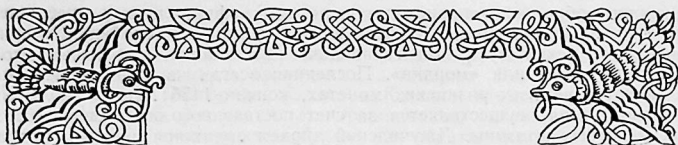
Здесь страх не должен подавать совета»⁴.

¹ Отд. рукописей ГПБ, собр. Михайловского. № 96. Летописец. 1828 г. Сулакадзева, л. 128.

² Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1872, стр. 238—239; см. также Отчеты имп. Публичной библиотеки за 1852 г., стр. 27—28 и за 1892 г., стр. 111; статью И. А. Шляпкина. Рукописи Валаамского монастыря, Библиограф., 1889, № 10—11, стр. 199—200 и воспоминания Березина-Ширяева, Библиограф., 1887, № 1, стр. 5—7. О подделке Сулакадзева упомянул в 1843 году Ф. А. Жиль в связи с просмотром им каталога Г. И. Лисенко. Архив. Г. Э. ф. II, оп. 1843, л. № 21, л. 16.

³ А. В. Орешников ограничился сообщением в Московском нумизматическом Обществе «О нумизматическом сборнике, составленном Григорием Лисенко» (14 апреля 1914 года). При отчете о сообщении была воспроизведена и страничка из тетради Лисенко с его выписками из летописей Сулакадзева. (Нумизматический сборник, III, стр. 320—323). См. также А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. VI. М., 1936, стр. 26.

⁴ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат. 1949, стр. 10.

В. А. ЯНИН. С. А. ЯНИНА

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЯЗАНСКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ

История денежной чеканки в русских удельных княжествах в XIV веке не может еще считаться окончательно выясненной. Мнение о том, что процесс возобновления чеканки и постепенного распространения ее на всю территорию Руси XIV — первой половины XV века является отражением важнейших экономических и политических сдвигов, приведших к освобождению от татаро-монгольской зависимости, давно уже стало общепризнанным. Однако, будучи верным по существу, это мнение возникло не на почве углубленного изучения нумизматического материала, а главным образом путем чисто логических сопоставлений. Достаточно сказать, что до сих пор не завершена полемика о политической сущности ранней русской чеканки, не закончена дискуссия о смысле русских надчеканок на золотоордынских монетах, нет ясности в конкретной хронологии возобновления монетной чеканки даже в Московском и Тверском великих княжествах, не говоря уже о более мелких русских политических объединениях.

Не отраженный в летописях и не оформленный актами начальный период русской монетной чеканки может быть исследован лишь путем изучения самих монет, редкость которых особенно ощутима для начального периода денежной чеканки русских удельных княжеств в XIV веке. Именно поэтому до сих пор возможны споры о том, где раньше была возобновлена чеканка — в Москве, Нижнем-Новгороде или Рязани, можно ли относить начало московской чеканки ко времени, предшествующему Куликовской битве, или она началась в конце княжения Дмитрия Донского, и даже о том, были ли рязанские монеты, по существу, русскими или татарскими.

Рязанские монеты XIV века в течение последних шестидесяти лет занимали большое место в дискуссиях, связанных с решением важнейших проблем нумизматики удельного периода. Одной из главных причин повышенного внимания к ним было их значительное своеобразие, закономерно понимаемое как отражение политического своеобразия Рязанского великого княжества, более тесно связанного с Золотой Ордой и державшегося в русско-татарской борьбе XIV века главным образом протатарской политической линии.

В отличие от денежных систем всех остальных русских княжеств рязанское денежное обращение первоначально использует значительные массы джучидских монет. На определенном этапе развития рязанского

денежного обращения происходит переход к официальному превращению джучидского дирхема в русскую монету: дирхем снабжается причеканкой русских букв или геральдического значка, так называемой рязанской тамги или «мордки». Последняя всегда в виде надчеканки сохраняется на всех рязанских монетах, кончая 1456 годом. Эволюция монетного типа осуществляется за счет постепенного изменения основных монетных штампов. Джучидский дирхем сменяется внятным подражанием определенным его образцам; на их смену приходят грубые подражания джучидским дирхемам, скорее всего подражания подражаниям, так как непосредственную связь их с прототипами установить невозможно. В дальнейшем рязанская тамга надчеканивается на гладких монетных кружках, которые затем сменяются кружками, несущими на оборотной стороне также рязанскую тамгу, но уже вырезанную в основном штампе, и круговую надпись: «Печать князя великого». Завершают эволюцию типа рязанских монет с надчеканкой тамги монеты, несущие изображение четырехугольной рамки с надписью вокруг нее: «Князь великий Иван Фед.». Последняя группа монет, датируемая временем великого князя Ивана Федоровича (1427—1456 годы), примерно определяет конечную дату возбояния последней из более ранних групп анонимных рязанских монет.

Начало подлинно научного изучения раннерязанских монет относится к самому концу XIX века и связано с именем А. В. Орешникова, который впервые систематизировал накопленный материал¹, выделив из массы датированных монет с именем Ивана Федоровича известное количество анонимных монет, которые им были отнесены суммарно ко времени Олега Ивановича и Федора Ольговича (1350—1427)². Затрудняясь точно разделить анонимные монеты между Олегом (1350—1402) и Федором (1402—1427), А. В. Орешников на основании стилистических особенностей в эволюции монет выяснил изложенную выше общую последовательность их типов, которая отразилась в последовательности описания им ранних рязанских нумизматических памятников. Джучидские монеты и подражания им с надчеканками русских букв, отсутствовавшие тогда в коллекциях Исторического музея, А. В. Орешниковым описаны не были. До 1896 года они вообще не были известны, так как единственное их издание П. С. Савельевым, по существу, не состоялось³.

Одновременно с выходом в свет работы А. В. Орешникова в том же 1896 году А. К. Марковым был издан «Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа», в котором впервые было произведено научное определение надчеканенных джучидских монет и их подражаний. Наряду со значительной группой таких монет, снабженных причеканкой

¹ См. более ранние работы: (А. Д. Чертков). Описание древних русских монет. М., 1834, стр. 105—106; Он же. Указ. соч., Прибавление 1. М., стр. 27; Описание русских монет Минцкабинета И. Т. Яковлева. СПб., 1839; (И. Сахаров). Современная хроника русской нумизматики. СПб., 1839, стр. 87, сл.; I. Reichel. Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. SPB., 1842; Д. П. Сонцов. Дополнение к нумизматическим исследованиям. М., 1872; Он же. II дополнение к нумизматическим исследованиям. М., 1873, стр. 69, сл.; Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875.

² А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 75—77.

³ П. С. Савельев в 1858 году издал изображения нескольких таких надчеканок отдельно от самих надчеканенных монет. Комментарии к изображению П. С. Савельев предполагал издать в задуманной им работе «О клеймах, встречаемых на джучидских монетах», которая так и не была им написана.—См. П. С. Савельев. Монеты джучидские, джагатайские, джелаирские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша. Записки Археологического Общества.

⁴ ПСРЛ, VII, стр. 240—241.

ранней рязанской тамги, А. К. Марков опубликовал 43 монеты с надчеканками различных русских букв¹. В этих буквах — Бо, Д, ПС, Р, Н, Г и К — Марков видел сокращенные названия русских городов в которых могли быть сделаны причеканки, а именно: Боровска, Дмитрова, Пскова, Рязани, Новгорода, Галича и Кашина. Мысль А. К. Маркова в 1911 году была развита А. В. Орешниковым в статье «Татарские деньги с причеканкою русских букв»². Он обратил внимание на то, что подлинные джучидские монеты, надчеканенные русскими буквами, ни в одном случае не несут даты позднее 790 г. х.³ (1388), «т. е. кончаются вскоре после того, когда, надо полагать, началась самостоятельная чеканка русских денег во второй половине XIV в.». А. В. Орешников предположил в них первую попытку «чеканить в татарскую эпоху отдельными городами собственных монет, подобно тому, как в в. к. Рязанском собственную монету чеканили, беря джучидскую деньги и причеканивая лишь на последней тамгу»⁴. Не соглашаясь с мнением А. К. Маркова, распространившего надчеканки на всю тогдашнюю Русь, в том числе и на Новгород и Псков, где джучидские монеты заведомо не обращались, А. В. Орешников ограничил предполагаемую территорию надчеканивания пределами Рязанской земли, список городов которой дает основание для попытки расшифровать все буквенные надчеканки. В процитированном А. В. Орешниковым месте Воскресенской летописи «Имена градом всем Русским дальним и ближним» среди рязанских городов названы: Бобруеск, Дубечен, Резань, Новъгородок, Глебов, Крылетеск⁵. Изложенная точка зрения была А. В. Орешниковым высказана в качестве гипотезы. В той же статье автор предложил другое возможное решение вопроса: «не могут ли эти русские буквы представлять контрольных знаков при сборе дани татарами в Рязанском и др. княжествах?»⁶. «Данщики, собирая дань с мелких городов, вроде Радонежа, Перемышля, Боровска и т. д., ввиду разнообразия веса джучидских денег, может быть, ставили контрольные знаки с начальной буквой имени города, из которого поступала монета, так как дань приходилось платить городу не счетом, а весом в рублях, имевших не счетную, а весовую ценность. А может быть, в буквах заключалось имя сборщика дани, поставленное для той же цели — контроля»⁷.

В 1915 году А. К. Марков четко изложил принятую им классификацию раннерязанских монет. Сохранив свою старую точку зрения на монеты с причеканкой русских букв как на памятники, не являющиеся исключительно рязанскими, А. К. Марков систематизировал лишь монеты с надчеканкой тамги, указав на следующие последовательные группы: 1) тамга надчеканена на подлинных джучидских монетах XIV века; 2) тамга надчеканена на подражаниях им; 3) тамга надчеканена на гладких кружках; 4) тамга надчеканена на деньгах Василия Темного⁸.

В 1924 году вопрос о принадлежности буквенных надчеканок на золотоордынских монетах был вновь поднят А. А. Ильиным. Указав на то, что значение этих надчеканок не может считаться выясненным,

¹ А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 515—520 и 893.

² Нумизматический сборник, т. I. М., 1911, стр. 373—379.

³ Г. х. — год хиджры.

⁴ Там же, стр. 375.

⁵ ПСРЛ, VII, стр. 240—241.

⁶ Нумизматический сборник, т. I, стр. 376.

⁷ Там же, стр. 379.

⁸ А. Марков. Русская нумизматика (конспект лекций в Петрогр. Археол. Институте). П., 1915, стр. 37.

А. А. Ильин в то же время безоговорочно признал их рязанскими и имеющими значительную древность, допуская даже, что «впервые на Руси начали чеканить монету в великом княжестве Рязанском»¹.

Через несколько лет после этого, в связи с исследованием эволюции и происхождения различных знаков собственности, в частности в связи с изучением рязанской тамги, Н. П. Лихачев сочувственно процитировал обе гипотезы А. В. Орешникова и свел их в одну, считая, что надчеканки могли быть одновременно и знаками сборщиков дани и первоначальным монетным штампом².

Последняя по времени работа, посвященная рязанскому чекану, принадлежит А. А. Ильину, который в 1940 году выступил с аргументацией своего мнения о приоритете Рязани в возобновлении русской чеканки XIV века³. В основу датировки монетных типов А. А. Ильиным был положен средний вес рязанских монет, сгруппированных по особенностям рисунка тамги. Весовые различия позволили исследователю разбить весь ранний рязанский материал на две группы, одна из которых объединяет монетные типы со средним весом свыше 1,30 гр., в другую входят монетные типы со средним весом ниже 1,20 гр. Первая группа, в которую входят и монеты с буквенными надчеканками, А. А. Ильиным была датирована временем Олега Ивановича (1350—1402), вторая — временем Федора Ольговича (1402—1427). Определяя дату начала рязанской чеканки, А. А. Ильин отмечал, что чеканка в Рязани должна была начаться раньше 1365 года⁴. Вопрос о смысле надчеканок был А. А. Ильиным сознательно обойден из-за его спорности.

Несмотря на то, что А. А. Ильиным в изучение рязанской чеканки впервые был введен ряд очень важных методических приемов, его аргументация не может не вызывать серьезных возражений. Принцип разделения монет между Олегом и Федором не является безупречным, так как резкое падение веса может быть обусловлено только денежной реформой, а последняя совершенно необязательно должна совпасть со сменой князей. Геральдическое обоснование деления материала также сомнительно. Несмотря на большое количество вариантов рязанской тамги, изменения тамги не носят принципиального характера. Отличие тамги монет, приписываемых А. А. Ильиным Олегу, от тамги на монетах Ивана Федоровича заключается лишь в иной манере рисунка, схема же не претерпевает изменений. Поэтому эволюция тамги может выявить последовательность монетных типов, но не должна явиться основой деления их по князьям. Наконец, дата начала чеканки А. А. Ильиным не аргументирована вообще.

Обзор литературы показывает, насколько неясны и запутаны представления о начальном периоде рязанской чеканки, и позволяет выделить две основные проблемы, без решения которых не может быть устранена гипотетичность любого мнения, связанного с историей денежного обращения Рязани второй половины XIV века. Этими основными первоочередными вопросами являются проблемы места и времени помещения первоначальных надчеканок на джучидских монетах.

¹ А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI веков и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 27.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, стр. 161 (без указания места и года издания).

³ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет, вып. I. Л., 1940, стр. 23—24.

⁴ Год начала нижегородской чеканки, по предположению А. В. Орешникова.

Значительные трудности при исследовании этих вопросов создавало отсутствие зарегистрированных кладов с изучаемыми монетами. Многочисленные клады Рязанской земли второй половины XIV — начала XV века в подавляющем большинстве уже погибли для научного исследования. Сведения о них, собранные и кратко опубликованные главным образом Археологической комиссией, в большинстве случаев не позволяют установить даже дату сокрытия отдельных кладов. Во многих случаях клады представлялись в комиссию не в полном виде, а лишь отдельными образцами. Однако уже эти суммарные сведения позволяют делить рязанские клады на две большие хронологически и династически стличные группы. Первая — более ранняя группа — составлена чисто джучидскими кладами, вторая — кладами, состоящими из одних рязанских монет с надчеканкой тамги (иногда с крайне незначительной примесью монет Золотой Орды). Если клады первой группы, не выходящие за пределы правления Токтамыша, хорошо датируются годами чеканки, проставленными на самих монетах, то датировка кладов второй группы детально не разработана; встречающиеся в них джучидские монеты уже не могут служить основанием датировки в силу своей малочисленности. Рязанские монеты этих кладов представляют уже результат некоторого развития денежной чеканки и в обращении не могут сменять непосредственно подлинные джучидские монеты.

В то же время и самая немногочисленность монет с русскими буквенными надчеканками и отсутствие их в находимых до последнего времени кладах позволяют говорить о том, что они изготовлялись в небольшом числе и, повидимому, в течение непродолжительного времени.

Значительный интерес поэтому представляет впервые зарегистрированный клад, содержащий монеты с русскими буквенными надчеканками. Клад был обнаружен 5 мая 1949 года в деревне Дубовке, в двух километрах от поселка Бобрик-Гора Донского района Московской области, на склоне балки Крутовского леса, в одном километре от устья Иваньковского ручья (левый приток Дона). Монеты клада обнаружены при выборке карьера на глубине 0,5 метра, под каменной плитой. Никаких следов сосуда или обертки при них не найдено. По данным музея Подмосковского бассейна, куда клад поступил первоначально, в нем насчитывалось 433 серебряные монеты общим весом 730 граммов¹. Впоследствии клад был передан в Институт истории материальной культуры Академии наук СССР, а оттуда в Государственный Исторический музей². К этому моменту в кладах насчитывалось только 385 монет общим весом 535 граммов. Судьбу недостающих 48 экземпляров установить не удалось. Что касается веса клада, нужно полагать, что в сведения музея Подмосковского бассейна вкралась ошибка. Разница в весе не пропорциональна количеству отсутствующих монет и противоречит сообщению музея об однородности клада.

Разборка клада позволила выделить в нем две группы монет. Основной его частью, имеющей главным образом датирующее значение, являются 344 татарские монеты (343 джучидские и 1 джагатайская) и 7 подражаний джучидским дирхемам. Вторую часть составляют 34 джучидских дирхема и подражания им, несущие татарскую надчеканку, надчеканки русских букв и надчеканки рязанской тамги. 17 монет этой группы несут буквенные надчеканки.

¹ Н. Д. Мед. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945—1952 годы). КС ИИМК, 52. М., 1953, стр. 116.

² ГИМ, ин. № 84750.

Хронологическое распределение монет клада дает следующую картину:

Токта (1291—1313)	— 1	Абдуллах (1362—1369)	—6
Узбек (1313—1342)	— 8	Мухаммед Булак (1369—1385)	—21
Джанибек (1342—1357)	—12	Джанибек III (1375—1376)	—1
Бердибек (1357—1359)	— 1	Анонимн. хорезм. (1380)	—1
Хызр (1359—1361)	— 1	Токтамыш (1378—1395)	—282
Мюрид (1361—1363)	— 2	Махмуд и Тимур (1392—1393)	—1
Азиз-Шейх (1364—1367)	— 1	Бек-Пулад (1390—1396)	—1

Самым ранним в кладах является дирхем Токты 710 г. х. (1310), самыми поздними датированными монетами — джагатайский дирхем Махмуда и Тимура 795 г. х. (1392/3) и дирхем Бек-Пулады 796 г. х. (1393/4). Последняя дата сомнительна, но общей датировки клада она не изменяет.

Распределение монет по ханам позволяет утверждать, что клад не является результатом длительного накопления. Только 53 монеты в нем относятся к периоду, предшествующему правлению Токтамыша, в то время как подавляющее большинство датировано коротким промежуток времени в 13 лет (1380—1393 годы). Дубовский клад дает очень близкую аналогию известным Екатеринославскому и Тетюшскому (1856 года)кладам, позднейшие монеты которых также относятся к 1393 году. Дубовский клад отличается от них значительно меньшими размерами и иным пропорциональным разделением монет по местам чеканки. Пропорциональное распределение монет по ханам во всех трех кладах детально совпадает¹. Дубовский клад принадлежит, таким образом, к числу многочисленных кладов быстрого накопления, непосредственно отражающих монетный состав золотоордынского денежного обращения середины 90-х годов XIV века. Характерной особенностью этого обращения было почти полное отсутствие в нем монет предшественников Токтамыша. Такие монеты в своем подавляющем большинстве ушли в сокровище в эпоху политических смут, предшествовавших правлению этого хана.

Таким образом, уже сам хронологический состав Дубовского клада может с какой-то степенью точности определить дату надчеканок временем правления Токтамыша, перенося предполагаемую дату начала надчеканки монет русскими буквами с первых годов княжения Олега Ивановича на 80-е годы XIV века. С другой стороны, преобладание в кладах буквенных надчеканок (17 экземпляров) над надчеканками тамги (13 экземпляров) говорит о том, что к моменту зарытия клада (около 1393 года) буквенные надчеканки еще преобладали и в обращении.

Однако эти сведения могут носить лишь предварительный характер. Основное значение клада заключается в том, что 17 дирхемов с буквенными надчеканками дают значительное добавление к тем 43 экземплярам, которые были изданы А. К. Марковым. С учетом неизданных экземпляров Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея общее количество таких монет возрастает до 98 экземпляров, что более чем вдвое увеличивает материал для исследования и позволяет изучить сами монеты в их взаимной связи.

Предварительно необходимо остановиться еще на одной возможности типологического деления этих монет, дающей веские основания для

¹ П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 6, 179—181.

изучения хронологии их чеканки. Монеты с надчеканками можно систематизировать не только по самим надчеканкам, но и по особенностям основного штампа монетного кружка. Такое деление позволяет разбить монеты с буквенными надчеканками на две группы: 1) подлинные дирхемы Золотой Орды; 2) подражания им. Из 98 монет с буквенными надчеканками 78 (79,6 процента) являются подлинными дирхемами, 20 (20,4 процента) — подражаниями. В том числе из 17 монет Дубовского клада, снабженных буквенными надчеканками, только 9 (53 процента) — подлинные дирхемы, а 8 (47 процентов) — подражания им. Эти цифры дают возможность утверждать, что переход к изготовлению подражаний дирхемам, столь свойственных рязанскому монетному делу, произошел в период надчеканивания монет буквами. Повидимому, этот переход относится к самому концу 80-х годов XIV века, так как Дубовский клад фиксирует резкое повышение количества подражаний среди надчеканенных буквами монет и в то же время содержит уже монеты с надчеканками тамги, характерными для следующего хронологического периода.

Классификация монет по надчеканкам позволяет разделить последние на 11 типов (рис. 1).

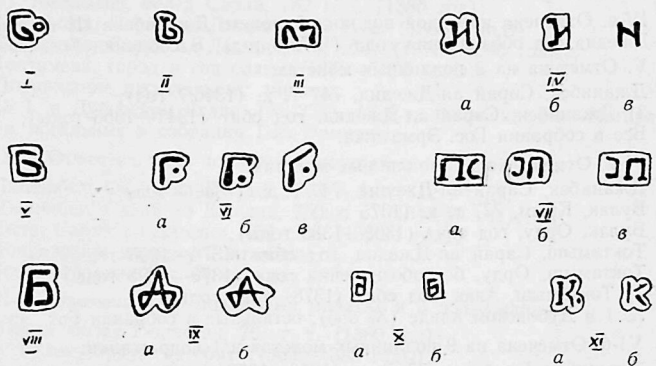

Рис. 1. Типы и варианты надчеканок русских букв

I Надчеканка. Отмечена на 9 подлинных монетах:

- 1) Узбек, Сарай, 731 г. х. (1331 год);
- 2) Абдуллах, Сарай ал-Джедид, 764 г. х. (1362/3 год);
- 3) Булак, Орду, год сбит (1369—1385 годы);
- 4) Токтамыш, Азак, 782 г. х. (1380 год);
- 5—7) Токтамыш, Азак, 786 г. х. (1384/5 год);
- 8) Токтамыш, город и год сбиты (1378—1395 годы);
- 9) Имя хана сбито, Сарай ал-Джедид, год сбит.

№№ 4 и 7 в Дубовском кладе (№№ 354, 355¹), остальные в Государственном Эрмитаже.

¹Здесь и далее — ссылки на номера монет в описи Дубовского клада, хранящейся в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея.

II. Отмечена на 5 подлинных монетах:

- 1) Узбек, Сарай, 715 г. х. (1315/6 год);
- 2) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 743 г. х. (1342/3 год);
- 3) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 751 г. х. (1350/1 год);
- 4) Токтамыш, белед Сарай, 782 г. х. (1380 год);
- 5) Токтамыш, белед Сарай, 790 г. х. (1388 год);

№№ 2 и 3 в Дубовском кладе (№№ 362, 363), остальные в собрании Гос. Эрмитажа.

III. Отмечена на одной подлинной монете Токтамыша из Сарая ал-Махруса 782 г. х. (1380 год.). В собрании Гос. Эрмитажа.

IV-а. Отмечена на 4 подлинных монетах:

- 1—2) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346/7 год);
- 3) Булак, Орду, 773 г. х. (1371 год);
- 4) Булак, Орду, 777 г. х. (1375 год);

Все в собрании Гос. Эрмитажа.

IV-б. Отмечена на 2 подлинных монетах:

- 1) Узбек, Сарай, 734 г. х. (1333/4 год);
- 2) Булак, Орду, год сбит.

Обе в собрании Гос. Эрмитажа.

IV-в. Отмечена на одной подлинной монете Джанибека III из Сарая ал-Джедид без обозначения года (1375/6 год). В собрании Гос. Эрмит.

V. Отмечена на 3 подлинных монетах:

- 1) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346/7 год);
  - 2—3) Джанибек, Сарай ал-Джедид, год сбит (1341—1356 годы);
- Все в собрании Гос. Эрмитажа.

VI-а. Отмечена на 7 подлинных монетах:

- 1) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346/7 год);
- 2) Булак, Крым, 777 г. х. (1375 год);
- 3) Булак, Орду, год сбит (1369—1385 годы);
- 4) Токтамыш, Сарай ал-Джедид, год сбит (1378—1395 годы);
- 5) Токтамыш, Орду, без обозначения года (1378—1395 годы);
- 6—7) Токтамыш, Азак, год сбит (1378—1390 годы).

№ 1 в Дубовском кладе (№ 356), остальные в собрании Гос. Эрмит.

VI-б. Отмечена на 9 подлинных монетах и 1 подражании:

- 1) Джанибек, Гюлистан, 75х г. х. (1350—1356 годы);
- 2) Джанибек. Сарай ал-Джедид, год сбит (1342—1356 годы);
- 3) Абдуллах, Орду, 770 г. х. (1368/9 год);
- 4) Токтамыш, Орду ал-Муаззам, 783 г. х. (1381/2 год);
- 5) Токтамыш, Орду ал-Муаззам, 785 г. х. (1383/4 год);
- 6) Токтамыш, Орду ал-Джедид, 785 г. х. (1383/4 год);
- 7) Токтамыш, Орду ал-Махруса, 78х г. х. (1380—1387 годы);
- 8) Токтамыш, Азак, год сбит (1378—1390 годы);
- 9) Токтамыш, Сарай ал-Джедид, год сбит (1378—1395 годы);
- 10) Подражание дирхему Булака.

№№ 7 и 9 в Дубовском кладе (№№ 357, 358), остальные в собрании Гос. Эрмитажа.

VI-в. Отмечена на 1 подлинной монете и 1 подражании:

- 1) Булак, Орду, 773 г. х. (1371 год);
- 2) Подражание дирхему Токтамыша.

№ 1 в собрании Гос. Эрмитажа, № 2 в собрании Гос. Историч. музея.

VII-а. Отмечена на одной подлинной монете Токтамыша из Азака 783 г. х. (1381 г.). В Дубовском кладе (№ 361).

VII-б. Отмечена на 5 подлинных монетах:

- 1) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 746—748 г. х. (1345—1348 годы);
- 2) Джанибек, Гюлистан, 752—753 г. х. (1351—1352 годы);
- 3) Джанибек, город и год сбиты (1346—1356 годы);
- 4) Мюрид, Гюлистан, 764 г. х. (1362/3 год);
- 5) Токтамыш, Азак, 782 г. х. (1380 год).
№№ 4 и 5 в Дубовском кладе (№№ 359, 360), остальные в Гос. Эрмит.

VII-в. Отмечена на 3 подлинных монетах и 1 подражании:

- 1) Токтамыш, Шемаха, 790 г. х. (1388 год);
- 2—3) Токтамыш, Азак, год сбит (1378—1390 годы);
- 4) Подражание дирхему Джанибека.
№ 1 в собрании Гос. Историч. музея, остальные в Гос. Эрмитаже.

VIII. Отмечена на 8 подлинных монетах и 1 подражании:

- 1) Абдуллах, Орду, 770 г. х. (1368/9 год);
- 2) Булак, Орду, 777 г. х. (1375 год);
- 3) Токтамыш, Сарай, 782 г. х. (1380 год);
- 4—5) Токтамыш, белед Сарай, 782 г. х. (1380 год);
- 6) Токтамыш, Сарай ал-Джедид, 787 г. х. (1385/6 год);
- 7) Токтамыш, Сарай ал-Джедид, год сбит (1378—1395 годы);
- 8) Токтамыш, город и год сбиты (1378—1395 годы);
- 9) Подражание джучидскому дирхему.
№ 1 в Дубовском кладе (№ 353), № 9 в собрании Гос. Историч. музея, остальные в собрании Гос. Эрмитажа.

IX-а. Отмечена на 3 подлинных монетах и 1 подражании:

- 1) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 743 г. х. (1342/3 год);
- 2) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 750 г. х. (1349/50 год);
- 3) Хызр, Сарай ал-Джедид, 762 г. х. (1360/1 год);
- 4) Подражание дирхему Токтамыша.
Все в собрании Гос. Эрмитажа.

IX-б. Отмечена на 9 подлинных монетах и 3 подражаниях:

- 1) Мюрид, белед Гюлистан, 761 г. х. (1360 год);
- 2—3) Булак, Орду, год сбит (1369—1385 годы);
- 4) Токтамыш, Азак, 782 г. х. (1380 год);
- 5) Токтамыш, белед Азак, 782 г. х. (1380 год);
- 6—7) Токтамыш, Орду, год сбит (1378—1395 годы);
- 8—9) Токтамыш, город и год сбиты (1378—1395 годы);
- 10) Подражание дирхему Джанибека из Сарая ал-Джедид;
- 11) Подражание дирхемам Бердибека (Л. С.) и Булака из Орду 777 г. х. (О. С.);
- 12) Подражание дирхему Токтамыша.

№ 11 в Дубовском кладе (№ 368), № 8 в собрании Гос. Историч. музея, остальные в собрании Гос. Эрмитажа.

X-а. Отмечена на 4 подлинных монетах и 1 подражании:

- 1) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 743 г. х. (1342 год);
- 2) Токтамыш, белед Сарай, 782 г. х. (1380 год);
- 3—4) Токтамыш, город и год сбиты (1378—1395 годы);
- 5) Подражание дирхему Токтамыша из Сарая.
№ 5 в Дубовском кладе (№ 369), остальные в собрании Гос. Эрмит.

X-б. Отмечена на 2 подлинных монетах и 5 подражаниях:

- 1) Кильдибек, Азак, 763 г. х. (1361/2 год);
  - 2) Токтамыш, город и год сбиты (1378—1395 годы);
  - 3) Подражание дирхему Булака;
  - 4—6) Подражания дирхемам Токтамышя;
  - 7) Подражание джучидскому дирхему.
- Все в собрании Гос. Эрмитажа.

XI-а. Отмечена на 1 подлинной монете и 5 подражаниях:

- 1) Джанибек, Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346/7 год);
- 2) Подражание дирхемам Джанибека (Л. С.) и Узбека (О. С.);
- 3—5) Подражания дирхемам Джанибека (Л. С.) и Булака (О. С.);
- 6) Подражание дирхемам Бердибека (Л. С.) и Булака (О. С.).

№№ 1 и 5 в собрании Гос. Эрмитажа, № 6 издан Н. П. Лихачевым¹, остальные в Дубовском кладе (№№ 364, 365, 366).

XI-б. Отмечена на 1 подражании дирхемам Джанибека (Л. С.) и Булака (О. С.) в Дубовском кладе (№ 367).

Сравнение надчеканок описанных монет показывает, что их разнообразие не исчерпывается одиннадцатью разновидностями, представляющими различные типы. Надчеканки некоторых типов сделаны разными пунсонами, а всех пунсонов, которые могут быть отмечены к настоящему времени, было двадцать. Эта многочисленность пунсонов может быть объяснена трояко, причем все объяснения являются взаимоисключающими:

1) она может подтверждать мнение А. В. Орешникова и А. К. Маркова о множественности центров причеканки и укладываться в узкие хронологические рамки, так как для нескольких центров пунсонов в общем не так уж много;

2) она может при допущении единого центра причеканки служить указанием на длительность употребления буквенных надчеканок, так как для одного центра их много;

3) наконец, с учетом недолговременности этого обычая она может указывать на несовершенство технического процесса надчеканки и в связи с этим на быструю смену пунсонов.

Для проверки всех этих трех предположений наиболее важным является вопрос о хронологических рамках причеканки букв.

Время надчеканки в какой-то степени определяется датами подлинных надчеканенных монет. Эти даты уже обращали на себя внимание исследователей, однако они рассматривались суммарно, и выясненная А. В. Орешниковым поздняя дата буквенных надчеканок — 1388 год — определяет только время прекращения буквенного надчеканивания. Внутренняя хронология надчеканивания может быть вскрыта только изучением поздних дат в каждой отдельно взятой разновидности надчеканок. Такое изучение дало следующий результат:

I — 1384/5 год	— 9 экз.	VII-а — 1381 год	— 1 экз.
II — 1388 год	— 5 экз.	VII-б — 1380 год	— 5 экз.
III — 1380 год	— 1 экз.	VII-в — 1388 год, подр.	— 4 экз.
IV-а — 1375 год	— 4 экз.	VIII — 1385 год, подр.	— 9 экз.
IV-б — 1369—1385 годы	— 2 экз.	IX-а — 1361 год, подр.	— 4 экз.
IV-в — 1375/6 год	— 1 экз.	IX-б — 1380 год, подр.	— 12 экз.
V — 1341—1356 годы	— 3 экз.	X-а — 1380 год, подр.	— 5 экз.
VI-а — 1378—1395 годы	— 7 экз.	X-б — 1378—1395 годы, подр.	— 7 экз.
VI-б — 1383/4 год, подр.	— 10 экз.	XI-а — 1346/7 год, подр.	— 6 экз.
VI-в — 1371 год, подр.	— 2 экз.	XI-б — подр.	— 1 экз.

¹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 160, рис. 145.

Даты подлинных надчеканенных монет показывают, что из 20 буквенных пунсонов 12 (№№ I, II, III, VI-a, VI-б, VII-a, VII-б, VII-в, VIII, IX-б, X-a, X-б), употреблялись на монетах 80-х годов XIV века, а из остальных 4 (№№ VI-в, IX-a, XI-a, XI-б) употреблялись в конце этого десятилетия, так как ими надчеканивались уже подражания дирхемам. Более того, по крайней мере 5 пунсонов (№№ I, II, VI-б, VII-в, VIII), а с учетом подражаний 12 пунсонов (указанные и №№ VI-в, IX-a, IX-б, X-a, X-б, XI-a, XI-б) датируются второй половиной 80-х годов XIV века. Эта хронологическая близость большинства пунсонов не позволяет значительно удлинять в глубь XIV столетия возможный период буквенного надчеканивания. Действительно, из остальных пунсонов №№ IV-a и IV-в употреблены на монетах 1375—1376 годов, № IV-б, помещенный на монетах со сбитым годом, употреблялся еще позднее, чем пунсон № IV-a, так как он является не чем иным, как дефектным вариантом последнего, образовавшимся за счет выпадения в процессе производства одной из мачт буквы «Н» пунсона IV-a. Наконец, пунсон № V, известный на монетах середины XIV века, встречается настолько редко, что не может быть датирован годами подлинных монет.

Многочисленность надчеканок, несомненно употреблявшихся в 80-х годах, сама по себе могла бы служить хронологическим указателем и для спорных надчеканок, так как трудно предположить разные закономерности темпа смены пунсонов для 80-х годов и более раннего времени. Если из 20 пунсонов 12 относятся ко второй половине 80-х годов, 16 — к 80-м годам вообще, то и отдельные пунсоны не могут далеко отстоять от этой даты или даже выходить за ее пределы, если только они не принадлежат иному центру чеканки.

Поэтому для дальнейшего хронологического уточнения важно решение вопроса о месте надчеканивания джучидских монет. Сами по себе надчеканки не дают никаких оснований для отнесения отдельных их видов к тому или иному городу или к тем и иным городам. Разница мнений А. В. Орешникова и А. К. Маркова по этому вопросу наглядно демонстрирует бесплодность истолкования надчеканок, взятых вне связи с надчеканенными ими монетными кружками и местом их находок. Последние достаточно основательно связываются с Рязанской землей вообще. На эту связь указывают и технические особенности монет, аналогичные особенностям позднейших, безусловно рязанских, монет, и единственная их находка в пределах Рязанской земли. Однако эти приемы локализации монет не дают возможности более детально уточнить место их надчеканивания. Более плодотворным оказалось исследование надчеканенных подражаний дирхемам. Сравнение надчеканенных подражаний с подражаниями, лишенными надчеканок, убеждает в значительной разнице стили тех и других, в принципиальном отличии манеры их выполнения. Подражания джучидским монетам еще ждут своего

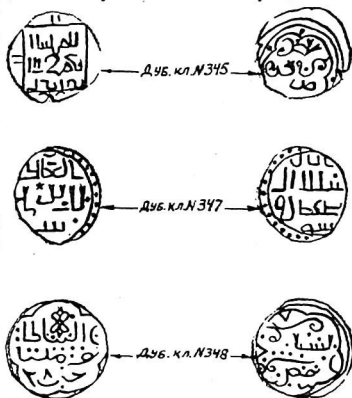

Рис. 2. Ненадчеканенные подражания джучидским дирхемам

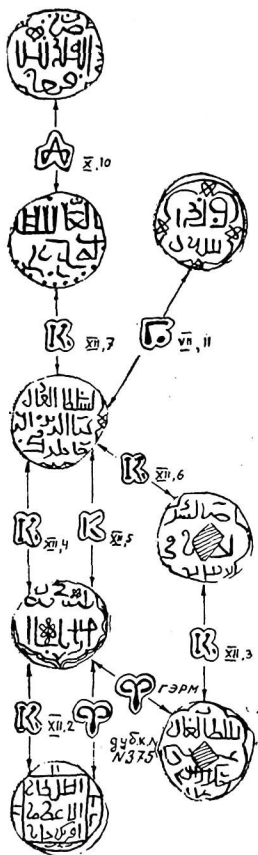

Рис. 3. Схема соотношения штампов надчеканенных подражаний джучидским дирхамам

исследования. Это исследование во многом зависит от нового накопления топографических сведений о местах находок отдельных видов подражаний, однако уже сейчас предварительная типологическая классификация их, выделяющая отдельные серии, пока не связанные с отдельными центрами изготовления, возможна. Что касается подражаний с надчеканкой русских букв, то они тесно связаны между собой стилистически и не имеют близких аналогий среди лишенных надчеканкой подражаний (ср., например, образцы таких монет из Дубовского клада, рис. 2 и 3)¹. Это может говорить лишь о том, что изготовление подражаний и снабжение их надчеканкой были двумя этапами единого технического процесса изготовления монеты, подобно тому как в последующие десятилетия в едином процессе изготавливаются рязанские монеты с надписью «Печать великого князя» и тут же снабжаются надчеканкой тамги. Эта особенность может быть показана на примере 5 экземпляров подражания дирхему Джанибека из Сарая ал-Джедид 743 г. х. (2 экземпляра в Дубовском кладе, 3—в собрании Гос. Эрмитажа), изготовленных одной парой основных штампов и снабженных надчеканкой тамги одного пунсона.

Стилистическая и техническая близость всех надчеканенных подражаний заставила произвести более детальное сравнение между собой их штампов. В ряде случаев при этом выяснилось, что монеты, снабженные разными надчеканками, имеют общие штампы лицевой или оборотной стороны. Как это видно из графической схемы (рис. 3), по общности штампов связались между собой 10 подражаний с надчеканками 5 различных пунсонов, из которых один является уже надчеканкой рязанской тамги. Взаимосвязь основного штампа с надчеканкой тамги с основным штампом монет, надчеканенных буквами, определяет и буквенные надчеканки как рязанские. Таким образом, предположение А. К. Маркова и А. В. Орешни-

кова о принадлежности различных типов буквенных надчеканок к различным центрам должно быть снято. Употреблявшиеся на одном монетном дворе буквенные надчеканки могут быть объяснены, повиди-

¹ Подражания дирхамам с буквенными надчеканками очень точно копируют джучидские образцы; анахронистическим в них обычно является соединение сторон разных типов дирхема в одном экземпляре. Тарабарские подражания арабским надписям, обычные для подражаний, лишенных надчеканок, для них совершенно нехарактерны.

тому, только как знаки денежных мастеров. Многочисленность вариантов этих надчеканок происходит, вероятно, от технического несовершенства чеканки, благодаря которому пунсоны в процессе производства быстро снашивались и заменялись новыми. Мастеров было, повидимому, не 20 (количество разных пунсонов) и не 11 (количество их типов), а гораздо меньше, так как некоторые типы пунсонов передают один и тот же инициал. Так, надчеканки №№ I, V, VIII, X и, вероятно, II изображают букву Б; этот инициал объединяет 6 пунсонов. Надчеканки №№ III и IV изображают букву Г, объединяющую 4 пунсона. Наконец, остальные надчеканки — №№ IV, VII, IX, XI изображают инициалы Н, ПС, Д и К и объединяют соответственно по 3, 3, 2 и 2 пунсона. Повидимому, большинство мастеров работало на Рязанском монетном дворе одновременно. Так, из шести предполагаемых мастеров лишь один — с инициалом Н — ставил свою надчеканку только на подлинных дирхемах, остальные использовали и подражания, что указывает на их деятельность во второй половине 80-х годов. Графическая схема подтверждает одновременность работы мастеров с инициалами Г, Д и в течение некоторого периода — К, который затем работает один.

Одним из важных выводов, которые могут быть сделаны на основании приведенной графической схемы, является вывод о хронологическом соотношении буквенных надчеканок и надчеканок тамги. Схема показывает, что эти типы надчеканок употреблялись не одновременно, и в то же время надчеканка тамги непосредственно сменяет буквенные надчеканки. Таким образом, дату окончания употребления буквенных пунсонов можно считать в то же время датой начала надчеканкивания тамгой. Поскольку 1388 год не является конечным годом проникновения на территорию Рязанской земли джучидских дирхемов, этот год или 1389 год следует считать временем прекращения буквенного надчеканкивания и перехода к надчеканкиванию тамги.

Конкретный процесс развития рязанской чеканки в ее начальный период можно представить следующим образом. В начале 80-х годов XIV века в Рязани начинают помещать первые буквенные надчеканки на подлинных джучидских монетах. Пунсоны надчеканок непрочны и в процессе производства быстро сменяют друг друга. Так в той или иной последовательности выбывают из строя пунсоны надчеканок №№ I—V. Во второй половине 80-х годов в Рязани началось изготовление собственных монетных кружков с основными штампами, копирующими наиболее распространенные типы ходячих джучидских монет. Эти подражания снабжаются буквенными надчеканками №№ VI—XI, из которых позднейшими являются надчеканки №№ VI, IX, XI. В процессе производства подражений штампы лицевых и оборотных сторон комбинируются различными способами, благодаря чему отмечается взаимосвязь сторон отдельных монет. Одновременно такими же надчеканками снабжаются и подлинные джучидские дирхемы. Около 1388—1389 годов применение пунсонов буквенных надчеканок прекращается, их сменяют пунсоны с надчеканкой геральдического знака рязанских князей. Изготовление подражений увеличивается, однако продолжается и надчеканкивание подлинных монет, позднейшие из которых датируются 1395 годом. Классификация А. К. Маркова и А. А. Ильина, проводящая отличие во времени надчеканки подражений и подлинных монет, таким образом, оказывается неверной.

Если смысл надчеканки тамги не вызывает каких-либо недоумений, то значение буквенных надчеканок более загадочно. Эти надчеканки не могут отмечать какие-либо серии, отличные по весу, так как вес монет

с буквенными надчеканками не отличается от веса подлинных джучидских монет. Предположение А. В. Орешникова и А. К. Маркова о значении надчеканок как значков различных монетных дворов также оказывается несостоятельным.

Единственное объяснение, которое им может быть дано, — это признание их роли как знаков денежных мастеров.

Таким образом, введение надчеканки русских букв не носит экономического характера. Привлечение данных политической истории великого княжества Рязанского в 80-х годах XIV века позволяет объяснять это явление как реформу, служившую выражением политики великого князя Олега.

Великий князь рязанский Олег Иванович в истории русско-татарской борьбы второй половины XIV века играл двойственную роль, колеблясь между татарами и Москвой. Двойственность его политики объяснялась не особыми симпатиями к золотоордынским ханам, а положением Рязанской земли между молотом и наковальней, заставлявшим беспринципного политика Олега «симпатизировать» силе, лавируя, а иногда и прямо изменяя той или другой стороне. В 80-х годах в политике Олега различаются два этапа. С 1382 года по 1387 год Олег активно помогает Токтамышу в его борьбе с Москвой. Куликовская битва, продемонстрировавшая татарам военную и политическую зрелость Руси, объединенной Москвой, не могла не усилить в глазах татар значения рязанской поддержки и не дискредитировать в глазах Олега традиционного представления о непобедимости Золотой Орды. Ослабление последней привело Олега в 1387 году к резкому повороту политики в сторону союза с Москвой. Союз с Дмитрием Ивановичем скрепляется женитьбой сына Олега — Федора на дочери московского великого князя Софье Дмитриевне. Тогда же бежит из Орды сын Олега Родослав, находившийся там в качестве заложника. Летопись сообщает, что новый политический союз Олега не был пассивным: с 1387 по 1394 год татары совершили несколько набегов на рязанские земли, после чего Олег сам совершает победоносный поход на татар.

Изменения в политике Олега вполне совпадают с выясненными выше датами этапов развития денежной чеканки. Появление на монетах княжеской тамги происходит, вероятно, после разрыва с Золотой Ордой и является отражением стремления к политической самостоятельности Рязани. Известно, как последовательно охранялась в средние века привилегия использовать монеты для выражения политической независимости путем помещения на них имени или знака правителя. Эта привилегия особое развитие получила в Золотой Орде, где ханы, приходившие к власти на 1—2 месяца, успевали сообщить об этом выпуском монет со своим именем. Это отмечается и в международных договорах татарских ханов. Так, Никоновская летопись под 1399 годом содержит рассказ о походе литовского князя Витовта против Тимур-Кутлука, во время переговоров с которым «Витовт восхоте по всей Орде быти на денгах Ординских знамение Витовтово». Когда по прибытии к Тимур-Кутлуку Едигей переговоры возобновились, то уже Едигей потребовал у Витовта, «чтобы во всем твоём княжении на твоих денгах Литовских моему Ординскому знамению быти».

Признававший себя до 1387 года вассалом Токтамышя, Олег не мог претендовать на помещение на монетах своего знаменья, выражающего политическую независимость, однако причеканка им на монетах этого времени русских букв указывает, что первые шаги к независимости чеканки были сделаны. Причеканку букв можно рассматривать как

завоевание Олегом права подтверждать чистоту и вес монеты, выпущенной в Золотой Орде.

Установление даты начала чеканки рязанских монет еще не решает вопроса о том, где же впервые на Руси началась чеканка собственной монеты в XIV веке. Вопрос о начале московской чеканки еще не решен настолько, что А. К. Марков, например, не видел возможности датировать первые московские монеты ранее 1384 года, а А. А. Ильин связывал начало чеканки с победой на Куликовом поле. Однако ряд фактов, содержащихся в Дубовском кладе, позволяет решить вопрос о приоритете в пользу Москвы. Известны технические различия между московской и джучидской чеканкой: московские деньги чеканились на проволоке, для татарских использовались заранее приготовленные кружки. Эти различия постоянны и традиционны. Тем не менее среди монет клада, а затем и в коллекции ГИМ было обнаружено несколько дирхемов, чеканенных в Орде (ханской ставке, не имевшей постоянного места) в течение нескольких лет после 1382 года чисто русской техникой. В этих монетах можно видеть образцы продукции московских денежников, увезенных в Орду во время взятия Москвы Токтамышем в 1382 году. Таким образом, к этому времени в Москве уже сложились технические приемы чисто русской чеканки. Анализ письменных документов показывает также, что новая денежная терминология — денга, алтын — после Куликовской битвы бытует как укоренившаяся. Эти факты датируют начало московской чеканки временем, предшествующим победе Дмитрия над татарами.

Н. Д. МЕЦ

МОСКОВСКАЯ ДЕНЬГА НОВГОРОДСКОГО ТИПА

Обычно на новгородских деньгах изображались две человеческие фигурки. Одна, в одежде несколько ниже колен, стоит или сидит, повернувшись вправо. На ней зубчатый венец, на плече жезл. Перед ней стоит другая—нагая фигурка в «просительной» позе. Она преподносит коронованной фигурке дар в виде овала или столбика из кружочков. Есть монеты, где дар не изображен и фигурка только протягивает руку.

Надписи оборотной стороны (в зависимости от времени чеканки) троякого рода: «Великого Новгорода», «Деньга Великого князя» и «Печать Великого князя».

Вопрос о том, что изображали новгородцы на своих монетах, интересовал многих исследователей. Последняя работа на эту тему вышла в 1948 году¹. Автор ее, А. В. Арциховский, критически рассмотрев мнения предшественников, признает наиболее правомерной точку зрения П. Л. Гусева, видевшего в изображении коронованной фигурки «символического властелина Великого Новгорода» — святую Софию. А. В. Арциховский дополнил и подтвердил новыми доказательствами это предположение П. Л. Гусева. Сопоставляя изображение Софии на храмовой иконе Новгородского Софийского собора с изображением главной (коронованной) фигурки на монетах, А. В. Арциховский находит, что на последних София «изображена с точностью, которая допускалась малыми размерами монет».

Действительно, на иконе София представлена «огнезračным» (с красным лицом) ангелом с длинными волосами, спускающимися до плеч в виде локонов, в зубчатом венце, с жезлом в правой руке и свернутым свитком—в левой. Она сидит на престоле с овальной подушкой; ноги ее покоятся на камне; облачена София в царский далматик с бармами и омофором. На монетах имеются все основные атрибуты Софии: зубчатый венец, жезл, далматик, часто престол и даже иногда крылья. Дужки по бокам Софии, принимавшиеся за ручки кресла, на мой взгляд, изображают подушку. На иконе престол без ручек, на нем лежит овальная подушка (двойная мутака). Подушки на престоле изображены на твердых печатях к договорным грамотам Новгорода с Тверскими князьями

¹ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. Известия Академии наук СССР, серия истории и философии. 1948, т. V, № 1, стр. 99—106.

1305 и 1327 годов и др.¹ Контур подушки и престола на них тот же, что и на новгородских монетах.

В отличие от этих обычных новгородских монет в собрании Государственного Исторического музея хранится монета не описанного до сих пор типа: на лицевой стороне ее, подражающей новгородским монетам, кроме Софии и нагого чело-вечка, изображен змий, извивающийся кольцом за спиной Софии (рис. 1).

Оборотная сторона имеет четырехстрочную надпись (рис. 2).

Как по этой надписи, так и по стилю изображения (высокий рельеф, мягкая, плавная линия силуэтов и вообще высокое мастерство выполнения) денга должна принадлежать великому княжеству Московскому.

Рис. 1. Московская денга новгородского типа и прорись ее лицевой стороны

••• | СИМЪ | ВАСИЛЕ | НН •

Рис. 2. Реконструкция надписи на оборотной стороне

Московских денег, подражающих новгородским монетам, всего два типа. Один—со змием—публикуется в настоящей статье; другой—обычный, без змия,—издан А. В. Орешниковым², который относит его к чекану Василия Темного. Среди монет Василия Темного оба эти типа стоят особняком и с прочими его монетами штемпелем лицевой и оборотной сторон не связаны, тогда как другие монеты этого князя составляют единую сложную систему взаимоотношения штемпелей лицевых и оборотных сторон³. В собрании Государственного Исторического музея семь монет типа, изданного А. В. Орешниковым, весят 0,81, 0,79, 0,78, 0,77, 0,76, 0,76, 0,74 грамма, что дает средний вес в 0,77 грамма. По схеме понижения среднего веса монет удельного периода, составленной Орешниковым — Чижовым, эти монеты должны быть помещены между 1420—1434 годами⁴. За этот промежуток времени вес монет падает от 0,80 до 0,58 грамма. Следовательно, наши монеты средним весом в 0,77 грамма относятся к началу этого периода, то есть они подражают ранним новгородским монетам.

Это в свою очередь указывает, с одной стороны, на появление типа сидящей Софии до 1434 года, что находит также подтверждение и в подражаниях новгородским монетам с сидящей Софией среди монет Юрия Дмитриевича Галицкого, умершего в 1434 году⁵. С другой стороны, появление типа со змием за спиной коронованной фигурки⁶ должно быть отнесено тоже на счет ранних новгородских монет до нас не дошедших,

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Таблицы и объяснительный текст. Рукопись в ИИМК, табл. VI, № 8, 9, 10, табл. X, № 13, табл. XIII, № 1, 2.

² А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 565, рис. 411.

³ О принципе изучения монет по их штемпелям см.: И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике. КС ИИМК, вып. XXXIX. 1951, стр. 69—75.

⁴ См. А. В. Орешников. Материалы к русской нумизматике. Труды Моск. Нумизм. об-ва, т. II, вып. 1. М., 1899, стр. 11. С. И. Чижов. Дроздовский клад русских денег времени вел. князя Василия Дмитриевича. РАИМК, Труды Нумизматической комиссии, вып. III. Пб., 1922.

⁵ А. В. Орешников. Русские монеты. № 705, рис. 556—558.

⁶ О весе монет со змием приходится судить по аналогии с типом, изданным А. В. Орешниковым, так как из трех монет, хранящихся в ГИМ, две обломаны, а третья настолько стерта, что рисунок угадывается.

как не дошли, за незначительным исключением, монеты с изображением крыльев у Софии¹. Действительно, мы не знаем достоверно датированных ранних новгородских монет. Все известные мне клады, в которых новгородские монеты сопровождаются другими датирующими монетами, относятся ко времени не ранее конца XV века. Их 28, и только четыре—времени Ивана III². Из остальных 17 — Василия Ивановича³, 6—Ивана IV⁴ и 1—Василия Шуйского⁵, причем монеты Василия Темного в этих кладах — все второй половины его княжения. Монеты первой половины княжения Василия Темного встречаются только в кладах первой трети XV века⁶. Новгородских монет в них нет, хотя единичные экземпляры различных княжеств встречаются, несмотря на то, что в это время монеты имели хождение только в пределах своих княжеств. Отмеченное Новгородской летописью под 1447 годом предпринятие по переливке старых денег («Посадник и тысяцкий и весь Новгород уставиша 5 денежников и начаша переливати старыя денги, а новыя ковати») ⁷ безусловно повлияло на количество сохранившихся ранних новгородских монет⁸. Тем большую ценность приобретают те единичные экземпляры монет, по которым мы можем судить о первоначальном виде новгородок. С этой точки зрения посмотрим на нашу монету «со змием». Не противоречит ли наличие на ней змея изображению Софии?

В античной мифологии змея была посвящена Афине-Палладе и являлась важнейшим атрибутом ее изображения, олицетворяя мудрость богини. Само слово «София» по-гречески означает «мудрость». «София», «божественная мудрость», является образным понятием из позднеантичной неоплатонической философии, вошедшим в сонм существ, почитаемых христианской церковью⁹. Змий, как символ мудрости, также не чужд христианству. Известны изречения: «Змия бе мудреиши всех зверии» (Быт. III, I, по списку XIV века), «будьте мудры как змии» (Евангелие от Матфея, глава 10, стих 16).

Наиболее ценный материал для разрешения поставленного вопроса дало изучение иконографии Софии. Случайно сохранились описание и прорисовка иконы Софии московской церкви Благовещения на Бережках¹⁰. Именно эта икона дала возможность говорить о связи Софии со змием. Она была написана по распоряжению киевского митрополита

¹ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах, стр. 102.

² А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. РАИМК, Труды Нумизматической комиссии, вып. V. Л., 1924. Клады № 16—18 и 109.

³ Там же, клады № 8, 10, 12, 15, 22, 24, 32, 33, 61, 62, 64, 95, 152, 153. Н. Д. Мец. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов Нумизматического сектора ГИМ. КС ИИМК, вып. 24. М.—Л., 1949. Клад. № 1. Н. Д. Мец. Сообщение о кладах, зарегистрированных ГИМ за 1945—1952 гг. КС ИИМК, вып. 52. М.—Л., 1953, клады № 28, 40.

⁴ А. А. Ильин. Топография кладов, № 14, 19, 21, 23, 66, 97.

⁵ Н. Д. Мец. Сообщение о кладах, № 32.

⁶ А. А. Ильин. Топография кладов, № 31, 52, 56.

⁷ ПОРЛ, т. IV, ч. I. Пг., 1915, стр. 442.

⁸ В свое время мысль о том, что ранние новгородки не дошли до нас, высказывал И. И. Кауфман, впрочем, ничем не аргументируя ее. Он использовал эту мысль для доказательства своей теории чеканки трех московских денег из двух татарских. Подробно этот вопрос разбирает С. И. Чижов в «Азбабском кладе» (Труды Эредарительного комитета XV археологического съезда в Новгороде, т. I. М., 1911, стр. 97—136).

⁹ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах, стр. 104.

¹⁰ Икона сгорела в Гулицком монастыре в числе других памятников древнерусского искусства.

Варлаама Ясинского и им же по предположению Г. Д. Филимонова прислана в Москву. На ней София изображена стоящей на полумесяце. Под ногами ее — семиглавый дракон огненного цвета (Г. Д. Филимонов неверно описывает его как «олицетворение семи смертных грехов в виде фантастических зверей»). В правой руке — жезл-кадуцей, оканчивающийся двумя змеями, обращенными головами друг к другу¹. В этой фигуре Г. Д. Филимонов видит как «воспоминание центральной фигуры Софии Новгородской», так «и еще древнейшие олицетворения символа мудрости небесной»².

П. Г. Лебединцев³ приводит свидетельство Павла Алеппского, который видел также изображение дракона на храмовой иконе Софии в Киевском Софийском соборе⁴.

Непонятные образы античной и византийской символики—образ самой Софии был неясен русским людям уже в XVI веке, о чем свидетельствует сочинение Зиновия Отенского⁵, — приспособлялись к христианской. Первоначально змея, возможно, рисовалась рядом с Софией, олицетворяя ее мудрость, как мы видим на монете новгородского типа. Затем она превратилась в семиглавого дракона, осмысливаясь как апокалиптический образ, который в свою очередь упрощается помещением дракона в композицию воинствующих на церковь. Сама София также проходит ряд превращений⁶. Присутствие змея (дракона) в иконографии Софии указывает на полную правомерность его изображения на монетах рядом с Софией. Это лишний раз подтверждает правильность толкования коронованной фигурки как изображения Софии. Таким образом, издаваемая монета открыла пока самый ранний вариант изображения святой Софии, в связи с чем детали ее более поздней иконографии получили новое толкование. Отсюда по-новому встает вопрос об истоках изображения Софии⁷. Кроме того, московские подражания новгородским монетам, соответствующие раннему типу новгородской денги, имеют с ними одинаковый вес. Это является одним из важнейших аргументов в пользу мнения о заимствовании новгородцами московской весовой нормы.

¹ Г. Д. Филимонов. Очерки русской христианской иконографии. София Премудрость Божия. Вестник О-ва древнерусского искусства. М., 1876, № 1, стр. 17.

² Там же, стр. 18.

³ П. Г. Лебединцев. София Премудрость Божия. «Киевская старина», декабрь 1884, стр. 564.

⁴ Полный русский перевод «Путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию» был издан в 1896—1898 годах (Чтения в ОИДР). В нем значится просто «геенна». П. Г. Лебединцев, писавший в 1884 году, пользовался неизвестным мне источником.

⁵ А. И. Никольский. София Премудрость Божия. Вестник археологии и истории, вып. 17. СПб., 1906, стр. 71—72.

⁶ Г. Д. Филимонов. Указ. соч., стр. 3.

⁷ Учитывая, что изображению Софии сопутствует змея, нельзя ли предположить ее связь с культом змеи, связанным в свою очередь с культом коня? (См. работу С. П. Толстова о змеином культе — «Дрезний Хорезм». М., 1948, стр. 281—338). Исходя из этого, а также из присущего только Руси изображения Софии в образе женской фигуры, нельзя ли предположить ее связь с русским язычеством? На связь богоматери — Оранты с великой богиней природы Берегиней указывал Б. А. Рыбаков. (История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., Акад. наук СССР, 1954, стр. 433—434). Существует мнение, отождествляющее Оранту Софийского собора с Софией.

Е. С. ЩУКИНА

РЕЗЧИКИ МОНЕТНЫХ ШТЕМПЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА ФЕДОР БАЙКОВ И ЮРИЙ ФРОБУС

Исследователи русского медальерного искусства обычно рассматривали его историю начиная с XVIII века в отрыве от монетного дела второй половины XVII века, когда и были заложены основы для развития медальерного искусства в России.

А. В. Орешников, неоднократно обращавшийся в своих трудах к этому роду вопросам, в статье «Василий Андреев — резчик монетных штампов»¹ привел интересные сведения о мастере-серебреннике, работавшем при Патриаршем дворе в конце XVII века. Письменные источники и наличие монограмм мастера на нескольких его работах помогли А. В. Орешникову определить круг его деятельности. Андреев работал больше как резчик по меди и серебру, но им же были сделаны патриаршая печать на 1698 год и пробные штемпели полтины Петра I 1699 года.

Работа Андреева над штемпелями должна быть отнесена к области медальерного искусства, зарождавшегося в России во второй половине XVII века и вызванного к жизни новыми потребностями монетного производства.

К имени Андреева можно присоединить еще имена двух мастеров-резчиков, начавших работать раньше его, в третьей четверти XVII века, в той же области создания крупной русской монеты. Появление имен резчиков монетных штемпелей в документах середины XVII века связано с попытками Алексея Михайловича выпустить крупную золотую, серебряную и медную монеты. Новые начинания в монетном деле требовали, помимо новой техники, новых кадров мастеров-резчиков, перед которыми возникали теперь чисто художественные задачи. До того в денежном деле долгое время существовали исключительно неблагоприятные условия для развития медальерного искусства. Мастерам-резчикам второй половины XVII века приходилось самостоятельно разрабатывать производство нового для них типа крупной монеты, так как в прошлом русского монетного дела им не на что было опереться.

Опыт чеканки крупной монеты потребовал разрешения художественных, чисто медальерных, вопросов и подготовил материал для последующей чеканки медалей. Начиная со второй половины XVII века, пути

¹ Сборник статей в честь П. С. Уваровой. (М., 1916), стр. 291—294. См. также А. В. Орешников. Фряжских резных дел мастер и т. д. Сборник Оружейной Палаты. М., 1925, стр. 5—10.

развития монетного производства и медальерного искусства в России идут рядом, в тесной взаимозависимости, зачастую переплетаясь в творчестве отдельных мастеров.

Денежная реформа 1654 года предполагала выпуск крупной серебряной монеты — рубля и его дробных подразделений. Выпущенные в этом году первые серебряные рублевки и медные полтины, в связи с вековой традицией русской копейки, имели на лицевой стороне изображение едущего на коне царя. Сходство с копейкой прослеживается не только в общности композиции изображения, но и в деталях. Так, подобно плащу, развевающемуся за плечами всадника на копейках, на рублевках и полтинах виден длинный рукав верхней одежды; копы в руках царя заменяется скипетром, как и на некоторых копейках Алексея Михайловича. Новым в них является и тип надписи вокруг изображения.

В отличие от профильных конных изображений на западноевропейских монетах, в частности саксонских и «цесарских», на рублях и полтинах Алексея Михайловича всадник развернут в фас, как на парсуне; трактовка образа царя со скипетром в руке близка портретам титулярников. На оборотной стороне изображен двуглавый орел, заключенный в четырехугольный картуш в обрамлении из завитков и волют, между которыми помещена славянскими буквами дата и обозначение номинала (рис. 1).

Своеобразная трактовка лицевой и оборотной сторон, оригинальное расположение герба в картуше, правильное начертание букв, грамотная надпись, наконец, дата, написанная славянскими знаками, свидетельствуют о новых достижениях русских мастеров-резчиков.

Все эти монеты одного года и типа, что дает основание отнести их к творчеству одного резчика. Это предположение подтверждается и документами, связанными с деятельностью Московского Денежного двора, опубликованными К. В. Базилевичем¹.

Первоначальные опыты чеканки крупной монеты были связаны с большими трудностями как в техническом оборудовании, так и в подыскании мастеров-специалистов. Особенно частыми были жалобы на отсутствие резчиков штемпелей. Князь М. П. Пронский доносил находившемуся в походе царю о положении дел на Денежном дворе: «... а резцов, кому резать маточники и почищать чеканы один человек»². О том же подробнее писал ведавший Денежным двором А. Нарбеков: «а ефимкам рублевым в деле чинится мешкота, для того, что от молотового боя чеканы портетца и на ефимках чекан ставится не справчиво, а резец только один человек, чеканов резать и почищать некому, а иных резцов—сыскать не мочно»³.

Рис. 1. Рублевик Алексея Михайловича — лицевая и оборотная стороны

¹К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 9.

²Там же, стр. 17.

³Там же, стр. 19.

В тех же материалах, содержащих данные об изготовлении «снастей к ефимочному делу», сказано, что стан с железным молотом для чеканки монеты был изготовлен «по вымыслу» резчика Федора Байкова¹. Мы имеем все основания признать Ф. Байкова тем единственным резчиком штемпелей, который дважды упомянут в цитированных документах, и, следовательно, автором штемпелей крупных монет Алексея Михайловича.

Рублевки и полтины 1654 года были первым опытом чеканки крупной русской монеты, однако мастер вполне справился со своей задачей. В изображении всадника и коня есть некоторая непропорциональность, но живой рисунок, достигнутое впечатление движения, хорошо и равномерно расположенная надпись, точно замкнутая в круг, — все это доказывает известное мастерство русского резчика, умение самостоятельно работать в новой области малой пластики.

Имя Федора Байкова встречается только в материалах Разрядного приказа в связи с его работой на Денежном дворе. В справочниках о русских мастерах XVII века упоминаний о нем нет. Это тем более интересно, что мастера-резчики XVII века работали обычно и как ювелиры и граверы. Уже упоминавшийся Василий Андреев в основном работал резчиком по меди и серебру и лишь однажды был привлечен к изготовлению монетных штемпелей. Федор Байков, в противоположность Василию Андрееву, принадлежит к тем немногим мастерам, деятельность которых полностью протекала на Денежном дворе. Следует отметить также, что Федор Байков пробовал свои силы и в области механики.

Сведения о другом мастере — ювелире и резчике монетных штемпелей Юрии Вилимовиче Фробусе — имеются в делах Московского Кадашевского монетного двора, который в начале XVIII века был в ведении Адмиралтейской канцелярии.

В челобитной 1708 года Фробус пишет: «Работаю я тебе, государь, золотое дело лет сорок и больше и на монетном и денежном дворе резного дела мастером, а ныне я устарел и волею божею заскорбел и лежу год, а твоего государева жалования на нынешний год мне не выдано, а пропитаться мне с женой своею и детьми кроме твоего государева жалования нечем»².

Судя по приведенной выше челобитной, Фробус приехал в Россию в 60-х годах XVII века. О смерти его имеются точные данные: 18 ноября 1708 года вдова Фробуса обратилась в Адмиралтейскую канцелярию с просьбой о выдаче ей денег на похороны мужа³.

Работу на монетном дворе Фробус считал своей постоянной службой; известен его оклад — 147 рублей на год⁴. В последние годы жизни он, повидимому, уже мало работал как резчик. Имеются сведения о его участии в опробировании монетного серебра в 1702—1703 годах⁵, а в 1704 году Фробус был послан «в Прусскую землю для призыва на монетный двор к медному денежному делу мастеров-иноземцев, двух резчиков да кузнеца»⁶.

До прихода на монетный двор Фробус работал в Золотой палате, где числился первым среди семи мастеров-иноземцев. Довольно подроб-

¹ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве 1662 г. М—Л., 1936, стр. 17.

² Архив Военно-Морского Флота. Дело Адмиралтейской канцелярии 12/182, стр. 197—198.

³ Там же, стр. 642.

⁴ Там же, стр. 198.

⁵ Там же, 31/150, стр. 62—64.

⁶ Там же, стр. 402.

ные сведения о разносторонней деятельности Фробуса-ювелира имеются у В. И. Троицкого¹, который перечисляет ряд работ мастера и сообщает время прекращения его службы в Золотой палате (в 1700 году, когда палата была упразднена). Вероятнее всего, на Кадашевском монетном дворе Фробус появился уже в 1701 году, в год основания монетного двора. Как медальер Фробус, повидимому, начал работать еще в Золотой палате, которая в свои функции включала всякое золотое дело и, вероятно, имела более или менее непосредственное отношение к выпуску золотых монет, начавшемуся с середины XVII века.

Точно определить работы Фробуса—резчика штемпелей—мы не можем; искать их нужно скорее всего среди золотых монет второй половины XVII века, тем более, что справка монетного двора определенно называет его «монетных штемпелей и денежных чеканов резного дела» и «золотых дел» мастером².

---

¹ В. И. Троицкий. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Л., 1927, стр. 141—142.

² Архив Военно-Морского Флота. Дело Адмиралтейской канцелярии 12/182, стр. 197—198.

С. П. ФОРТИНСКИЙ

ОПИСАНИЕ СОВЕТСКИХ МОНЕТ ЗА ПЕРИОД С 1921 ПО 1952 ГОД

Деньги, всеобщий эквивалент стоимости, связаны с существованием товарного производства. В капиталистических государствах деньги превращаются в капитал и являются средством присвоения чужого неоплаченного труда, а денежные знаки и монеты имеют широкое применение во всех фазах кругооборота капитала. В системе народного хозяйства СССР они являются также необходимым эквивалентом, но благодаря диалектике исторического развития нашего государства функции и назначение денег стали принципиально иными, чем они были в капиталистических условиях.

Закон планомерного развития социалистического народного хозяйства при отсутствии частной собственности на средства производства вызвал к жизни осуществленную в 1930—1931 годах кредитную реформу, разрешившую проведение безналичных денежных расчетов между государственными учреждениями и предприятиями путем перечисления на соответствующие счета в Госбанке, что резко сократило потребность в наличных деньгах.

В условиях кредитной реформы, когда обобществленный сектор широко применяет безналичные расчеты, денежные знаки и монеты служат главным образом для обмена товаров личного потребления. В связи с этим сфера применения денежных знаков и монет ограничена.

Советская власть не повторила ошибок Парижской Коммуны и в дни Октябрьской революции взяла производство денег в свои руки для того, чтобы превратить их в один из рычагов управления народным хозяйством.

Советская власть получила в наследство разоренное денежное хозяйство. Весь золотой запас страны составлял 1260 миллионов рублей, из которых половина хранилась в Казани и впоследствии была захвачена чехословацкими контрреволюционными войсками.

Царское правительство в 1914 году прекратило размен кредитных билетов на золото и пыталось изъять его из обращения, однако это не удалось. Как золото, так и серебро в банковской и в разменной монете тезаврировались населением. Царскому правительству удалось изъять в 1914—1916 годах из обращения несколько более 58 миллионов рублей золотой монеты, тогда как на руках у населения к 1 января 1917 года оставалось золота на 436 миллионов рублей. Сокращению государственного золотого запаса способствовал также и вывоз царским правитель-

ством золота за границу. За 1914—1917 годы им было вывезено золота на 451,8 миллиона рублей¹. В 1915—1916 годах из оборота постепенно исчезает, оседая у населения, банковое и разменное серебро и, наконец, медные монеты. За два года войны населением тазаврировано банкового серебра на 114, разменного серебра на 172 и медной монеты на 23 миллиона рублей².

Выпуск банкового серебра прекратился в 1915 году. Разменная серебряная монета чеканилась в 1915—1916 годах в столь незначительном количестве, что практически в денежном обращении не участвовала и была заменена бумажными марками. 10-15-20-копеечные монеты с датой «1917» были отчеканены в очень ограниченном количестве в 1916 году и также в обращении не участвовали.

Столь же незначительным был выпуск медной монеты в 1915—1916 годах.

В 1916 году царское правительство сделало попытку чеканки медной монеты облегченного веса, но дальше выпуска нескольких пробных монет не пошло. Ниже помещены снимки с этих монет из коллекции автора.

Рис. 1

В том же году была сделана попытка выпустить частные металлические боны. Известна пробная монета Балтийского завода 1916 года без обозначения достоинства³. Однако и частные боны в обращение не поступили.

С 1916 года денежное обращение полностью обслуживается бумажными знаками. Громадные расходы царского и Временного правительств на военные нужды привели к тому, что значительная часть денег оседала у военных поставщиков и спекулянтов, наживавшихся на военных поставках. «Война, — писал Ленин в сентябре 1917 года, — стоит России теперь 50 миллионов рублей в день. Эти 50 миллионов в день идут большей частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов ежедневно, а вероятнее 10 миллионов и больше,

¹ «Государственный банк». Отчет за 1916 год.

² «Торгово-промышленная газета» от 28 (15) мая 1918 г., № 28.

³ Описание и рисунок этой редкой боны см. в «Ежемесячном бюллетене южного объединенного отделения СФА». Харьков, 1928, № 8, стр. 2—4. В коллекции ГИМ имеется экземпляр такой же боны 1917 года.

составляют «безгрешные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников»¹.

Положение денежного хозяйства ухудшалось вследствие растущей дороговизны сельскохозяйственных продуктов и предметов широкого потребления. Вызванное войной сокращение выпуска товаров широкого потребления способствовало оседанию денег в деревне, продававшей сельскохозяйственные продукты в городе по повышенным ценам. В связи со всем этим, несмотря на громадное количество бумажных денег, находившихся в обращении (на 1 марта 1917 года — 10 041,3 миллиона рублей и на 1 ноября 1917 года — 19 574,7 миллиона рублей²) чувствовался острый недостаток денежной наличности.

На 1 ноября 1917 года в стране функционировали кредитные билеты царского правительства, деньги Временного правительства («керенки») и суррогаты денежных знаков, пущенные в обращение Временным правительством (купоны и облигации государственных займов и т. п.).

Налаживанию денежного хозяйства страны Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение с момента организации Советской власти. Вопрос стабилизации рубля был поставлен В. И. Лениным в первые же дни существования Советской власти. Одну из предпосылок стабилизации В. И. Ленин видел в изъятии у эксплуататорских классов излишков накопленных запасов бумажных денег, в ограничении выдачи частным лицам наличных денег банками, в выпуске новых денег и в обмене их на старые по соответствующему эквиваленту. 18 мая 1918 года в докладе на Всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов В. И. Ленин так изложил проект денежной реформы: «Деньги, бумажки — все то, что называется теперь деньгами, — эти свидетельства на общественное благосостояние, действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти.

Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми... Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть»³.

Для освобождения обращения от денежных суррогатов (купоны и облигации государственных займов и т. п.) Наркомфином ставился вопрос о пуске в обращение металлической монеты достоинством в 1, 2, 3 и 5 рублей. В печати того времени появились проекты рисунков монет, как, например, рисунок художницы С. Лебедевой в № 1 журнала «Изобразительное искусство» за 1919 год, представленный ею на организованный Наркомпросом конкурс рисунков государственного герба, государственной печати и рубля. (Рис. 2). Монетный двор был запрошен о возможности такой чеканки, но вследствие трудности замены всех обращавшихся денег новыми вопрос о частичной реорганизации денежного обращения был снят и денежная реформа в 1918 году осуществлена не была⁴.

В течение 1918—1921 годов Советское правительство из-за ожесточенной борьбы на фронтах гражданской войны, разрухи и голода в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 316.

² А. Д. Гусаков. Очерки по денежному обращению в России. М., 1946.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 350—351.

⁴ А. Д. Гусаков. Очерки по денежному обращению в России. М., 1946, стр. 119.

тылу было вынуждено встать на путь увеличения эмиссии денежных знаков.

Вопрос о проведении денежной реформы не был снят с повестки дня; он был лишь отложен до времени, когда проведение реформы могло быть реально осуществлено.

Рис. 2. Проект рисунка С. Лебедевой

Образовавшиеся в годы гражданской войны на окраинах бывшей Российской империи мелкие белогвардейские правительства печатали собственные бумажные деньги. В то же время некоторые окраины, верные Советскому правительству, не получившие нужного количества денежных знаков вследствие разрухи на транспорте, печатали деньги на местах, по собственным образцам.

Считая экономически и политически целесообразным создание централизованной денежной системы, Советское правительство постепенно ликвидировало местные денежные системы, введя на местах единую систему РСФСР. Унификация денежного обращения была закончена в 1918 году повсеместно, кроме Туркестана и Закавказья, где она была проведена в 1921 году. При проведении этой реформы был применен классовый принцип обмена денег, предложенный В. И. Лениным в 1918 году¹. Таким образом, ко времени окончания гражданской войны на всей территории нашей страны прочно утвердились советские денежные знаки.

Санкционированный правительством в годы гражданской войны безденежный товарообмен города и деревни с весны 1921 года постепенно заменялся торговлей на деньги. Крестьяне охотнее брали денежные знаки, вследствие чего, несмотря на продолжавшуюся эмиссию и рост цен, падение рубля приостановилось.

В. И. Ленин в докладе и в заключительном слове на VII Московской губпартконференции 29—31 октября 1921 года подвел итоги опыту товарообмена: «Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь»².

¹ З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения в СССР. Госфиниздат, 1940, стр. 66.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 73.

С первых дней перехода к новой экономической политике Наркомфин повел работу по оздоровлению денежного обращения. На заседании коллегии Наркомфина 2 марта 1921 года обсуждался вопрос об упорядочении денежного обращения, в частности, о чеканке серебряных монет. На заседании коллегии 18 апреля 1921 года было вынесено решение о выяснении количества имеющегося в распоряжении правительства запаса серебра, его местонахождении и о сосредоточении запаса серебра в Москве¹.

29 апреля 1921 года Совет Труда и Оборона издал постановление о пуске Медально-аффинажного завода (Монетного двора в Петрограде), входившего в систему Горного Совета ВСНХ. Оборудование Монетного двора было в крайне плохом состоянии. Станки и крупные их части с 1917 года, когда Временное правительство предполагало их эвакуировать из Петрограда, стояли запакованными в ящиках. Части станков, штемпели, матрицы и пр. были эвакуированы на восток и частично потеряны. Однако коллектив Монетного двора преодолел трудности, связанные с пусковым периодом, и в августе 1921 года Монетный двор возобновил свою работу.

Рисунки серебряных монет РСФСР были разработаны медальным отделом Медально-аффинажного завода и еще в апреле 1921 года представлены в Наркомфин для утверждения. Был представлен один вариант лицевой и два варианта оборотной стороны монеты. Президиум ВЦИК утвердил рисунок обеих сторон, причем для оборотной стороны рубля и полтинника им был утвержден один, а для 10, 15 и 20 копеек — другой вариант. Были сохранены диаметр, проба, вес, гуртовка и ремедиум² монет дореволюционного времени. В качестве лигатуры предусматривалась красная медь.

Результаты этой реформы показаны в таблице:

Номиналы	Диаметр (в миллиметрах)	Проба (в процентах)	Вес (в граммах)		Гуртовка	Ремедиум	
			чистого серебра	лигатурный		в пробе	в весе на 1000 руб.
1 руб.	33,5	90	18	20	Гурт. надпись	±0,002	±0,015
50 коп.	26,67	90	9	10	То же	±0,002	то же
20 .	21,8	50	1,8	3,6	Рубчатый гурт	±0,005	то же
15 .	19,56	50	1,35	2,7	То же	±0,005	то же
10 .	17,27	50	0,9	1,8	То же	±0,005	то же

В 1921 году чеканка серебряной монеты Монетным двором ограничивалась сравнительно небольшим количеством монетных кружков. В 1922 году Монетный двор был передан из Горного Совета ВСНХ в Валютное управление Наркомфина и выпуск монеты, главным образом разменной, значительно возрос.

Монеты, отчеканенные в 1921 году, этим же годом и датированы. В 1922 и 1923 годах по техническим причинам датировка монет не совпадала с календарным временем чеканки монет.

¹Здесь и далее при изложении подробностей чеканки серебряной, медной и бронзовой монет автором использованы работы, помещенные в журнале «Советский коллекционер» за 1928 г., № 4, стр. 5; за 1929 г., № 4—6, стр. 34; № 7—9, стр. 4; № 10—12, стр. 75; за 1930 г., № 6, стр. 153; за 1932 г., № 3, стр. 82.

²Ремедиум — допустимое отклонение от установленной нормы веса монет.

Эмиссия бумажных денег продолжалась. Правда, во второй половине 1921 года цены снизились, однако неурожай значительно затормозил проведение реформы. Со второго полугодия 1922 года наступила денатурализация народного хозяйства; зарплата рабочих и служащих начала играть большую роль в их бюджете. Натуральные налоги были переведены в денежные. Была резко изменена система финансирования и кредитования народного хозяйства.

XI съезд партии принял развернутую программу финансовой политики и, в частности, подчеркнул необходимость всемерного сокращения эмиссии.

Постановлением СНК от 11 октября 1922 года Госбанку было предоставлено право эмиссии банкнот в золотом исчислении.¹ С конца ноября 1921 года Госбанк начал выпускать бумажные червонцы, приравненные к 1 золотнику (78,24 доли чистого золота), то есть к дореволюционной монете десятирублевого достоинства. К лету 1923 года червонец был принят в обращение в качестве твердой валюты.

Стремление избавить рабочих и служащих от обесценения получаемой ими зарплаты в советских знаках и вместе с тем отсутствие разменной бумажной валюты в долях червонца вызвало выпуск целым рядом предприятий и организаций бумажных и металлических бон, исчисляемых в золотой валюте. К числу металлических бон, выпущенных в большом количестве, относятся боны 2-й Государственной шорно-фулярной и чемоданной фабрики в Ленинграде. Боны были выпущены в 1922 году. Первый выпуск бон без указания года: из красной меди 5 рублей и 5 копеек, из желтого сплава 3 рубля и из алюминия 1 рубль. При втором выпуске 3-, 2- и 1-копеечные боны чеканились из алюминия с годом «1922». Выпущенные боны охотно принимались населением и торговцами от рабочих и служащих фабрики и за ее пределами. Боны принимались кассой фабрики в обмен на червонцы, на металлическую монету и казначейские билеты мелких купюр. При фабрике был и кооперативный магазин с большим ассортиментом товаров, мукомольная мельница, хлебопекарня, торговавшие и оказывавшие услуги потребителям за твердую валюту и боны. Боны были аннулированы правлением фабрики в 1924 году, после того как приказом по фабрике был объявлен обязательный обмен бон на разменную монету в кассе фабрики.

Такие же металлические боны выпускались и другими предприятиями, как, например, натурально-расчетным союзом «Разум и совесть» в Киеве (1921 год); Обществом потребителей служащих и рабочих Николо-Павдинского имения наследников Воробьева (1922 год); Сельско-господарским кооперативным товариществом в Келеберде Кременчугского уезда (1921 год) и пр.

Постановлением Совета Труда и Оборона от 29 февраля 1924 года выпуск денежных суррогатов был воспрещен².

Одновременно с выпуском банкнот правительство начинает допускать в обращение золото. Декретом СНК от 4 апреля 1922 года была отменена обязательная сдача населением драгоценных металлов в изделиях, слитках и монетах³. Декретом от 27 июля 1922 года был допущен прием госорганами платежей золотой монетой⁴. Декретом СНК от 26 октября 1922 года Наркомфину поручалось приступить к чеканке золотой монеты, именуемой червонцем, содержащей 1 золотник (78,24 доли чистого

¹ Собрание узаконений (С. У.), 1922, № 64, ст. 827.

² С. У., 1924, № 37, ст. 348.

³ С. У., 1922, № 28, ст. 318.

⁴ С. У., 1922, № 48, ст. 604.

золота). Золотые червонцы датированы 1923 годом, лигатурный вес их 8,6 грамма, диаметр 22,6 миллиметра.

К концу 1923 года бумажный червонец вытеснил повсюду из платежного оборота золото и иностранную валюту. В 1923 году были выпущены транспортные сертификаты пятирублевого достоинства в червонном исчислении. Несмотря на ограничение их платежных функций, сертификаты были быстро освоены оборотом в качестве золотой валюты.

Денежная реформа была завершена в 1924 году. II Съезд Советов одобрил финансовую политику правительства по проведению денежной реформы и завершению ее. Признав «важнейшей очередной задачей» упорядочение денежного обращения, съезд предложил «в кратчайший срок закончить денежную реформу, правильно начатую введением червонца взамен падающего знака, и ввести в обращение устойчивые казначейские билеты»¹.

5 февраля 1924 года был издан декрет ЦИК и СНК СССР о пуске в обращение государственных казначейских билетов достоинством в 1, 3 и 5 рублей золотом²; 15 февраля 1924 года прекратились печатание и выпуск в обращение совзнаков. Совзнаки были изъяты из обращения путем выкупа их по паритету 1 рубль золотом (казначейскими билетами) равен 50 000 руб. дензнаками 1923 года³.

На 1 января 1924 года Монетным двором было отчеканено банковской и разменной серебряной монеты всего лишь на 22,4 миллиона рублей. Этого количества было явно недостаточно для удовлетворения потребности обращения в мелкой монете. В связи с этим декретом ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 года⁴ предлагалось Наркомфину обеспечить чеканку серебряной монеты к 1 января 1925 года на сумму не менее 100 миллионов рублей. Кроме того, Наркомфину разрешалось выпускать казначейские бумажные боны достоинством от 1 до 50 копеек, имеющие хождение наравне с монетой, с тем чтобы с 1 января 1925 года приступить к изъятию их путем обмена на монеты. Впоследствии срок хождения этих бон был продлен до 1 января 1927 года.

Декрет от 22 февраля 1924 года предусматривал чеканку серебряной банковской монеты достоинством в 1 рубль и 50 копеек, разменной монеты достоинством в 20, 15 и 10 копеек и медной монеты достоинством в 5, 3, 2 и 1 копейку. Размер, проба, вес, гуртовка и ремедиум серебряной монеты были оставлены без изменения.

Для медной монеты были установлены следующие нормативы: 50 рублей монеты из 1 пуда (16,38 килограмма) красной меди; диаметр монет:

достоинством в 5 коп. —	32	миллиметра
» в 3 коп. —	27,7	»
» в 2 коп. —	24	»
» в 1 коп. —	21,3	»

Таким образом, вес медных монет должен составлять:

достоинством в 5 коп. —	16,38	грамма
» в 3 коп. —	9,828	»
» в 2 коп. —	6,552	»
» в 1 коп. —	3,267	»

Рисунки монет были разработаны: рубля и полтинника — художником Грузенбергом, разменных серебряных и медных монет — художника-

¹ Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935, стр. 305.

² С. У., 1924, № 32, ст. 288.

³ Декрет ЦИК и СНК СССР от 14 февраля 1924 г., С. У., 1924, № 34, ст. 308.

⁴ С. У., 1924, № 34, ст. 325.

ми Монетного двора. Рисунки получили предварительно утверждение Наркомфина (13 ноября 1923 года). Монетный двор по техническим соображениям несколько изменил рисунок полтинника и предложил новый рисунок, тождественный с рисунком рубля. Этот последний, а равно и рисунки остальных монет, были утверждены СНК СССР 22 марта 1924 года.

Значительное увеличение чеканки серебряных и начало чеканки медных монет усложнили работу Монетного двора и вызвали необходимость одновременной чеканки монет в нескольких местах. Так, в Англии были заказаны и отчеканены монеты в ограниченном количестве экземпляров: серебряные полтинники с гладким гуртом, с буквами «Ф.Р.»¹ (пробные) и «Т.Р.», датированные 1924 годом, и пятаки 1924 года, чеканенные в томпаке на кружках разной толщины и веса: 12 граммов, 16 граммов (пробные) и 18 граммов.

Внутри страны Совет Труда и Оборона поручил чеканку медных монет, помимо Монетного двора, также заводу «Красная заря».

Этот завод отчеканил предварительно образцы монет в виде металлических бон-марок. Мне известны два образца таких бон-марок из красной меди, размерами с двухкопеечные и пятикопеечные монеты, нормального веса, с гладкими гуртами.

(Оба образца из коллекции Н. З. Цыгира (Ленинград). Образец с легендой « * 5 */ марка рабочего» публикуется впервые).

Рис. 3

В период с октября 1924 по февраль 1925 года включительно Монетный двор чеканил монеты только 1- и 5-копеечного достоинства. В это время завод «Красная заря» чеканил монеты 2- и 3-копеечного достоинства, постепенно осваивая чеканку 1- и 5-копеечных монет.

Календарные сроки чеканки не совпадали с датами, отчеканенными на монетах.

Постановлением СНК СССР от 20 мая 1925 года были выпущены монеты из красной меди полукопеечного достоинства. Содержание металла было оставлено прежнее: 50 рублей монеты из 1 пуда (16,38 килограмма) красной меди, диаметр монеты был определен в 16 миллиметров. Вес одной полукопеечной монеты составлял 1,638 грамма.

Рисунок полукопеечной монеты был разработан художниками Монетного двора. За время с августа 1925 по октябрь 1926 года этой монеты отчеканено 32 200104 кружка на сумму 161 000 рублей 52 копейки.

После начала чеканки монет 1-, 2-, 3- и 5-копеечного достоинства из красной меди выявилась непрактичность этих монет. Они были тяжелы и громоздки и, кроме того, чеканка их требовала расходования боль-

¹ Буква Ф здесь и на стр. 144 в аналогичных сочетаниях заменяет старославянскую «фиту».

шого количества красной меди, необходимой для промышленности. В связи с этим было предложено чеканить монеты из сплава бронзы золотистого цвета следующего веса и размера:

5 коп.	весом 5 граммов,	диаметром 25 миллиметров
3 коп.	» 3 »	» 20 »
2 коп.	» 2 »	» 18 »
1 коп.	» 1 »	» 15 »

Одновременно Наркомфин решил изменить рисунок монет, с тем чтобы на них были изображены национальные мотивы республик, входящих в состав СССР.

При выборе сплавов, из которых надлежало чеканить монету, были учтены четыре проекта, предложенные в дореволюционное время, рассмотрены монеты иностранных государств, и, наконец, было разработано шесть видов сплавов, а именно:

1. Медь 90 процентов и алюминий 10 процентов
2. Медь 95 процентов и алюминий 5 процентов
3. Бронза с содержанием 85 процентов меди
4. Алюминий
5. Мельхиор с содержанием 20—22 процентов олова
6. Медь 57—58 процентов и цинк 43—42 процента

Монетному двору было предложено опробовать все шесть сплавов, в связи с чем он отчеканил из них штемпелями образца 1924—1925 годов монеты достоинством в 3, 2 и 1 копейку с датой «1924» и $\frac{1}{2}$ копейки с датой «1925». Кроме того, из трех сплавов золотистой бронзы, предложенных заводом «Красный выборжец», было отчеканено (также старыми штемпелями): из одного сплава — монеты достоинством в 1 и 2 копейки, с датой «1924», и $\frac{1}{2}$ копейки с датой «1925»; из двух остальных достоинством в 2 копейки с датой «1924».

Из золотистой бронзы отчеканены еще монеты достоинством в 50, 20 и 10 копеек с датой «1925».

В результате всех испытаний и опытов остановились на сплаве, состоящем из 950 частей меди в 50 частей алюминия, который и был представлен на утверждение правительства в виде монет старых образцов достоинством в 3, 2, 1 и $\frac{1}{2}$ копейки. Эти образцы по размеру должны были соответствовать проектируемым монетам достоинством в 5, 3, 2 и 1 копейку. Представляя на утверждение образцы металла в монетах, Наркомфин предложил вес и размер монет, запроектированных им ранее, увеличив лишь размер монеты трехкопеечного достоинства до 22 миллиметров.

Для создания рисунка новых монет Валютное управление Наркомфина в начале 1925 года организовало закрытый конкурс художников, в котором принимали участие Васютинский, Грузенберг, Игунов, Пискарев, Ману, Степанов и Чехонин. На стр. 141 приводим один из проектов монет по рисункам художника-медальера А. Ф. Васютинского. (Рис. 4)¹.

Впоследствии конкурс был расширен и сделан открытым.

Представленные под семнадцатью девизами рисунки шести художников были рассмотрены 7 июля 1925 года конкурсной комиссией Валютного управления Наркомфина и признаны не удовлетворяющими требованиям конкурса. В связи с этим был объявлен новый конкурс сроком по 1 сентября 1925 года. Однако во избежание новых прово-

¹ Рисунки из собрания В. Н. Грусланова (Ленинград), любезно разрешившего их опубликовать. (Публикуются впервые.)

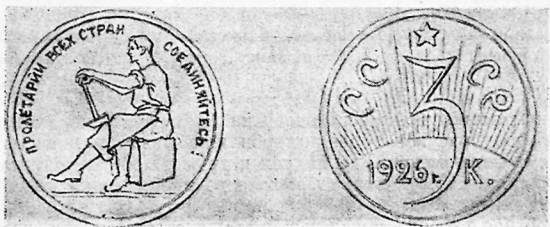

Рис. 4

лочек Валютное управление Наркомфина 4 августа 1925 года отменило конкурс и поручило художнику Пискареву на основании материалов первого конкурса выработать рисунки новой монеты. Одновременно Монетному двору было предложено составить проект новой монеты, отличной от старой, с изображением герба СССР на лицевой стороне, с цифрами года и достоинством монеты — на оборотной стороне.

На утверждение СНК СССР были представлены рисунки художника Пискарева и художников Монетного двора, однако СНК не утвердил ни те ни другие и оставил рисунки старых монет без изменения. Сплав, вес и диаметр были утверждены СНК СССР в соответствии с проектом Наркомфина. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 января 1926 года был объявлен выпуск новой мелкой разменной монеты¹.

Утвержденный этим постановлением тип бронзовой монеты чеканился без изменения до 1935 года. В 1935 году был изменен рисунок лицевой стороны. Рисунок оборотной стороны остается неизменным до сего времени.

С 1931 года Монетный двор начал чеканку никелевой разменной монеты 20-, 15- и 10-копеечного достоинства. Выпуск в обращение этой монеты утвержден постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 февраля 1932 года².

Рисунок лицевой стороны никелевой монеты утвержден аналогичным рисунку лицевой стороны бронзовой монеты, с той разницей, что вместо букв «СССР» внизу рисунка, между началом и концом лозунга, — тире. Для оборотной стороны никелевой монеты был утвержден новый рисунок³.

Вес и диаметр утвержденных никелевых монет был установлен следующий:

Достоинство монеты	Вес	Диаметр
20 копеек	3,6 грамма	21,84 миллиметра
15 .	2,7 .	19,56 .
10 .	1,8 .	17,27 .

Ремедиум по весу был установлен на 1000 руб. монет ± 2 процента.

В 1935 году рисунок обеих сторон никелевых и лицевой стороны бронзовых монет изменен. Как те, так и другие монеты получили одинаковый рисунок лицевой стороны, с той разницей, что на никелевых монетах пятиконечная звезда плоская, а на бронзовых выпуклая, фигурная. Обратная сторона никелевых монет значительно упрощена, бронзовых — оставлена прежней. Бронзовые монеты 1935 года встречаются обоих типов: старого и нового.

Тип никелевых и бронзовых монет остался неизменным с 1935 года до наших дней. Изменилось лишь количество перехватов лентой ко-

Рис. 5

¹ Газета «Известия» от 7 января 1926 года.

² Газета «Известия» от 27 февраля 1932 года.

³ По неутвержденному проекту медальера А. Ф. Васютинского рисунок оборотной стороны монеты должен был быть следующим: крупная цифра стоимости «10», под нею мелкими буквами на семи языках союзных республик слово «копеек». По окружности надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», которая разделена внизу цифрами года: «1931» (рис. 5). Рисунок лицевой стороны неизвестен.

Публикуется впервые по редчайшему свинцовому оттиску оборотной стороны монеты из коллекции Б. Е. Быховского (Ленинград). Рисунок увеличен в 1,7 раза против оригинала.

лосьев герба на лицевой стороне монет. В 1935 и 1936 годах их было семь, в 1937—1946 годах — одиннадцать и в 1948—1954 годах — шестнадцать¹.

К настоящему времени накопился большой монетный материал советского чекана, который требует систематического описания. В данной работе впервые делается попытка обобщения и систематизации нумизматических памятников советского периода, хранящихся в собраниях Государственного Исторического музея и в коллекциях частных лиц². Все помещенные в данную работу монеты и их варианты описаны de visu. Исключение составляет червонец 1925 года, описанный по репродукции, помещенной в томе 40 первого издания Большой Советской Энциклопедии (вклейка между стр. 104—105). Возможно, что и после издания этой работы могут быть обнаружены новые варианты монет.

В 1924—1930 годах были отчеканены пробные монеты разного достоинства, частично известные только из литературы. При описании они даются в примечании, причем включены только те из них, которые находятся в собраниях и известны автору. Пробные монеты редки, что, однако, не исключает возможности нахождения их в обращении.

В «Описание» включены лишь монеты государственного чекана РСФСР и СССР и не помещены суррогаты денежных знаков частного чекана. Эти суррогаты следует рассматривать как металлические боны выпусков необязательного обращения³. Не описаны также и монеты среднеазиатских республик: Бухарской (1920—1921 годы), Хивинской (1920 год) и монеты Дагестана (1920 год).

Первой частью данной работы является табличное обозрение, состоящее из четырех таблиц и составленное аналогично подобным же таблицам в известных работах по дореволюционной русской нумизматике. В таблицах приведены монеты с указанием годов, номиналов монет, металла и характера гуртов. При наличии вариантов монет в таблицах сделан знак сноски—*.

Второй и основной частью работы является описание в хронологическом порядке всех известных вариантов монет советского чекана по 1952 год.

¹ Бронзовые монеты иногда отличаются друг от друга по цвету. Это может быть объяснено применением различных методов обработки заготовок монет (отжиг, травление).

² Коллекции С. М. Вигилева и автора в Москве, Н. З. Цыгира и Б. Е. Быховского в Ленинграде и др.

³ Большой интерес представляют боны для острова Шпицбергена («Арктикуголь»), датированные 1946 годом, четырех достоинств: 50, 20, 15 и 10 копеек. Рисунки их одинаковы:

Лицевая сторона. В центре год: «1946». По окружности: «Остров Шпицберген». Начало и конец надписи разделены выпуклой пятиконечной звездой. По окружности боны узкий линейный ободок.

Оборотная сторона. В центре в две строки: «50 копеек». Сверху, слева направо по окружности: «Арктикуголь». По окружности боны узкий линейный ободок. Гурты рубчатые. Металл бон достоинством в 50 и 20 копеек — белый сплав, достоинством в 15 и 10 копеек — желтый сплав. Вес и диаметр бон соответственно следующие:

	Вес	Диаметр
50 копеек	3,46 грамма	22,5 миллиметра
20 »	2,14 »	19,5 »
15 »	4,9 »	25,0 »
10 »	2,9 »	23,0 »

(см. табл. XXIV, рис. 10, 11, 12, 13).

В отношении каждой монеты приведены: порядковый номер по описанию, наименование, металл, описание лицевой, оборотной сторон и гурта, а также степень редкости монет. Лицевой стороной считается сторона монеты с изображением государственного герба.

В описании приведены лишь такие варианты, которые зависят от смены штемпелей лицевой и оборотной сторон монеты, а также от металла, из которого отчеканена монета.

Во всех случаях, когда тип монеты не изменен и различны лишь детали ее рисунка, сделана ссылка на порядковый номер монеты, под которым описан основной ее тип, и указано, чем такая монета отличается от рисунка основного типа. Вес и диаметр каждой монеты не приводятся, если они соответствуют утвержденным весу и диаметру (см. выше). В тех случаях, когда отклонение в весе значительнее законного ремедиума или диаметр монеты отличается от утвержденного, в конце описания каждой монеты делается об этом указание.

Гуртовка монет тройкая: 1) гладкий гурт, 2) рубчатый гурт и 3) гуртовая надпись на золотом червонце, серебряных рублях и полтинниках.

Гуртовые надписи следующие:

1) На золотом червонце 1923 года: «чистого золота 1 золотник 78,24 доли (П. Л.)».

На серебряных рублях:

2) 1921—1922 годов: «чистого серебра 4 золотника, 21 доля (А. Г.)» или:

3) «чистого серебра 4 золотника 21 доля (П. Л.)».

4) 1924 года: «чистого серебра 18 грамм (4 з. 21 д. (П. Л.))».

На серебряных полтинниках:

5) 1921—1922 годов: «чистого серебра 2 золотника 10,5 долей (А. Г.)».

6) 1922 года: «чистого серебра 2 золотника 10,5 долей (П. Л.)».

7) 1924 года: «чистого серебра 9 грамм (2 з. 10,5 д.) (Т. Р.)».

8) 1924 года: «чистого серебра 9 грамм (2 з. 10,5 д. Ф. Р.)».

9) 1924 года: «чистого серебра 9 грамм (2 з. 10,5 д. П. Л.)».

10) 1924 года, облегченного веса: «чистого серебра 8 грамм (2 золотника 10...)»¹, конец надписи не разобран.

11) 1925, 1926 и 1927 годов: «чистого серебра 9 грамм П. Л.».

Встречающиеся в гуртовых надписях буквы обозначают инициалы начальников монетных переделов, а именно:

«А. Г.» — А. Ф. Гартман (Ленинградский монетный двор).

«П. Л.» — П. В. Латышев (Ленинградский монетный двор).

«Т. Р.» и «Ф. Р.» — Томас (Фома) Рос (Лондонский монетный двор).

Степень редкости монеты обозначена тремя терминами: «Редкая», «Очень редкая» и «Чрезвычайно редкая». Термин «Редкая» применен к монетам необычным, встречающимся в коллекциях относительно реже остальных монет. «Очень редкая» — монеты, известные не более чем в десяти экземплярах и «Чрезвычайно редкая» — известные только в одном-двух экземплярах. Конечно, это определение более или менее субъективно.

Большой интерес представляют пробные монеты 1924—1930 годов. К их числу относятся следующие (см. описание):

1. Серебряные полтинники, с гладким гуртом, с буквами «Ф. Р.» и томпаковые пятаки с гладким гуртом, 1924 года, двух весов. Эти монеты отчеканены на Лондонском монетном дворе.

¹ Буква *a* заменяет старославянский «аз».

2. Бронзовые: достоинством в 50 копеек, с гладким гуртом, 1925 года; достоинством в 20 копеек, с рубчатым гуртом, 1923, 1924, 1925 и 1929 годов; 15 копеек 1925 года, с рубчатым гуртом; 3, 2 и 1 копейки 1924 года, с рубчатым гуртом, и полкопейки 1925 года, с рубчатым гуртом. Очевидно, эти монеты отчеканены при пробе бронзовых сплавов старыми штемпелями перед началом массовой чеканки бронзовых монет. Полагаю, что к этому же времени относится чеканка медных монет достоинством в 20 и 15 копеек, 1925 года, с рубчатыми гуртами.

3. Никелевые монеты достоинством в 20, 15 и 10 копеек, 1925 года, с рубчатыми гуртами, с рисунком типа серебряных монет 1924 года. Повидимому, это — проба сплава никеля старыми штемпелями.

4. Бронзовая монета 15-копеечного достоинства, 1932 года, с рубчатым гуртом, типа того же года. Считаю, что в этом случае мы имеем дело с пробой нового штемпеля на несоответствующем металле.

5. Бронзовые монеты достоинством в 5 копеек, 1933 года, и 3 копейки, 1926 года, с лицевой стороны типа 1935—1936 годов. Повидимому, они отчеканены при пробе новых штемпелей лицевой стороны бронзовой монеты 1935—1936 годов¹.

Из монет, находящихся в обращении, особенно примечательны две монеты обычного чекана—2 копейки 1927 года, 20 копеек 1934 года, серебряные монеты 20-, 15- и 10-копеечного достоинства, с рубчатыми гуртами, 1931 года, с рисунком типа 1924—1930 годов. Большой интерес представляют боны 1946 года, чеканенные для Шпицбергена.

Мне не известны подлинные советские монеты с рисунком только на одной стороне и гладкие с другой. В обращении такие монеты встречаются, но вес их всегда ниже нормального. Это свидетельствует о том, что рисунок на одной стороне таких монет искусственно уничтожен.

¹ Интересны две монеты, представляющие собой оттиск штемпелей существующих типов, но неутвержденного образца. Первая—серебряный полтинник 1924 года с обычным рисунком типа 1924 года. В деталях ее лицевая сторона несколько отличается от лицевой стороны полтинников этого типа размером герба, а также расположением и наклоном букв «СССР». Лозунг по окружности монеты отчеканен буквами меньшего размера. Размер букв, обозначающих достоинство монеты: в слове «Один» — 1,5 миллиметра, в слове «полтинник» — 1 миллиметр, тогда как в обычных полтинниках этого типа и года размер букв соответственно — 1,5 и 2. Фигура рабочего на оборотной стороне монеты тоньше и несколько мельче обычной. Размер цифр года 1 миллиметр против обычных, равных 1,5 миллиметра; чекан обеих сторон выпуклый. Размер кружка — 26 миллиметров против обычных 26,7, вес чистого серебра, как обозначено в гуртовой надписи, 8 граммов против 9 граммов обычного типа. Перевод десятичного веса в старый русский в гуртовой надписи не верен: указано 8 граммов (2 зол. 10 долей), тогда как 2 зол. 10 долей равны 8,92 грамма (см. табл. XXIV, рис. 8). Судя по этому, а также вследствие неправильного начертания букв гуртовой надписи (N вместо H, славянское «аз»), полагаю, что эта монета не советского чекана, облегченного веса и рисунка. В единственном известном мне экземпляре из коллекции Н. З. Цыгира (Ленинград) окончание гуртовой надписи нельзя разобрать. Это лишает нас возможности установить инициалы начальника монетного передела и хотя бы таким образом определить место чеканки монеты. Она опубликована в каталоге № 204 Adolph Hess, Nachf. «Russische Münzen des 19 Jahrhunderts» (Frankfurt am Main, 1931, S. 55, Taf. 8, № 2165).

Второй не менее интересной монетой такого же характера является никелевый десятикопеечник 1933 года, с лицевой стороны типа никелевых монет 1935—1950 годов. Лицевая сторона этой монеты ничем не отличается от обычной. Рисунок оборотной стороны монеты не отличается от рисунка оборотной стороны никелевых монет типа 1936—1952 годов, но выпуклые части рисунка, кроме цифр года, шит, цифра стоимости, слово «коп.» вдавлены. Гурт монеты рубчатый, вес нормальный—1,8 грамма. Монета известна мне в единственном экземпляре из собрания С. М. Вигилева в Москве, куда она поступила из обращения. Монета изображена в таблице XXIV на рис. 9.

ТАБЛИЦЫ ТИПОВ МОНЕТ СОВЕТСКОГО ЧЕКАНА УТВЕРЖДЕННЫХ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ОБРАЗЦОВ¹

1

Золото и серебро РСФСР (см. табл. XXI, рис. 1—6)						
Годы	Золото 1 червонец	Серебро				
		1 руб.	50 коп.	20 коп.	15 коп.	10 коп.
1921		2-АГ	2-АГ	1	1	1
1922		2-АГ 2-ПЛ	2-АГ 2-ПЛ	1	1	1
1923	2-ПЛ			1	1	1

2

Серебро и медь СССР (см. табл. XXI, рис. 7—11, табл. XXII, рис. 1—4 и 9)										
Годы	Серебро					Медь				
	1 руб.	50 коп.	20 коп.	15 коп.	10 коп.	5 коп.	3 коп.	2 коп.	1 коп.	1/2 коп.
1924	2-ПЛ	2-ПЛ 2-ТР	1	1	1	01	01	01	01	
1925		2-ПЛ*	1*	1*	1*				1	1
1926		2-ПЛ*								
1927		2-ПЛ	1	1	1					1
1928			1	1	1					1
1929			1	1	1					
1930			1*	1	1					
1931			1	1	1					

3

Никель и бронза, первый тип (см. табл. XXII, рис. 5—12)								
Годы	Никель			Бронза				Медь
	20 коп.	15 коп.	10 коп.	5 коп.	3 коп.	2 коп.	1 коп.	3 коп.
1926				1	1	1	1	
1927				1	1	1	1*	
1928				1	1*	1	1*	
1929				1	01*	1	1	
1930				01*	01*	01	01	
1931	01*	1	1	01	01*	01	01	1
1932	01*	01	1	1	01*	01*	01	1
1933	01	1	1	1	1*	1*	01	1
1934	1	1	1	1	1*	1	1	
1935				01	1	1	1*	1

¹ Условные обозначения: 0—гладкий гурт; 1—рубчатый гурт; 2—гуртовая надпись; *—есть варианты.

Никель и бронза, второй тип

1935—1936 годы на лиц. стор. 7 перехватов ленты (см. на табл. XXIII, рис. 1—7)

1937—1946 годы . . . 11 . . . (см. на табл. XXIII, рис. 8—14)

1948—1952 годы . . . 16 . . . (см. на табл. XXIV, рис. 1—7)

Годы	Никель			Бронза			
	20 коп.	15 коп.	10 коп.	5 коп.	3 коп.	2 коп.	1 коп.
1926 ¹					1		
1933 ¹				1			
1935	1*	01	1	1*	1	1	1*
1936	1*	1	1	1	1	1	1*
1937	1	1	1	1	1	1	1*
1938	1*	1	1	01	1*	1	1*
1939	1	1	1	1*	01*	1	1*
1940	1	1*	1	1	1	1	1*
1941	1	1	1	1	1*	1*	1*
1942	1*	1	1				
1943	1	1*	1*	1	1		
1944	1	1	1				
1945	01*	1	1	1	1	1*	1*
1946	1*	1*	1	1*	1*	1*	1*
1947							
1948	1*	1*	1*	1*	1*	1*	1*
1949	1*	1	1	1*	1*	1	1*
1950	1	1	1	1*	1*	1*	1*
1951	1	1	1	1*	1*	1*	1
1952	1*	1	1*	1*	1*	1*	1*

¹ Лицевая сторона типа 1935—1936 годов.

ОПИСАНИЕ МОНЕТ И ИХ ВАРИАНТОВ

1921 год

Один рубль

1. Лиц. ст. В центре государственный герб РСФСР: на щите справа—серп и слева—молот на фоне лучей восходящего солнца; по бокам щита — колосья; под щитом, в картуше «*Р.С.Ф.С.Р.*»; по окружности ободок из точек, начинающийся и оканчивающийся внизу у картуша, и надпись в ободке: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*».
- Об. ст. В центре на гладком поле выпуклая пятиконечная звезда, в которой на гладком вогнутом кружке цифра «1»; между нижними лучами звезды «1921»; вокруг звезды, между ободков из точек, слева—лавровая и справа—дубовая ветви в 7 звеньев, связанные внизу бантом; сверху, между ветвями «*Рубль*».
- Гуртовая надпись № 2¹, диаметр 34 миллиметра, табл. XXI, рис. 2. Сер.

Пятьдесят копеек

2. Лиц. ст. Та же, что в № 1.
- Об. ст. Та же, что в № 1, но в центре звезды, на гладком поле цифра «50». Сверху, между ветвями, «50 копеек».
- Гуртовая надпись № 5, диаметр 27 миллиметров, табл. XXI, рис. 3. Сер.

Двадцать копеек

3. Лиц. ст. Та же, что в № 1.
- Об. ст. В центре, на гладком поле в три строки «20 [копеек] 1921». Вокруг гладкого поля, между двумя ободками из точек, слева—лавровая, справа—дубовая ветви, связанные внизу бантом; сверху—плоская, пятиконечная звезда с лучами, из которых нижние опускаются ниже ободка из точек.
- Гурт рубчатый, диаметр 22 миллиметра, табл. XXI, рис. 4. Сер.

Пятнадцать копеек

4. Лиц. ст. Та же, что в № 1.
- Об. ст. Та же, что в № 3, но цифры стоимости «15»
- Гурт рубчатый, диаметр 20 миллиметров, табл. XXI, рис. 5. Сер.

Десять копеек

5. Лиц. ст. Та же, что в № 1
- Об. ст. Та же, что в № 3, но цифры стоимости «10»
- Гурт рубчатый, диаметр 17 миллиметров, табл. XXI, рис. 6. Сер.

1922 год

Один рубль

6. Лиц. ст. Та же, что в № 1.
- Об. ст. Та же, что в № 1, но цифры года «1922».
- Гуртовая надпись № 2. Сер.
7. Лиц. ст. Та же, что в № 1.
- Об. ст. Та же, что в № 1, но цифры года «1922».
- Гуртовая надпись № 3. Сер.

¹ Содержание гуртовых надписей см. выше, на стр. 144.

Пятьдесят копеек

8. Лиц. ст. Та же, что в № 2.
Об. ст. Та же, что в № 2, но цифры года «1922»
Гуртовая надпись № 5. Сер.
9. Лиц. ст. Та же, что в № 2
Об. ст. Та же, что в № 2, но цифры года «1922».
Гуртовая надпись № 6. Сер.

Двадцать копеек

10. Лиц. ст. Та же, что в № 3.
Об. ст. Та же, что в № 3, но цифры года «1922».
Гурт рубчатый. Сер.

Пятнадцать копеек

11. Лиц. ст. Та же, что в № 4.
Об. ст. Та же, что в № 4, но цифры года «1922»
Гурт рубчатый. Сер.

Десять копеек

12. Лиц. ст. Та же, что в № 5
Об. ст. Та же, что в № 5, но цифры года «1922»
Гурт рубчатый. Сер.

1923 год

Один червонец (десять рублей)

13. Лиц. ст. В средней части монеты герб РСФСР — на щите с загнутыми углами серп (справа) и молот (слева). По бокам щита справа и слева колосья. Под гербом в картушах: «Р.С.Ф.С.Р.». Герб и колосья окружены линейным ободком, начинающимся и оканчивающимся у картуша. По окружности надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». По окружности монеты ободок из точек.
Об. ст. Крестьянин (сеятель) с лукошком на перевязи через плечо. Вправо от фигуры крестьянина — фабричное здание с дымящимися трубами, слева — плуг. На земле слева между плугом и правой ногой крестьянина — «1923». Над фигурой крестьянина — «один червонец». Весь рисунок окружен ободком из точек.
Гуртовая надпись № 1, диаметр 23 миллиметра; табл. XXI, рис. 1. Золото. Редкая.

Двадцать копеек¹

14. Лиц. ст. Та же, что в № 3, длина остьев колосьев вокруг герба 2—2,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 3, но цифры года—«1923».
Гурт. рубчатый. Сер.
15. Лиц. ст. Та же, что в № 14, но остья колосьев короче—1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 14.
Гурт рубчатый. Сер.

Пятнадцать копеек

16. Лиц. ст. Та же, что в № 4.
Об. ст. Та же, что в № 4, но цифры года—«1923».
Гурт рубчатый. Сер.

¹ Подобный тип 20 копеек встречается и в бронзе как проба нового металла старым штемпелем. Очень редкая.

Десять копеек

17. Лиц. ст. Та же, что в № 5.

Об. ст. Та же, что в № 5, но цифры года — «1923».

Гурт рубчатый. Сер.

1924 год

Один рубль

18. Лиц. ст. В верхней части рисунка — государственный герб СССР: под плоской пятиконечной звездой — земной шар с наложенными на него серпом и молотом. Под земным шаром — восходящее солнце. Слева и справа от земного шара — колосья, обвитые лентой в семь перехватов. По сторонам герба — «СС-СР». Под рисунком — горизонтальная черта, под которой: «ОДИН/рубль». Вокруг всего изображения — неполный линейный ободок, упирающийся в колосья. По окружности — разделенная гербом надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». С внешней стороны надписи — ободок из точек.

Об. ст. Крестьянин, опирающийся правой рукой на пилу-ножевку, в левой держащий серп. Рядом с ним рабочий, обнимающий его правой рукой, а левой показывающий на восходящее солнце, под которым — фабричное здание. Под обрезом — «1924». Весь рисунок окружен ободком из точек.

Гуртовая надпись № 4, диаметр 34 миллиметра; табл. XXI, рис. 7. Сер.

Пятьдесят копеек¹

19. Лиц. ст. Та же, что в № 18, но под обрезом в три строки — «один /ПОЛТИННИК/ — . —».

Об. ст. Молотобоец вправо, бьет по наковальне, над которой снопы искр. Позади рабочего плуг. На земле между правой ногой рабочего и наковальней — зубчатое колесо. Под обрезом — «1924». По окружности монеты — ободок из точек. Высота фигуры рабочего — 20,25 миллиметра.

Гуртовая надпись № 9, диаметр 27 миллиметров; табл. XXI рис. 8. Сер.

20. Лиц. ст. Та же, что в № 19².

Об. ст. Та же, что в № 19.

Гуртовая надпись № 7. Сер.

¹ В коллекции Государственного Эрмитажа имеются три пробных варианта пятидесяти копеек этого года, чеканенные в Англии:

а) Лиц. ст. Та же, что в № 19.

Об. ст. Та же, что в № 19, но высота фигуры рабочего — 19,25 миллиметра. Гурт гладкий. Сер. Чрезвычайно редкая;

б) Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 19.

Гуртовая надпись № 8. Сер. Чрезвычайно редкая;

в) Лиц. ст. Та же, что в № 19, но под обозначением стоимости нет линейного знака «— . —».

Об. ст. Та же, что в № 19.

Гуртовая надпись № 8. Сер. Чрезвычайно редкая.

² В коллекции Н. З. Цыгира (Ленинград) имеется единственный известный автору экземпляр еще одного варианта 50 копеек 1924 года, вероятно, также пробный:

Лиц. ст. Та же, что в № 19, но более выпуклый чекан, размер герба, а также размер, расположение и наклон букв «СССР» иные. Высота букв надписи по окружности монеты ниже обычной (1 мм). Высота букв на обозначении достоинства монеты ниже обычной (1 мм);

Об. ст. Та же, что в № 19, но более выпуклый чекан, высота фигуры рабочего 19 мм. Высота цифр года ниже обычной (1 мм). Под обозначением стоимости нет линейного знака «— . —». Гуртовая надпись № 10, диаметр 26 миллиметров, вес 8,9 грамма; табл. XXIV, рис. 8. Сер. Чрезвычайно редкая.

Двадцать копеек¹

21. Лиц. ст. В центре—герб СССР (см. № 19). Под гербом—«СССР», буквы овальные. Вокруг герба и пятиконечной звезды линейный ободок, доходящий внизу до букв «СССР». Вокруг ободка надпись: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*».
- Об. ст. В центре в трех строках — «20 /копеек/ 1924». Под годом точка. Слева и справа по одному колосу, стебли которых, пересекаясь внизу, переходят в линейный ободок.
- Гурт рубчатый, диаметр 22 миллиметра; табл. XXI, рис. 9. Сер.

Пятнадцать копеек

22. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
- Об. ст. Та же, что в № 21, но цифра стоимости — «15».
- Гурт рубчатый, диаметр 20 миллиметров; табл. XXI, рис. 10. Сер.

Десять копеек

23. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
- Об. ст. Та же, что в № 21, но цифра стоимости — «10».
- Гурт рубчатый, диаметр 17 миллиметров; табл. XXI, рис. 11. Сер.

Пять копеек²

24. Лиц. ст. В центре — герб СССР (см. № 18). Под гербом—«СССР». Вокруг герба неполный линейный ободок, доходящий внизу до букв «СССР». По окружности надпись: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»
- Об. ст. В центре большая цифра «5», под ней в две строки «копеек/ 1924», под годом точка. По бокам надписи по колосу, стебли которых, пересекаясь, соединяются и переходят в линейный ободок.
- Гурт гладкий, диаметр 32 миллиметра; табл. XXII, рис. 1. Медь.
25. Лиц. ст. Та же, что в № 24.
- Об. ст. Та же, что в № 24.
- Гурт рубчатый. Медь. Очень редкая.

Три копейки³

26. Лиц. ст. Та же, что в № 24.
- Об. ст. Та же, что в № 24, но надпись в три строки «3 /копейки/ 1924», под годом точка.
- Гурт гладкий, диаметр 28 миллиметров; табл. XXII, рис. 2. Медь.
- 27⁴. Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 26.
- Гурт рубчатый. Медь. Редкая.

¹ В коллекции С. М. Вигилева (Москва) имеется единственный известный автору экземпляр подобного типа двадцати копеек 1924 года, в бронзе (вероятно, проба нового металла старым штампом). Чрезвычайно редкая.

² Известны два пробных варианта этого года, чеканенные в Англии:

а) Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 24.

Тонкий кружок, гурт гладкий, вес 12—13,5 грамма. Томпак. Редкая.

б) Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 24.

Толстый кружок, гурт гладкий, вес 16—16,5 грамма. Томпак. Редкая.

³ Подобный тип трех копеек встречается и в бронзе, вероятно, как проба нового металла старым штампом. Очень редкая.

⁴ В коллекции С. М. Вигилева имеется единственный известный автору, вероятно, пробный вариант трех копеек этого года:

Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 26.

На кружке для двух копеек, но облегченного веса.

Гурт гладкий, вес 6,2 грамма. Медь. Чрезвычайно редкая.

Две копейки

28. Лиц. ст. Та же, что в № 24.
Об. ст. Та же, что в № 24, но надпись в три строки — «2 /копейки/ 1924», под годом точка.
Гурт гладкий, диаметр 24 миллиметра; табл. XXII, рис. 3. Медь.
- 29¹. Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 28.
Гурт рубчатый. Медь.

Одна копейка²

30. Лиц. ст. Та же, что в № 24.
Об. ст. Та же, что в № 24, но надпись в три строки: «1 /копейка/ 1924», под годом точка.
Гурт гладкий, диаметр 21 миллиметр; табл. XXII, рис. 4. Медь.
31. Лиц. ст. и об. ст. Те же, что в № 30.
Гурт рубчатый. Медь.

1925 год³

Один полтинник (пятьдесят копеек)⁴

32. Лиц. ст. Та же, что в № 19.
Об. ст. Та же, что в № 19, но цифра года — «1925».
Гуртовая надпись № 11. Сер.
33. Лиц. ст. Та же, что в № 32, но высота фигуры рабочего—20,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 32.
Гуртовая надпись № 11. Сер.

Двадцать копеек⁵

- 34⁶. Лиц. ст. Та же, что в № 21. Размеры герба 13,25×13,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 21, но цифры года — «1925».
Гурт рубчатый. Сер.
35. Лиц. ст. Та же, что в № 32, но размер герба 13×13 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 33.
Гурт рубчатый. Сер.

¹ Подобный тип двух копеек встречается и в бронзе (вероятно, как проба нового металла старым штемпелем). Очень редкая.

² Подобный тип одной копейки встречается и в бронзе (вероятно, как проба нового металла старым штемпелем). Очень редкая.

³ В томе 40 Большой Советской Энциклопедии (первое издание) на таблице между стр. 104 и 105 приведено изображение одного червонца 1925 года. Ни в государственных, ни в частных коллекциях этой монеты нет. Ниже приводим описание монеты по рисунку, опубликованному в БСЭ:

Лиц. ст. Герб СССР. Под пятиконечной звездой — земной шар. На земной шар наложены: справа — серп, слева — молот. Под земным шаром — восходящее солнце с расходящимися от него вверх лучами. Справа и слева от земного шара — по четыре колоса, обвитых лентами о семи перехватах. Вокруг герба — линейный ободок. По ободку надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Надпись разделяется внизу буквами — «СССР». По окружности монеты ободок из точек.

Об. ст. Та же, что в № 13. Гурт неизвестен. Диаметр 23 миллиметра.

⁴ Подобный тип пятидесяти копеек встречается и в бронзе, вероятно, как проба нового металла старым штемпелем. Очень редкая.

⁵ Вероятно, как проба нового металла старым штемпелем подобный тип двадцати копеек встречается: а) в бронзе (очень редкая); б) в меди (чрезвычайно редкая); в) в никеле (чрезвычайно редкая), имеется в коллекции Н. З. Цыгира; в) в никеле (чрезвычайно редкая), имеется в коллекции Н. З. Цыгира.

⁶ Как в этом, так и в последующих случаях множимое обозначает высоту, а множитель — ширину герба.

Пятнадцать копеек¹

36. Лиц. ст. Та же, что в № 22, верхний луч звезды находится между буквами «с» и «т» слова «стран». Размер герба 12,5×12,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 22, но цифры года — «1925».
Гурт рубчатый. Сер.
37. Лиц. ст. Та же, что в № 36, верхний луч звезды находится под буквой «р» слова «стран». Размер герба 12×12 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 36. Сер.
38. Лиц. ст. Та же, что в № 37, но размер герба 11×11 миллиметров.
Более выпуклый чекан.
Об. ст. Та же, что в № 36.
Гурт рубчатый. Сер.

Десять копеек²

39. Лиц. ст. Та же, что в № 23, размер герба 10,5×10,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 23, но цифры года — «1925».
Гурт рубчатый. Сер.
40. Лиц. ст. Та же, что в № 39, но размер герба 10,25×10,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 39.
Гурт рубчатый. Сер.

Одна копейка

41. Лиц. ст. Та же, что в № 30.
Об. ст. Та же, что в № 30, но цифры года — «1925».
Гурт рубчатый. Медь.

Полкопейки³

42. Лиц. ст. В центре — продолговатые разной величины буквы «СССР» в линейном кружке. По окружности надпись: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*». Вокруг надписи — линейный ободок.
Об. ст. На гладком поле в три строки: «*ПОЛ/копейки/ 1925*», цифры года расположены полукругом.
Гурт рубчатый, диаметр 16 миллиметров; табл. XXII, рис. 9. Медь.

1926 год

Один полтинник (пятьдесят копеек)

43. Лиц. ст. Та же, что в № 19.
Об. ст. Та же, что в № 19, но цифры года — «1926».
Гуртовая надпись № 11. Сер.
44. Лиц. ст. Та же, что в № 43.
Об. ст. Та же, что в № 43, но высота фигуры рабочего — 18,75 миллиметра.
Гуртовая надпись № 11. Сер.

¹ Вероятно, как проба нового металла старым штемпелем; подобный тип пятнадцати копеек (см. № 38) встречается: а) в меди (чрезвычайно редкая), имеется в коллекции Н. З. Цыгира; б) в никеле (чрезвычайно редкая), имеется в коллекции Н. З. Цыгира.

² Подобный тип десяти копеек встречается и в никеле (вероятно, как проба нового металла старым штемпелем). В коллекции Н. З. Цыгира имеется единственный известный автору экземпляр.

³ Подобный тип полкопейки встречается и в бронзе, вероятно, как проба нового металла старым штемпелем.

Пять копеек

45. Лиц. ст. Та же, что в № 24.
Об. ст. Та же, что в № 24, но цифры года — «1926».
Гурт рубчатый, диаметр 25 миллиметров; табл. XXII, рис. 5. Бронза.

Три копейки

46. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифра стоимости — «3».
Гурт рубчатый, диаметр 22 миллиметра; табл. XXII, рис. 6. Бронза.
- 47¹. Лиц. ст. Государственный герб СССР (см. в № 18) размером 15×15 миллиметров. Под гербом — «СССР», буквы «С» прямоугольные, расположены полукругом. По краю монеты — линейный ободок (тип 3 копеек 1935—1936 годов; табл. XXIII, рис. 5).
Об. ст. Та же, что в № 46.
Гурт рубчатый. Бронза. Чрезвычайно редкая.

Две копейки

48. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифра стоимости — «2».
Гурт рубчатый, диаметр 18,5 миллиметра; табл. XXII, рис. 7. Бронза.

Одна копейка

49. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифра стоимости — «1».
Гурт рубчатый, диаметр 15 миллиметров; табл. XXII, рис. 8. Бронза.

1927 год

Пятьдесят копеек

50. Лиц. ст. Та же, что в № 19, но высота фигуры рабочего — 19,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 19, но цифры года — «1927».
Гуртовая надпись № 11. Сер.

Двадцать копеек

51. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
Об. ст. Та же, что в № 21, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Сер.

Пятнадцать копеек

52. Лиц. ст. Та же, что в № 22.
Об. ст. Та же, что в № 22, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Сер.

Десять копеек

53. Лиц. ст. Та же, что в № 23, размер герба 11×11 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 23, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Сер.
54. Лиц. ст. Та же, что в № 23, но размер герба — 10,5×10,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 53.
Гурт рубчатый. Сер.

¹ Известны два экземпляра в коллекциях С. М. Вигилева и автора.

Пять копеек

55. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

56. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Бронза.

Две копейки¹

57. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Бронза. Очень редкая.

Одна копейка

58. Лиц. ст. Та же, что в № 49, в слове «стран» буква «т» наклонена к букве «с».
Об. ст. Та же, что в № 41, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Бронза.
59. Лиц. ст. Та же, что в № 58, но в слове «стран» буква «т» наклонена к букве «р».
Об. ст. Та же, что в № 58.
Гурт рубчатый. Бронза.

Полкопейки

60. Лиц. ст. Та же, что в № 42.
Об. ст. Та же, что в № 42, но цифры года — «1927».
Гурт рубчатый. Медь.

1928 год

Двадцать копеек

61. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
Об. ст. Та же, что в № 21, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Сер.

Пятнадцать копеек

62. Лиц. ст. Та же, что в № 22.
Об. ст. Та же, что в № 22, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Сер.

Десять копеек

63. Лиц. ст. Та же, что в № 23.
Об. ст. Та же, что в № 23, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Сер.

Пять копеек

64. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Бронза.

¹ Известна в семи экземплярах.

Три копейки

65. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Бронза.
66. Лиц. ст. С 20 копеек 1924 года — № 21; табл. XXI, рис. 9.
Об. ст. Та же, что в № 65.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

67. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

68. Лиц. ст. Та же, что в № 49, в слове «стран» буква «т» наклонена к букве «с».
Об. ст. Та же, что в 41, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Бронза.
69. Лиц. ст. Та же, что в № 49, но в слове «стран» буква «т» наклонена к букве «р».
Об. ст. Та же, что в № 68.
Гурт рубчатый. Бронза.

Полкопейки

70. Лиц. ст. Та же, что в № 42.
Об. ст. Та же, что в № 42, но цифры года — «1928».
Гурт рубчатый. Медь.

1929 год

Двадцать копеек¹

71. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
Об. ст. Та же, что в № 21, но цифры года — «1929».
Гурт рубчатый. Сер.

Пятнадцать копеек

72. Лиц. ст. Та же, что в № 22.
Об. ст. Та же, что в № 22, но цифры года — «1929».
Гурт рубчатый. Сер.

Десять копеек

73. Лиц. ст. Та же, что в № 23.
Об. ст. Та же, что в № 23, но цифры года — «1929».
Гурт рубчатый. Сер.

Пять копеек

74. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1929».
Гурт рубчатый. Бронза.

¹ В коллекции автора имеется единственный известный автору экземпляр подобного типа двадцати копеек 1929 года в бронзе (вероятно, проба нового металла старым штемпелем). Чрезвычайно редкая.

Три копейки

75. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1929».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
76. Лиц. ст. Та же, что в № 75.
Об. ст. Та же, что в № 75.
Гурт рубчатый. Бронза.
77. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1924—1931 годов, № 21 (табл. XXI, рис. 9).
Об. ст. Та же, что в № 75.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

78. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1929».
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Одна копейка

79. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1929».
Гурт рубчатый. Бронза.

1930 год

Двадцать копеек

80. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
Об. ст. Та же, что в № 21, но цифры года — «1930».
Гурт рубчатый. Сер.
81. Лиц. ст. С 3 копеек типа 1926—1935 годов (табл. XXII, рис. 6).
Об. ст. Та же, что в № 80.
Гурт рубчатый. Сер. Редкая.

Пятнадцать копеек

82. Лиц. ст. Та же, что в № 22.
Об. ст. Та же, что в № 22, но цифры года — «1930».
Гурт рубчатый. Сер.

Десять копеек

83. Лиц. ст. Та же, что в № 23.
Об. ст. Та же, что в 23, но цифры года — «1930».
Гурт рубчатый. Сер.

Пять копеек

84. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1930».
Гурт гладкий. Бронза.
85. Лиц. ст. Та же, что в № 84.
Об. ст. Та же, что в № 84.
Гурт рубчатый. Бронза.
86. Лиц. ст. Та же, что в № 84.
Об. ст. Та же, что в № 84, повернута на 180 градусов.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.
87. Лиц. ст. Та же, что в № 84.
Об. ст. Та же, что в № 84.
Гурт рубчатый. Медь. Редкая.

Три копейки

88. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1930».
Гурт гладкий. Бронза.
89. Лиц. ст. Та же, что в № 88.
Об. ст. Та же, что в № 88.
Гурт рубчатый. Бронза.
90. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1924—1931 годов, № 21 (табл. XXI, рис. 9).
Об. ст. Та же, что в № 88.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

91. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1930».
Гурт гладкий. Бронза.
92. Лиц. ст. Та же, что в № 91.
Об. ст. Та же, что в № 91.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

93. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1930».
Гурт гладкий. Бронза.
94. Лиц. ст. Та же, что в № 93.
Об. ст. Та же, что в № 93.
Гурт рубчатый. Бронза.

1931 год

Двадцать копеек¹

95. Лиц. ст. Та же, что в № 21.
Об. ст. Та же, что в № 21, но цифры года — «1931».
Гурт рубчатый. Сер. Очень редкая.
96. Лиц. ст. В центре, в линейном кружке — государственный герб СССР (см. № 18). Вокруг надпись: «*Пролетарии всех стран, соединитесь!*». Между концами надписи—тире. Вокруг надписи—линейный ободок.
Об. ст. В левой части монеты поколенное изображение рабочего, опирающегося правой рукой на фигурный щиток и держащего левой рукой молоток. На щитке в две строки «20/коп», над щитком «1931». Вокруг рисунка — линейный кружок, прерываемый головой рабочего и нижней частью щитка. По окружности слева направо надпись: «*Союз советских социалистических республик*», по краю монеты—линейный ободок.
Гурт гладкий, диаметр 22 миллиметра; табл. XXII, рис. 10. Никель. Редкая.
97. Лиц. ст. Та же, что в № 96.
Об. ст. Та же, что в № 96.
Гурт рубчатый. Никель.

¹ Подобный тип двадцати копеек 1931 года встречается и в никеле (вероятно, как проба нового металла старым штемпелем). Очень редкая.

98. Лиц. ст. С 3 копеек типа 1926—1935 годов, № 46 (табл. XXII, рис 6).
Об. ст. Та же, что в № 96.
Гурт рубчатый. Никель. Редкая.

Пятнадцать копеек¹

99. Лиц. ст. Та же, что в № 22.
Об. ст. Та же, что в № 22, но цифры года — «1931».
Гурт рубчатый. Сер. Очень редкая.
100. Лиц. ст. Та же, что в № 96.
Об. ст. Та же, что в № 96, но на щитке — «15/коп».
Гурт рубчатый, диаметр 19,5 миллиметра (табл. XXII, рис. 11).
Никель.

Десять копеек²

101. Лиц. ст. Та же, что в № 23.
Об. ст. Та же, что в № 23, но цифры года — «1931».
Гурт рубчатый. Сер. Очень редкая.
102. Лиц. ст. Та же, что в № 96.
Об. ст. Та же, что в № 96, но на щитке — «10/коп».
Гурт рубчатый, диаметр 17 миллиметров; табл. XXII, рис. 12.
Никель.

Пять копеек

103. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1931».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
104. Лиц. ст. Та же, что в № 103.
Об. ст. Та же, что в № 103.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

105. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1931».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
106. Лиц. ст. Та же, что в № 105.
Об. ст. Та же, что в № 105.
Гурт рубчатый. Бронза.
107. Лиц. ст. Та же, что в № 105.
Об. ст. Та же, что в № 105.
Гурт рубчатый. Медь. Редкая.
108. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1924—1931 годов, № 21 (табл. XXI, рис. 9).
Об. ст. Та же, что в № 105.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.
109. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1931—1934 годов, № 96 (табл. XXII, рис. 10).
Об. ст. Та же, что в № 105.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

¹ Подобный тип пятнадцати копеек 1931 года встречается и в никеле (вероятно, как проба нового металла старым штемпелем). Очень редкая.

² Подобный тип десяти копеек 1931 года встречается и в никеле (вероятно, как проба нового металла старым штемпелем). Очень редкая.

Две копейки

110. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1931».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
111. Лиц. ст. Та же, что в 110.
Об. ст. Та же, что в № 110.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

112. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1931».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
113. Лиц. ст. Та же, что в № 112.
Об. ст. Та же, что в № 112.
Гурт рубчатый. Бронза.

1932 год

Двадцать копеек

114. Лиц. ст. Та же, что в № 96.
Об. ст. Та же, что в № 96, но цифры года — «1932».
Гурт гладкий. Никель. Редкая.
115. Лиц. ст. Та же, что в № 114.
Об. ст. Та же, что в № 114.
Гурт рубчатый. Никель.
116. Лиц. ст. С 3 копеек типа 1926—1935 годов, № 46 (табл. XXII, рис. 6).
Об. ст. Та же, что в № 114.
Гурт рубчатый. Никель. Редкая.

Пятнадцать копеек

117. Лиц. ст. Та же, что в № 100.
Об. ст. Та же, что в № 100, но цифра года — «1932».
Гурт гладкий. Никель. Редкая.
- 118¹. Лиц. ст. Та же, что в № 117.
Об. ст. Та же, что в № 117.
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

119. Лиц. ст. Та же, что в № 102.
Об. ст. Та же, что в № 102, но цифры года — «1932».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

120. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1932».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

121. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1932».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.

¹ В коллекции Н. З. Цыгира имеется единственный известный автору экземпляр подобного типа пятнадцати копеек 1932 года, но в бронзе. Чрезвычайно редкая.

122. Лиц. ст. Та же, что в № 121.
Об. ст. Та же, что в № 121.
Гурт рубчатый. Бронза.
123. Лиц. ст. Та же, что в № 121.
Об. ст. Та же, что в № 121.
Гурт рубчатый. Медь. Очень редкая.
124. Лиц. ст. С 20 копеек 1931—1934 годов, № 96 (табл. XXII, рис. 10).
Об. ст. Та же, что в № 121.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

125. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что № 48, но цифры года — «1932».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
126. Лиц. ст. Та же, что в № 125.
Об. ст. Та же, что в № 125.
Гурт рубчатый. Бронза.
127. Лиц. ст. Та же, что в № 125.
Об. ст. Та же, что в № 125, но повернута на 180 градусов.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Одна копейка

128. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1932».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
129. Лиц. ст. Та же, что в № 128.
Об. ст. Та же, что в № 128.
Гурт рубчатый. Бронза.

1933 год

Двадцать копеек

130. Лиц. ст. Та же, что в № 96.
Об. ст. Та же, что в № 96, но цифры года — «1933».
Гурт гладкий. Никель. Редкая.
131. Лиц. ст. Та же, что в № 130.
Об. ст. Та же, что в № 130.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

132. Лиц. ст. Та же, что в № 100.
Об. ст. Та же, что в № 100, но цифры года — «1933».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек¹

133. Лиц. ст. Та же, что в № 102.
Об. ст. Та же, что в № 102, но цифры года — «1933».
Гурт рубчатый. Никель.

¹ В коллекции С. М. Вигилева имеется единственный известный автору экземпляр десяти копеек 1933 года (вероятно, пробный с неутвержденным рисунком).

Лиц. ст. Та же, что в № 133.

Об. ст. В центре монеты — четырехугольный, со срезанными углами выпуклый щиток. На щитке вдавлено: «10/коп/», под щитком выпукло: «1933». Слева от щитка, выпукло, три дубовых листа и жолудь, обращенный вниз. Справа и слева от щитка — дубовые листья и жолуди, обращенные вверх. Сверху над щитком — колос, стебель которого соприкасается с одним из дубовых листьев, находящихся слева от щитка. По окружности выпуклый линейный ободок (вариант типа оборотной стороны никелевых монет 1935—1936 годов). Гурт рубчатый, вес 1,8 грамма, диаметр 17,3 миллиметра; табл. XXIV, рис. 9. Никель. Чрезвычайно редкая.

Пять копеек¹

134. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в 45, но цифры года — «1933».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

135. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1933».
Гурт рубчатый. Бронза.
136. Лиц. ст. Та же, что в № 135.
Об. ст. Та же, что в № 135.
Гурт рубчатый. Медь. Очень редкая.

Две копейки

137. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1933».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

138. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1933».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
139. Лиц. ст. Та же, что в № 138.
Об. ст. Та же, что в № 138.
Гурт рубчатый. Бронза.

1934 год

Двадцать копеек²

140. Лиц. ст. Та же, что в № 96.
Об. ст. Та же, что в № 96, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Никель. Чрезвычайно редкая.

Пятнадцать копеек

141. Лиц. ст. Та же, что в № 100.
Об. ст. Та же, что в № 100, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

142. Лиц. ст. Та же, что в № 102.
Об. ст. Та же, что в № 102, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Бронза.

¹ В коллекции С. М. Вигелева имеется единственный известный автору экземпляр пяти копеек 1933 года, на котором лицевая сторона чеканена штемпелем типа бронзовых монет 1925—1936 годов.

Лиц. ст. В центре монеты — государственный герб СССР под выпуклой фигурной пятиконечной звездой (см. № 18). Под гербом полукругом прямоугольными буквами: «СССР». По окружности монеты — выпуклый линейный ободок; табл. XXII, рис. 5.

Об. ст. Та же, что в № 134.
Гурт рубчатый. Бронза. Чрезвычайно редкая.

² Единственный известный экземпляр из коллекции Государственного Эрмитажа.

Пять копеек

143. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

144. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Бронза.
145. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1931—1934 годов, № 96; (табл. XXII, рис. 10).
Об. ст. Та же, что в № 144.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

146. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

147. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1934».
Гурт рубчатый. Бронза.

1935 год

Двадцать копеек

148. Лиц. ст. В центре монеты — государственный герб СССР (см. № 18). Плоская пятиконечная звезда, в которой расстояние между концами верхнего и нижних лучей 1,66 миллиметра. Под гербом, полукругом, прямоугольными буквами: «СССР».
Об. ст. В центре монеты — четырехугольный, со срезанными углами, вдавленный щиток, на котором выпукло в две строки — «20/коп». Под щитком выпукло: «1935». По сторонам щитка слева — три дубовых листа и жолудь, обращенный вниз, справа — четыре дубовых листа и жолудь, обращенный вверх. Сверху над щитком выпукло — колос. Выпуклый чекан.
Гурт рубчатый. Диаметр 22 миллиметра; табл. XXIII, рис. 1. Никель.
149. Лиц. ст. Та же, что в № 148.
Об. ст. Та же, что в № 148. Плоский чекан.
Гурт рубчатый. Никель.
150. Лиц. ст. С 3 копеек типа 1935—1936 годов, № 160 (табл. XXIII, рис. 5).
Об. ст. Та же, что в № 148.
Гурт рубчатый. Никель. Редкая.

Пятнадцать копеек¹

151. Лиц. ст. Та же, что в № 148.
Об. ст. Та же, что в № 148, но цифры стоимости — «15».
Гурт гладкий. Диаметр 19,5 миллиметра; табл. XXIII, рис. 2.
Никель. Чрезвычайно редкая.

¹ Известна в одном экземпляре из коллекции В. Е. Быховского (Ленинград).

152. Лиц. ст. Та же, что в № 151.
Об. ст. Та же, что в № 151.
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

153. Лиц. ст. Та же, что в № 148.
Об. ст. Та же, что в № 148, но цифра стоимости — «10».
Гурт рубчатый. Диаметр 17 миллиметров; табл. XXIII, рис. 3.
Никель.

Пять копеек

154. Лиц. ст. Та же, что в № 45.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1935».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
155. Лиц. ст. Та же, что в № 154.
Об. ст. Та же, что в № 154, но цифры года — «1935».
Гурт рубчатый. Бронза.
156. Лиц. ст. Та же, что в № 148, но звезда над земным шаром выпуклая, фигурная. Расстояние между концами верхнего и нижних лучей 2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 45, но цифры года — «1935».
Гурт рубчатый. Диаметр 25 миллиметров, табл. XXIII, рис. 4.
Бронза.
157. Лиц. ст. Та же, что в № 156, но в «СССР» буква «р» приподнята ближе к гербу.
Об. ст. Та же, что в № 156.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Три копейки

158. Лиц. ст. Та же, что в № 46.
Об. ст. Та же, что в № 46, но цифры года — «1935».
Гурт рубчатый. Бронза.
159. Лиц. ст. Та же, что в № 158.
Об. ст. Та же, что в № 158.
Гурт рубчатый. Медь. Очень редкая.
160. Лиц. ст. Та же, что в № 156. Расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды 1,6 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 156, но цифра стоимости — «3».
Гурт рубчатый. Диаметр 22 миллиметра; табл. XXIII, рис. 5.
Бронза.

Две копейки

161. Лиц. ст. Та же, что в № 48.
Об. ст. Та же, что в № 48, но цифры года — «1935».
Гурт рубчатый. Бронза.
162. Лиц. ст. Та же, что в № 156. Расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды 1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 156, но цифра стоимости — «2».
Гурт рубчатый. Диаметр 18 миллиметров, табл. XXIII, рис. 6.
Бронза.

Одна копейка

163. Лиц. ст. Та же, что в № 49.
Об. ст. Та же, что в № 49, но цифры года — «1935».
Гурт рубчатый. Бронза.

164. Лиц. ст. Та же, что в № 163.
Об. ст. Та же, что в № 160, но стебли колосьев ровные, без узлов.
Гурт рубчатый. Бронза.
165. Лиц. ст. Та же, что в № 156. Расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды 1,1 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 156, но цифра стоимости — «1».
Гурт рубчатый. Диаметр 1,5 миллиметра; табл. XXIII, рис. 7.
Бронза.
166. Лиц. ст. Та же, что в № 165.
Об. ст. Та же, что в № 165, но стебли колосьев ровные, без узлов.
Гурт рубчатый. Бронза.

1936 год

Двадцать копеек

167. Лиц. ст. Та же, что в № 148.
Об. ст. Та же, что в № 148, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Никель.
168. Лиц. ст. С 3 копеек типа 1935—1936 годов, № 160; табл. XXIII, рис. 1.
Об. ст. Та же, что в № 167.
Гурт рубчатый. Никель. Редкая.

Пятнадцать копеек

169. Лиц. ст. Та же, что в № 151.
Об. ст. Та же, что в № 151, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

170. Лиц. ст. Та же, что в № 153.
Об. ст. Та же, что в № 153, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

171. Лиц. ст. Та же, что в № 156.
Об. ст. Та же, что в № 156, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

172. Лиц. ст. Та же, что в № 160.
Об. ст. Та же, что в № 160, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Бронза.
173. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1935—1936 годов, № 148; табл. XXIII, рис. 1.
Об. ст. Та же, что в № 172.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

174. Лиц. ст. Та же, что в № 162.
Об. ст. Та же, что в № 162, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

175. Лиц. ст. Та же, что в № 165; звезда выпуклая, расстояние между концами правого и левого верхних лучей 1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 165, но цифры года — «1936».
Гурт рубчатый. Бронза.
176. Лиц. ст. Та же, что в № 165; звезда плоская, соответственно расстояние 1,2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 175.
Гурт рубчатый. Бронза.
177. Лиц. ст. Та же, что в № 176; звезда плоская, но соответственно расстояние 1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 175.
Гурт рубчатый. Бронза.

1937 год

Двадцать копеек

178. Лиц. ст. Та же, что в № 148; но колосья обвиты лентой с 11 перехватами.
Об. ст. Та же, что в № 148, но цифры года — «1937».
Гурт рубчатый. Диаметр 22 миллиметра; табл. XXIII, рис. 8.
Никель.

Пятнадцать копеек

179. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры стоимости — «15».
Гурт рубчатый. Диаметр 19,5 миллиметра; табл. XXIII, рис. 9.
Никель.

Десять копеек

180. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры стоимости — «10».
Гурт рубчатый. Диаметр 17 миллиметров; табл. XXIII, рис. 10.
Никель.

Пять копеек

181. Лиц. ст. Та же, что в № 156, но колосья обвиты лентой с 11 перехватами.
Об. ст. Та же, что в № 156, но цифры года — «1937».
Гурт рубчатый. Диаметр 25 миллиметров; табл. XXIII, рис. 11.
Бронза.

Три копейки

182. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифра стоимости — «3».
Гурт рубчатый, диаметр 22 миллиметра; табл. XXIII, рис. 12.
Бронза.

Две копейки

183. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифра стоимости — «2».
Гурт рубчатый, диаметр 18 миллиметров; табл. XXIII, рис. 13.
Бронза.

Одна копейка

184. Лиц. ст. Та же, что в № 181; выпуклая звезда, колосья с остями.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифра стоимости — «1».
Гурт рубчатый, диаметр 15 миллиметров; табл. XXIII, рис. 14.
Бронза.

185. Лиц. ст. Та же, что в № 184. Выпуклая звезда, колосья справа от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 184.
Гурт рубчатый. Бронза.
186. Лиц. ст. Та же, что в № 184. Звезда плоская. Расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды 1,2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 184.
Гурт рубчатый. Бронза.
187. Лиц. ст. Та же, что в № 184; звезда плоская, но расстояние между концами верхнего и нижних лучей 1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 184.
Гурт рубчатый. Бронза.

1938 год

Двадцать копеек

188. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1938».
Гурт рубчатый. Никель.
189. Лиц. ст. С 3 копеек типа 1937—1946 годов, № 182; табл. XXIII, рис. 12.
Об. ст. Та же, что в № 188.
Гурт рубчатый. Никель. Редкая.

Пятнадцать копеек

190. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1938».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

191. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1938».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

192. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1938».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
193. Лиц. ст. Та же, что в № 192.
Об. ст. Та же, что в № 192.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

194. Лиц. ст. Та же, что в № 182.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1938».
Гурт рубчатый. Бронза.
195. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1937—1946 годов, № 178 (табл. XXIII, рис. 12).
Об. ст. Та же, что в № 194.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

196. Лиц. ст. Та же, что в № 183.
Об. ст. Та же, что в № 183, но цифры года — «1938».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

197. Лиц. ст. Та же, что в № 184; звезда выпуклая, расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды—1,2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 184, но цифры года — «1938».
Гурт рубчатый. Бронза.
198. Лиц. ст. Та же, что в № 197; звезда выпуклая, расстояние между концами верхнего и нижних лучей—1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 197.
Гурт рубчатый. Бронза.
199. Лиц. ст. Та же, что в № 197; звезда выпуклая, расстояние между концами верхнего и нижних лучей—0,8 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 197.
Гурт рубчатый. Бронза.
200. Лиц. ст. Та же, что в № 199, но расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды—0,8 миллиметра, колосья справа от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 197.
Гурт рубчатый. Бронза.
201. Лиц. ст. Та же, что в № 184; звезда плоская. Колосья с остьями.
Об. ст. Та же, что в № 197.
Гурт рубчатый. Бронза.
202. Лиц. ст. Та же, что в № 201; звезда плоская, колосья справа от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 197.
Гурт рубчатый. Бронза.
203. Лиц. ст. Та же, что в № 201; звезда плоская. Колосья без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 197.
Гурт рубчатый. Бронза.

1939 год

Двадцать копеек

204. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1939».
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

205. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1939».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

206. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1939».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

207. Лиц. ст. Та же, что в № 181; размер герба 16,5×16,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1939».
Гурт рубчатый. Бронза.
208. Лиц. ст. Та же, что в № 207, но размер герба 16,75×16,75 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 207.
Гурт рубчатый. Бронза.

209. Лиц. ст. Та же, что в № 207, но звезда другого рисунка.
Об. ст. Та же, что в № 207.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

210. Лиц. ст. Та же, что в № 182. Расстояние между концами правого и левого верхних лучей звезды 2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1939».
Гурт гладкий. Бронза. Редкая.
211. Лиц. ст. Та же, что в № 210, но расстояние между концами правого и левого верхних лучей звезды 1,6 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 210.
Гурт рубчатый. Бронза.
212. Лиц. ст. Та же, что в № 210, но звезда мельче и колосья справа от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 210.
Гурт рубчатый. Бронза.
213. Лиц. ст. С 20 копеек 1937—1946 годов, № 178 (табл. XXIII, рис. 8).
Об. ст. Та же, что в № 210.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

214. Лиц. ст. Та же, что в № 183.
Об. ст. Та же, что в № 183, но цифры года — «1939».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

215. Лиц. ст. Та же, что в № 184; звезда выпуклая, расстояние между концами верхнего и нижних лучей—1,2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 184, но цифры года — «1939».
Гурт рубчатый. Бронза.
216. Лиц. ст. Та же, что в № 215; звезда выпуклая, но расстояние между концами верхнего и нижних лучей—1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 215.
Гурт рубчатый. Бронза.
217. Лиц. ст. Та же, что в № 216; звезда выпуклая, колосья по сторонам земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 215.
Гурт рубчатый. Бронза.
218. Лиц. ст. Та же, что в № 215, но звезда плоская.
Об. ст. Та же, что в № 215.
Гурт рубчатый. Бронза.
219. Лиц. ст. Та же, что в № 216, но звезда плоская.
Об. ст. Та же, что в № 215.
Гурт рубчатый. Бронза.

1940 год

Двадцать копеек

220. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

221. Лиц. ст. Та же, что в № 179; размер герба 13,5×13 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Никель.
222. Лиц. ст. Та же, что в № 179. Размер герба 13×13 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 221.
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

223. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

224. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

225. Лиц. ст. Та же, что в № 182.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Бронза.

Две копейки

226. Лиц. ст. Та же, что в № 183.
Об. ст. Та же, что в № 183, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

227. Лиц. ст. Та же, что в № 184; в звезде над земным шаром расстояние между концами верхнего и нижних лучей — 1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 184, но цифры года — «1940».
Гурт рубчатый. Бронза.
228. Лиц. ст. Та же, что в № 227; в звезде над земным шаром расстояние между верхним и нижними лучами — 0,8 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 227.
Гурт рубчатый. Бронза.

1941 год

Двадцать копеек

229. Лиц. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1941».
Об. ст. Та же, что в № 178.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

230. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1941».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

231. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1941».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

232. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1941».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

233. Лиц. ст. Та же, что в № 182.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1941».
Гурт рубчатый. Бронза.
234. Лиц. ст. Та же, что в № 233.
Об. ст. Та же, что в № 233. Верхняя горизонтальная часть
цифры «3» короче и более изогнута.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

235. Лиц. ст. Та же, что в № 183.
Об. ст. Та же, что в № 183, но цифры года — «1941».
Гурт рубчатый. Бронза.
236. Лиц. ст. Та же, что в № 235, но колосья с правой стороны зем-
ного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 235.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

237. Лиц. ст. Та же, что в № 184.
Об. ст. Та же, что в № 184, но цифры года — «1941».
Гурт рубчатый. Бронза.
238. Лиц. ст. Та же, что в № 237, но колосья с правой стороны зем-
ного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 237.
Гурт рубчатый. Бронза.

1942 год¹

Двадцать копеек

239. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1942».
Гурт рубчатый. Никель.
240. Лиц. ст. Та же, что в № 239, но колосья с правой стороны земного
шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 239.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

241. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1942».
Гурт рубчатый. Никель.

¹ Бронзовые монеты этого года не встречаются.

Десять копеек

242. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1942».
Гурт рубчатый. Никель.

1943 год¹

Двадцать копеек

243. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года: «1943».
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

244. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1943». Расстояние между цифрой стоимости «1» и нижним обрезом щита — 3,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.
245. Лиц. ст. Та же, что в № 244.
Об. ст. Та же, что в № 244, но расстояние между цифрой стоимости «1» и нижним обрезом щита — 3,75 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

246. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1943».
Гурт рубчатый. Никель.
247. Лиц. ст. Та же, что в № 246. Колосья слева от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 246.
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

248. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1943».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

249. Лиц. ст. Та же, что в № 182.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1943».
Гурт рубчатый. Бронза.

1944 год²

Двадцать копеек

250. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1944».
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

251. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1944».
Гурт рубчатый. Никель.

¹ Копейки и двухкопеечники этого года не встречаются.

² Бронзовые монеты этого года не встречаются.

Десять копеек

252. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1944».
Гурт рубчатый. Никель.

1945 год

Двадцать копеек

253. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1945».
Гурт гладкий. Никель. Редкая.
254. Лиц. ст. Та же, что в № 253.
Об. ст. Та же, что в № 253.
Гурт рубчатый. Никель.
255. Лиц. ст. Та же, что в № 253, но звезда над земным шаром отсутствует.
Об. ст. Та же, что в № 253.
Гурт рубчатый. Никель. Редкая.

Пятнадцать копеек

256. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1945».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

257. Лиц. ст. Та же, что в № 180.
Об. ст. Та же, что в № 180, но цифры года — «1945».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

258. Лиц. ст. Та же, что в № 181.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1945».
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

259. Лиц. ст. Та же, что в № 182.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1945».
Гурт рубчатый. Бронза.

Две копейки

260. Лиц. ст. Та же, что в № 183, с остьями на колосьях.
Об. ст. Та же, что в № 183, но цифры года — «1945».
Гурт рубчатый. Бронза.
261. Лиц. ст. Та же, что в № 260, но без остьев на колосьях.
Об. ст. Та же, что в № 260.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

262. Лиц. ст. Та же, что в № 184, звезда выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 184, но цифры года — «1945». Высота цифры «4» в цифрах года 1,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.

263. Лиц. ст. Та же, что в № 262, звезда выпуклая, колосья справа от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 262, высота цифры «4» в цифрах года — 1,3 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
264. Лиц. ст. Та же, что в № 262, но звезда плоская.
Об. ст. Та же, что в № 262.
Гурт рубчатый. Бронза.

1946 год

Двадцать копеек

265. Лиц. ст. Та же, что в № 178.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1946».
Гурт рубчатый. Никель.
266. Лиц. ст. Та же, что в № 265, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 265.
Гурт рубчатый. Никель.
267. Лиц. ст. Та же, что в № 265, но колосья справа от земного шара без остьев.
Об. ст. Та же, что в № 265.
Гурт рубчатый. Никель.
268. Лиц. ст. Та же, что в № 265.
Об. ст. Та же, что в № 265, с правой стороны от земного шара над жолудем вместо трех — один дубовый лист.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

269. Лиц. ст. Та же, что в № 179.
Об. ст. Та же, что в № 179, но цифры года — «1946»; размер цифр года: «1» — 2 миллиметра; «9» — 2,8 миллиметра; «4» — 2,5 миллиметра; «6» — 2,2 миллиметра; расстояние между цифрами «4» и «6» — 0,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.
270. Лиц. ст. Та же, что в № 269.
Об. ст. Та же, что в № 269; размер цифр года — тот же, расстояние между цифрами «4» и «6» — 0,75 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.
271. Лиц. ст. Та же, что в № 269.
Об. ст. Та же, что в № 269, но размер цифр года меньше: «1» — 1,7 миллиметра; «9» — 2,1 миллиметра; «4» — 2,2 миллиметра; «6» — 1,9 миллиметра; расстояние между цифрами «4» и «6» — 0,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.
272. Лиц. ст. Та же, что в № 269.
Об. ст. Та же, что в № 271; размер цифр года тот же, расстояние между цифрами «4» и «6» — 0,75 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.
273. Лиц. ст. Та же, что в № 270.
Об. ст. Та же, что в № 270; дубовый лист справа от щита крупнее (2,6 миллиметра).
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

274. Лиц. ст. Та же, что в № 270.
Об. ст. Та же, что в № 270, но цифры года — «1946».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

275. Лиц. ст. Та же, что в № 181; звезда над земным шаром выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1946». Размер цифры года «6» — 2 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
276. Лиц. ст. Та же, что в № 275; звезда над земным шаром выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 275. Размер цифры года «6» — 1,8 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
277. Лиц. ст. Та же, что в № 275, но звезда над земным шаром плоская.
Об. ст. Та же, что в № 275; размер цифры года «6» — 2 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
278. Лиц. ст. Та же, что в № 277. Звезда над земным шаром плоская.
Об. ст. Та же, что в № 276, но размер цифры года «6» — 1,8 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

279. Лиц. ст. Та же, что в № 182.
Об. ст. Та же, что в № 182, но цифры года — «1946». Размер цифры года «6» — 1,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
280. Лиц. ст. Та же, что в № 279.
Об. ст. Та же, что в № 279, но размер цифры года «4» — 1,25 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
281. Лиц. ст. С 20 копеек 1937—1946 годов, № 178 (табл. XXIII, рис. 8).
Об. ст. Та же, что в № 279; размер цифры года «4» — 1,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.
282. Лиц. ст. Та же, что в № 281 (с 20 копеек типа 1937—1946 годов).
Об. ст. Та же, что в № 277; размер цифры года «4» — 1,25 миллиметра.
Гурт рубчатый. Бронза.

Две копейки

283. Лиц. ст. Та же, что в № 183. Размер звезды в гербе 1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 183; цифры года — «1946».
Гурт рубчатый. Бронза.
284. Лиц. ст. Та же, что в № 283, но размер звезды в гербе — 1,4 мм.
Об. ст. Та же, что в № 283.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

285. Лиц. ст. Та же, что в № 184; звезда над земным шаром выпуклая, крупная; расстояние между концами верхнего и нижних лучей — 1 миллиметр.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1946».
Гурт рубчатый. Бронза.

286. Лиц. ст. Та же, что в № 285, но звезда меньшего размера, то же расстояние равно 0,8 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 285.
Гурт рубчатый. Бронза.
287. Лиц. ст. Та же, что в № 184, но звезда над земным шаром плоская.
Об. ст. Та же, что в № 185.
Гурт рубчатый. Бронза.

1948 год¹

Двадцать копеек

288. Лиц. ст. Та же, что в № 178, но колосья обвиты лентой с 16 перехватами. Ширина герба 15,5 миллиметра, расстояние между гербом и второй буквой «С» в «СССР»—0,4 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 178, но цифры года — «1948».
Гурт рубчатый, диаметр 22 миллиметра; табл. XXIV, рис. 1.
Никель.
289. Лиц. ст. Та же, что в № 288, но расстояние между гербом и второй буквой «С» в «СССР»—0,2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 288.
Гурт рубчатый. Никель.
290. Лиц. ст. Та же, что в № 288, но ширина герба—15 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 288.
Гурт рубчатый. Никель.
291. Лиц. ст. Та же, что в № 288, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 288.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

292. Лиц. ст. Та же, что в № 288.
Об. ст. Та же, что в № 288, но цифры стоимости—«15», размер жолудя справа от щитка 1,0×1,75 миллиметра.
Гурт рубчатый. Диаметр 20,5 миллиметра; табл. XXIV, рис. 2.
Никель.
293. Лиц. ст. Та же, что в № 292, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 292, но размер жолудя справа от щитка 0,75×1,5 миллиметра.
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

294. Лиц. ст. Та же, что в № 289.
Об. ст. Та же, что в № 289, но цифры стоимости — «10».
Гурт рубчатый. Диаметр 17 миллиметров; табл. XXIV, рис. 3.
Никель.
295. Лиц. ст. Та же, что в № 294, но солнце с выпуклым венчиком, нет рисунка колосьев между перехватами ленты.
Об. ст. Та же, что в № 294.
Гурт рубчатый. Никель.
296. Лиц. ст. Та же, что в № 294, но солнце с выпуклым венчиком; рисунок колосьев между перехватами ленты виден; высота букв «СССР» — 1,75 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 294.
Гурт рубчатый. Никель.

¹ Монеты, чеканенные с датой «1947», не встречаются.

297. Лиц. ст. Та же, что в № 295, но высота букв «СССР»—1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 294.
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

298. Лиц. ст. Та же, что в № 181, но колосья обвиты лентой с 16 перехватами. Плоский чекан.
Об. ст. Та же, что в № 181, но цифры года — «1948».
Гурт рубчатый, диаметр 25 миллиметров; табл. XXIV, рис. 4.
Бронза.
299. Лиц. ст. Та же, что в № 298; выпуклый чекан. Солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 298.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

300. Лиц. ст. Та же, что в № 298. Расстояние между верхним и нижними лучами звезды над земным шаром 1,9 миллиметра; плоский чекан.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифра стоимости — «3».
Гурт рубчатый, диаметр 22 миллиметра; табл. XXIV, рис. 5.
Бронза.
301. Лиц. ст. Та же, что в № 300, но выпуклый чекан, солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 300.
Гурт рубчатый. Бронза.
302. Лиц. ст. Та же, что в № 300, но расстояние между верхним и нижними лучами звезды над земным шаром 2,1 миллиметра. Чекан плоский.
Об. ст. Та же, что в № 300.
Гурт рубчатый. Бронза.
303. Лиц. ст. Та же, что в № 300, но выпуклый чекан, солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 300.
Гурт рубчатый. Бронза.

Две копейки

304. Лиц. ст. Та же, что в № 298. Звезда над земным шаром выпуклая. Расстояние между верхним и нижними ее лучами 1,6 миллиметра; солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифра стоимости — «2».
Гурт рубчатый, диаметр 18 миллиметров; табл. XXIV, рис. 6.
Бронза.
305. Лиц. ст. Та же, что в № 304. Звезда над земным шаром выпуклая, но расстояние соответственно — 1,5 миллиметра. Солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 304.
Гурт рубчатый. Бронза.
306. Лиц. ст. Та же, что в № 304, звезда над земным шаром выпуклая, расстояние соответственно 1,5 миллиметра, солнце без выпуклого венчика.
Об. ст. Та же, что в № 304.
Гурт рубчатый. Бронза.

307. Лиц. ст. Та же, что в № 304. Звезда над земным шаром выпуклая, но расстояние соответственно 1,3 миллиметра. Солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 304.
Гурт рубчатый. Бронза.
308. Лиц. ст. Та же, что в № 304. Звезда над земным шаром плоская; расстояние между концами верхнего и нижних лучей—1,6 миллиметра. Солнце без выпуклого венчика.
Об. ст. Та же, что в № 304.
Гурт рубчатый. Бронза.
309. Лиц. ст. Та же, что в № 308. Звезда над земным шаром плоская, но расстояние между концами верхнего и нижних лучей—1,4 миллиметра. Солнце без выпуклого венчика.
Об. ст. Та же, что в № 304.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

310. Лиц. ст. Та же, что в № 298. Диаметр земного шара—5 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифра стоимости «1».
Гурт рубчатый. Диаметр 15 миллиметров; табл. XXIV, рис. 7.
Бронза.
311. Лиц. ст. Та же, что в № 310. Диаметр земного шара—4,75 миллиметра. Звезда над земным шаром выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 310.
Гурт рубчатый. Бронза.
312. Лиц. ст. Та же, что в № 311, но звезда над земным шаром плоская.
Об. ст. Та же, что в № 310.
Гурт рубчатый. Бронза.

1949 год

Двадцать копеек

313. Лиц. ст. Та же, что в № 288. Размер герба 14,5×14,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 288, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Никель.
314. Лиц. ст. Та же, что в № 313, но размер герба 15,25×15,5 миллиметра; солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 313.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

315. Лиц. ст. Та же, что в № 292.
Об. ст. Та же, что в № 292, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

316. Лиц. ст. Та же, что в № 294.
Об. ст. Та же, что в № 294, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

317. Лиц. ст. Та же, что в № 298.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Бронза.
318. Лиц. ст. Та же, что в № 317, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 317.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

319. Лиц. ст. Та же, что в № 300, размер герба 15×15,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 300, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Бронза.
320. Лиц. ст. Та же, что в № 300, размер герба 15×15 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 319.
Гурт рубчатый. Бронза.
321. Лиц. ст. Та же, что в № 300; размер герба 14,75×15 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 319.
Гурт рубчатый. Бронза.
322. Лиц. ст. Та же, что в № 300; размер герба 14,75×14,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 319.
Гурт рубчатый. Бронза.
323. Лиц. ст. Та же, что в № 300; размер герба 14,5×14,75 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 319.
Гурт рубчатый. Бронза.
324. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1948—1952 годов, № 288 (табл. XXIV, рис. 1).
Об. ст. Та же, что в № 319.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

325. Лиц. ст. Та же, что в № 304.
Об. ст. Та же, что в № 304, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

326. Лиц. ст. Та же, что в № 310. Звезда над гербом выпуклая. Расстояние между концами верхнего и нижних лучей 1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 310, но цифры года — «1949».
Гурт рубчатый. Бронза.
327. Лиц. ст. Та же, что в № 326. Звезда над гербом выпуклая, но расстояние между концами верхнего и нижних ее лучей—1,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 326.
Гурт рубчатый. Бронза.
328. Лиц. ст. Та же, что в № 310. Звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 326.
Гурт рубчатый. Бронза.

1950 год

Двадцать копеек

329. Лиц. ст. Та же, что в № 288.
Об. ст. Та же, что в № 288, но цифры года — «1950».
Гурт рубчатый. Никель.
330. Лиц. ст. Та же, что в № 329, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 329.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

331. Лиц. ст. Та же, что в № 292.
Об. ст. Та же, что в № 292, но цифры года — «1950».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

332. Лиц. ст. Та же, что в № 294.
Об. ст. Та же, что в № 294, но цифры года — «1950».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

333. Лиц. ст. Та же, что в № 298; звезда плоская, расстояние между концами верхнего и нижних лучей 2,5 миллиметра; солнце без выпуклого венчика.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифры года — «1950».
Гурт рубчатый. Бронза.
334. Лиц. ст. Та же, что в № 333, но расстояние соответственно 2,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 333.
Гурт рубчатый. Бронза.
335. Лиц. ст. Та же, что в № 334, но звезда выпуклая и солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 333.
Гурт рубчатый. Бронза.
336. Лиц. ст. Та же, что в № 335, но расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды — 2 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 333.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

337. Лиц. ст. Та же, что в № 300. Солнце без выпуклого венчика, звезда над гербом выпуклая, буквы «СССР» соприкасаются с нижней частью герба.
Об. ст. Та же, что в № 300, но цифры года — «1950».
Гурт рубчатый. Бронза.
338. Лиц. ст. Та же, что в № 337, но буквы «СССР» не соприкасаются с гербом.
Об. ст. Та же, что в № 337.
Гурт рубчатый. Бронза.
339. Лиц. ст. Та же, что в № 338, но звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 337.
Гурт рубчатый. Бронза.

340. Лиц. ст. Та же, что в № 338, солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 337.
Гурт рубчатый. Бронза.

Две копейки

341. Лиц. ст. Та же, что в № 304. Солнце без выпуклого венчика, звезда над гербом выпуклая. Расстояние между верхним и нижними ее лучами 1,75 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 304, но цифры года — «1950».
Гурт рубчатый. Бронза.
342. Лиц. ст. Та же, что в № 341, но звезда плоская и расстояние соответственно 1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 341.
Гурт рубчатый. Бронза.
343. Лиц. ст. Та же, что в № 341, но солнце с выпуклым венчиком и расстояние между концами верхнего и нижних лучей звезды — 1,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 341.
Гурт рубчатый. Бронза.
344. Лиц. ст. Та же, что в № 342, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 341.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

345. Лиц. ст. Та же, что в № 310; звезда над гербом выпуклая, расстояние между концами верхнего и нижних лучей 1,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 310, но цифры года «1950».
Гурт рубчатый. Бронза.
346. Лиц. ст. Та же, что в № 345, но расстояние соответственно 1,1 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 345.
Гурт рубчатый. Бронза.
347. Лиц. ст. Та же, что в № 310; звезда над гербом плоская, расстояние между концами верхнего и нижних ее лучей—1,25 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 345.
Гурт рубчатый. Бронза.
348. Лиц. ст. Та же, что в № 347, но расстояние соответственно — 1,1 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 345.
Гурт рубчатый. Бронза.

1951 год

Двадцать копеек

349. Лиц. ст. Та же, что в № 288.
Об. ст. Та же, что в № 288, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

350. Лиц. ст. Та же, что в № 292.
Об. ст. Та же, что в № 292, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

351. Лиц. ст. Та же, что в № 294.
Об. ст. Та же, что в № 294, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

352. Лиц. ст. Та же, что в № 298.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Бронза.
353. Лиц. ст. Та же, что в № 352, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 352.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

354. Лиц. ст. Та же, что в № 300; солнце без выпуклого венчика, звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 300, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Бронза.
355. Лиц. ст. Та же, что в № 354, но звезда выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 354.
Гурт рубчатый. Бронза.
356. Лиц. ст. Та же, что в № 300, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 354.
Гурт рубчатый. Бронза.
357. Лиц. ст. С 20 копеек типа 1948—1952 годов, № 288 (табл. XXIV, рис. 1).
Об. ст. Та же, что в № 354.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

358. Лиц. ст. Та же, что в № 304; звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 304, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Бронза.
359. Лиц. ст. Та же, что в № 358, но звезда над гербом выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 358.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

360. Лиц. ст. Та же, что в № 310.
Об. ст. Та же, что в № 310, но цифры года — «1951».
Гурт рубчатый. Бронза.

1952 год

Двадцать копеек

361. Лиц. ст. Та же, что в № 288.
Об. ст. Та же, что в № 288, но цифры года — «1952».
Гурт рубчатый. Никель.
362. Лиц. ст. Та же, что в № 361, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 361.
Гурт рубчатый. Никель.

Пятнадцать копеек

363. Лиц. ст. Та же, что в № 292.
Об. ст. Та же, что в № 292, но цифры года — «1952».
Гурт рубчатый. Никель.

Десять копеек

364. Лиц. ст. Та же, что в № 293.
Об. ст. Та же, что в № 293, но цифры года — «1952». Выпуклый чекан.
Гурт рубчатый. Никель.
365. Лиц. ст. Та же, что в № 364.
Об. ст. Та же, что в № 364. Плоский чекан.
Гурт рубчатый. Никель.

Пять копеек

366. Лиц. ст. Та же, что в № 298; солнце без выпуклого венчика, размер герба 17,5×17 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 298, но цифры года — «1952».
Гурт рубчатый. Бронза.
367. Лиц. ст. Та же, что в № 366, но размер герба 17×17 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 366.
Гурт рубчатый. Бронза.
368. Лиц. ст. Та же, что в № 366, но размер герба 17×16,5 миллиметра.
Об. ст. Та же, что в № 366.
Гурт рубчатый. Бронза.
369. Лиц. ст. Та же, что в № 298; солнце с выпуклым венчиком, размер герба 16,5×17 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 366.
Гурт рубчатый. Бронза.
370. Лиц. ст. Та же, что в № 369, размер герба 17×17 миллиметров.
Об. ст. Та же, что в № 366.
Гурт рубчатый. Бронза.

Три копейки

371. Лиц. ст. Та же, что в № 300; звезда над гербом выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 300, но цифры года — «1952».
Гурт рубчатый. Бронза.
372. Лиц. ст. Та же, что в № 300; звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 371.
Гурт рубчатый. Бронза.
373. Лиц. ст. С 20 копеек 1948—1952 годов, № 288 (табл. XXIV, рис. 1).
Об. ст. Та же, что в № 371.
Гурт рубчатый. Бронза. Редкая.

Две копейки

374. Лиц. ст. Та же, что в № 304; звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 304, но цифры года — «1952».
Гурт рубчатый. Бронза.
375. Лиц. ст. Та же, что в № 374, но звезда над гербом выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 374.
Гурт рубчатый. Бронза.

376. Лиц. ст. Та же, что в № 375, но солнце с выпуклым венчиком.
Об. ст. Та же, что в № 374.
Гурт рубчатый. Бронза.

Одна копейка

377. Лиц. ст. Та же, что в № 310; звезда над гербом плоская.
Об. ст. Та же, что в № 310, но цифры года — «1952».
Гурт рубчатый. Бронза.
378. Лиц. ст. Та же, что в № 377, но звезда над гербом выпуклая.
Об. ст. Та же, что в № 377.
Гурт рубчатый. Бронза.
-

1

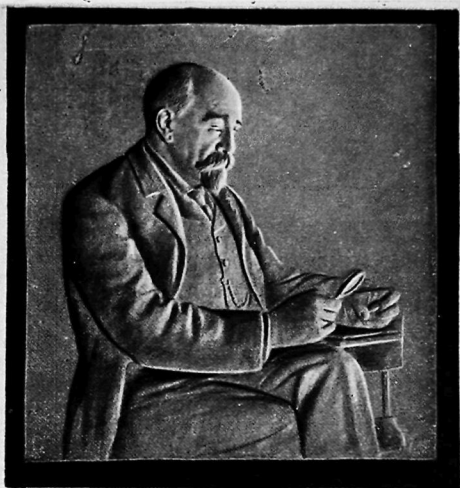
2

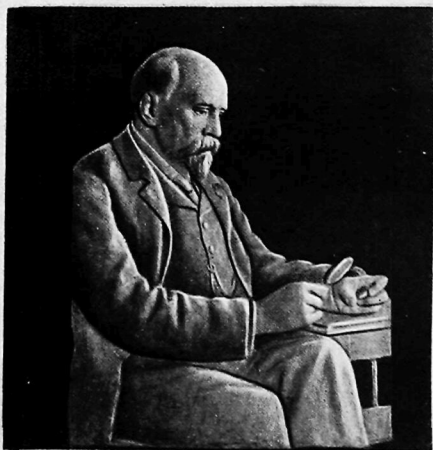
3

Таблица I

1 — серебряная плакета с позолоченным изображением статера, поднесенная А. В. Орешникову; 2 — серебряная пластинка на крышке дубового футляра для плакеты (с металла, в натуральную величину. Переснято из тетради А. В. Орешникова); 3 — гипсовые отливки со штемпелей лицевой и оборотной сторон жетона

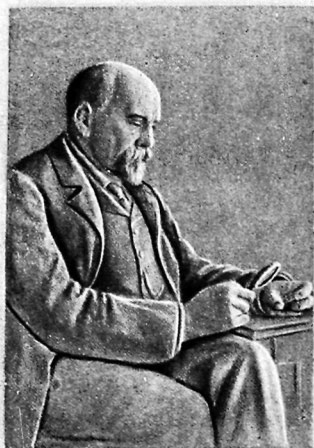
1

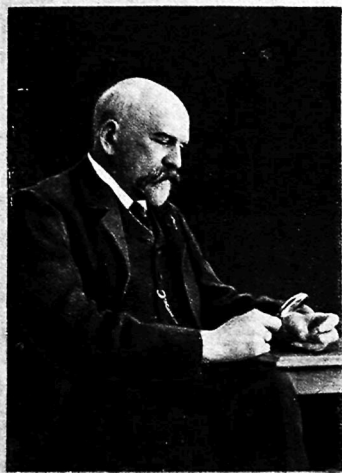
2

Таблица II

1 — гипсовый отлив с воскового оригинала лепки А. А. Грилихеса (переснято из тетради А. В. Орешникова); 2 — лепка Грилихеса, исправленная М. А. Скудновым (с оригинала размером $22 \times 22,5$ см)

1

3

2

Таблица III

1 — свинцовые отпечатки с неоконченных штемпелей работы М. А. Скуднова (с металла, натуральная величина); 2 — фотография А. В. Орешникова, 11 января 1911 г.; 3 — изображение статера архонта, Гигиэонта на плакете и гипсовая копия с оригинала в золоте (ГИМ, Отд. нум., шв. II-II № 44)

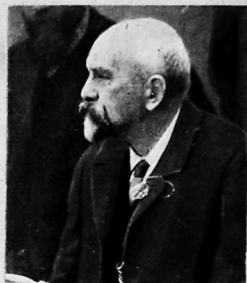

Таблица IV

1 — плакета работы Е. И. Малышева (гипс.); 2 — портретная группа, снятая 11 мая 1908 г. Сидят за столом (слева направо): С. И. Чижев, П. В. Зубов, А. В. Орешников, Г. Г. Клиngerг. Стоят: С. В. Прохоров, Ф. И. Прове, А. А. Карзинкин; 3 — деталь портретной группы; 4 — изображение статера на плакете и гипсовая копия с оригинала в золоте

Таблица V

1 — штемпели лицевой и оборотной сторон плакетки Г. И. Малышева (натуральная величина); 2 — штемпели лицевой и оборотной сторон жетона (натуральная величина)

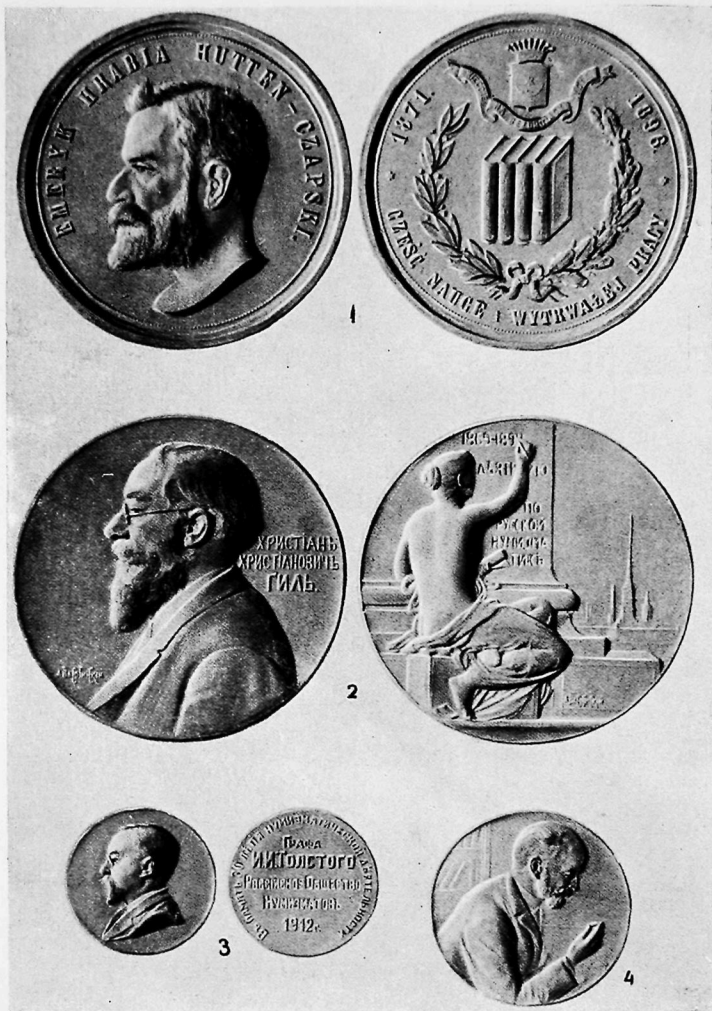

Таблица VI

1 — медаль в честь гр. Э. К. Гуттен-Чапского. Серебро (ГИМ. Отд. нум., инв. № 63890/10810; $\frac{3}{4}$ натуральной величины); 2 — медаль в память 25-летия нумизматической деятельности Х. Х. Гиля. Бронза (ГИМ. Отд. нум., инв. № 63890/4230); 3 — медаль в память 30-летия нумизматической деятельности гр. И. И. Толстого. Серебро (ГИМ. Отд. нум., инв. № 63201/5336); 4 — односторонняя медаль в честь М. Г. Деммени (ГИМ. Отд. нум., инв. № 63890/4330)

МЕДАЛЬ серебряная Вызолоченная Великим Врубель Ложного Цря Димитрія
 Которой была рошрита. Обрѣтається въ кабинетѣ Царевѣ

ДИМИТРИЙ ІВАНОВИЧЪ БЖІЕНЪ
 МЛТНЮ ЦРЬ ІВЕЛИКІЙ КНЗЪ ВСЕЯ
 РУССІИ ИВІТ. КРАЛЕВІСНВЪ ІИНЫ
 МНОГИХЪ ЦАРСТВЪ.

МОСКОВСІИ МОИДРХВ. ПОЛСІИ
 ЦАРЬ. КОРОЛЬ И ОБЛАДАТЕЛЬ
 ИЦАРСКОЙ

П
 ОР. ХС.
 ОПОЛО.

1605.
 ГОДЪ

(Faint Latin inscription, likely a description or inventory note from a collection, partially illegible due to fading.)

Таблица VII
 Медаль. Лжедмитрия. Альбом Эрмитажа

СЕРЕБРЕННОЙ ТРИЖЕННИКЪ ЦРЯ ФЕОДОРА ИВАНОВИЧА, наодной сторонѣ
 Сво персона наиконтъ. Обрѣтылася внабимѣтѣ Упопа, непторой падалъ
 СТО ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
 старья копѣи. Яко Слѣзъ Близъ Воспрѣсенного митра

ЦРЯ ИВЕЛИКІИ КНЗЯ
 ФЕОДОРЪ ИВАНОВИЧЪ
 ВСЕЯ РОССІИ

Д. Р. ХС
 01000
 1590
 годъ

Таблица VIII

Дарственная монета Федора Ивановича. Альбом Эрмитажа

Медалія спісіся діланя Привелико Кнзе Іванѣ Васи́льевичѣ
вѣтомѣ С. гервонцовѣ. їмѣстца внабикѣтѣ Уойвгшцина бабѣшнина

БЖІЮ МЛТИЮ ЦРЬ И Великіи
КНЗЬ ІВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ. Всей
росіи Владимерскіи московскіи .

новгородскіи . Псковскіи . Тверскіи .
полотскіи . ЦРЬ КАЗАНСКІИ
ЦРЬ АСТРАХАНСКІИ

о Р. хлто
около
1560.
годѣ

Таблица IX

Медаль Ивана Грозного. Альбом Эрмитажа

РУБЛЕВИКЪ ЦРЯ СЛЕУТА МИХАЙЛОВИЧА ДѢЛАНЪ ИЗМЕЩАГО ПАЛЕРА . ЛѢТА .
 О . С . МИРА : 7162 : а б . р . хс . 1654 . ПОПТОРОИ ННѢ ОБРѢТАЕТСЯ ВНОБИНѢАТЪ УПЕТРА САХРО-
 МѢВНИЧА МЕЛЛЕРА . ТАКИЕ СЮТЪ УЕГО СВѢТЛОСТИ ТЕРЦОГА БРХНІСВІТЕНСИТО .

Таблица X

Рубль Алексея Михайловича. Альбом Эрмитажа

ЧЕРВО́НЕЦЪ ЦРЯ ІВА́НА ВАСИ́ЛЬЕВИЧА, ІМѢЮЩАГО
УГЕРЦОГА БРЪНІСЛА́ВІТСКАГО

БЖІЮ МПТНЮ ЦРЬ ІВАНКІИ
КНЗЪ ІВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ВСЯ РОССІИ

1
0 P:
хртоде
1560
ГДА

Таблица XII

Червонец Ивана Грозного. Альбом Эрмитажа

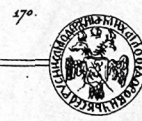
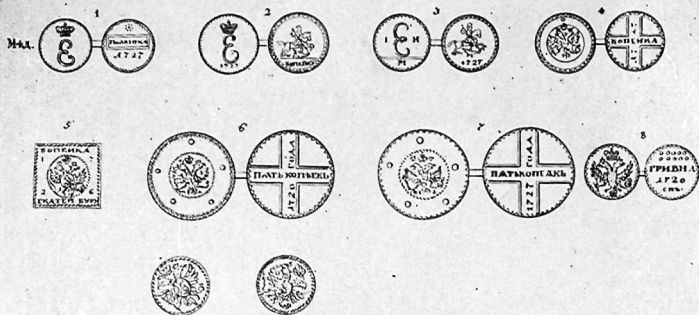

Таблица XIII
Из таблиц Леклерка

Императрица Екатерина Алексеевна

Императоръ Петръ Второй

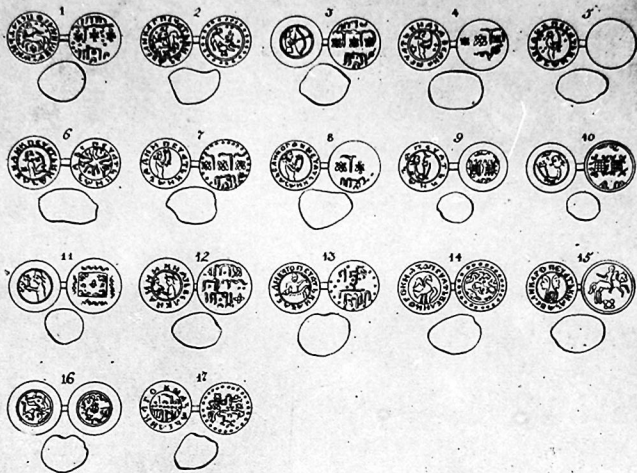

Таблица XV

Таблица к каталогу Минцкабинета Кунсткамеры. Монеты Екатерины II и Петра II. Эрмитаж

Денги Россійскія съ шаптарскою подписью неизяемые

Князь Великій Іванъ Ивановичъ

Князь Великій Дмитрій Ивановичъ

Князь Великій Василей Дмитріевичъ

Таблица XVI

Таблица к каталогу Минцкабинета. Неизвестные монеты и монеты вел. кн. Московскаго. Эрмитаж

Великіє князѣ 2 Тверскіє

Князь великіи Иванъ Михайловичъ

Князь Александръ Ивановичъ

Князь великіи Юрій

Князь великіи Борисъ Александровичъ

Князь великіи Михайлъ

Таблица XVII

Таблица к каталогу Минцкабинета. Тверские монеты. Эрмитаж

Денги московскія

Денги Тверскія

Денга Можанская

Денги Кашинскія

Денга Суздальская

Денги Рязанскія

Денги Новгородскія

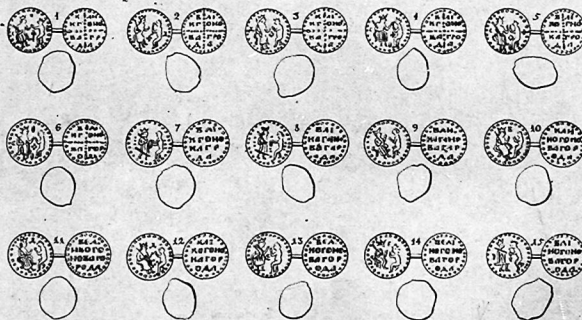
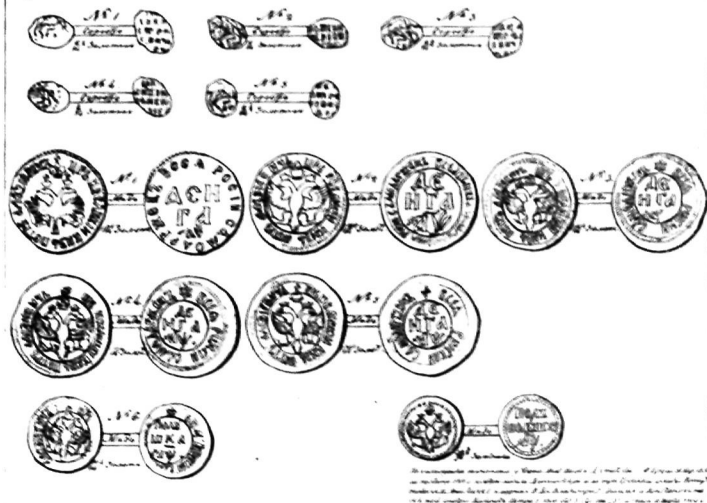

Таблица XVIII

Таблица к каталогу Минцкабинета. Монеты городов. Эрмитаж

Монеты Царя и Великого Князя Петра Алексеевича
1700 года

Всё изображено по рисунку и копии, сделанные в 1870 году. В некоторых случаях, когда оригиналы не сохранились, использованы копии, сделанные в 1870 году. В некоторых случаях, когда оригиналы не сохранились, использованы копии, сделанные в 1870 году.

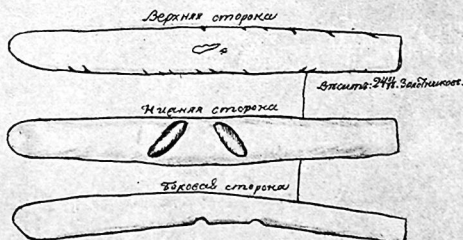
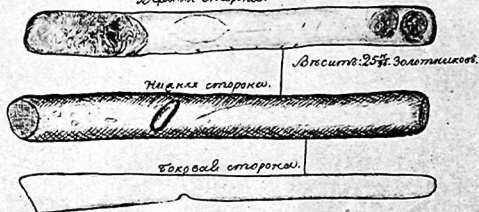
Признак победы под Нарвою
изображена в медальоне

Таблица XIX

Гравированная таблица Г. И. Лисенко. Монеты Петра I

Слитки серебра наывысшем Литовскими рублями и да руды
 были, кои в XIV^м и в XV^м века могли быть рублями в России
 Но ни когда и ни где гривнами; до XII^м века полурублями.
 Верхняя сторона.

На первом слитке сверху толстого конца, при застывании
 серебра образовалась неровность, которая в среднем краю
 идет в кусты расветы; на тонком конце срао куче-
 лчатые волнистости, и в конце на правой стороне

Таблица XX

Каталог Г. И. Лисенко, т. I. Литовские слитки. Гос. публичная библиотека
 им. Салтыкова-Щедрина

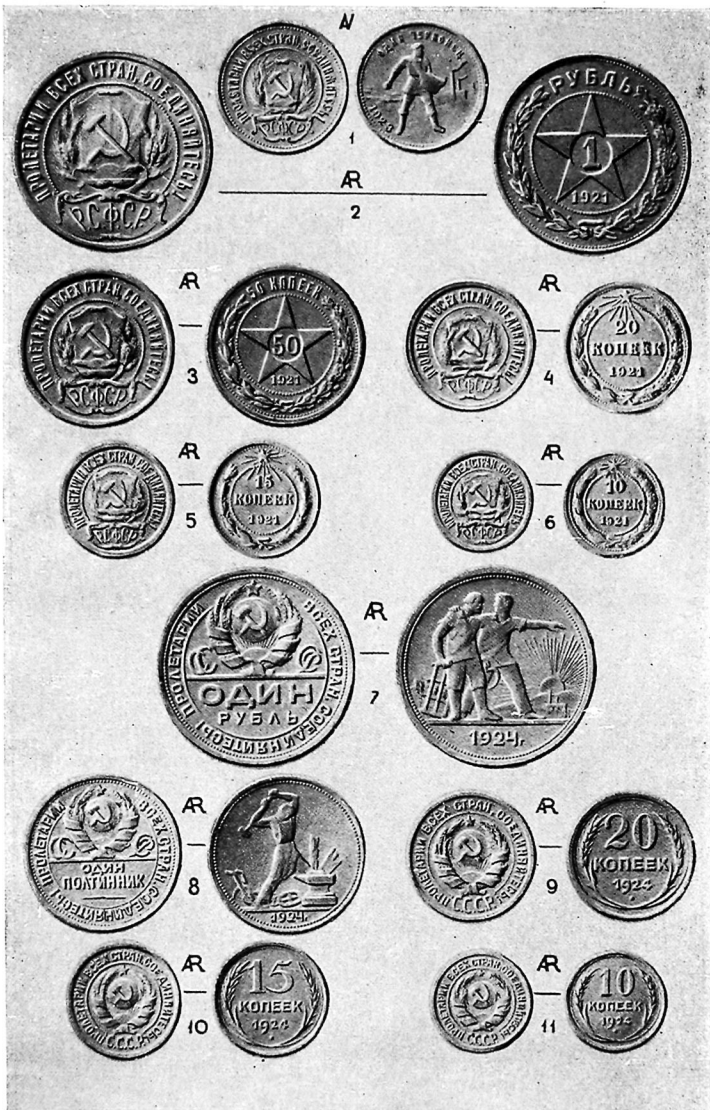

Таблица XXI

Типы монет советского чекана 1921—1924 годов

Таблица XXII

Типы монет советского чекана 1924—1931 годов

Таблица XXIII

Типы монет советского чекана 1935—1937 годов

Пробные монеты и металлические боны

Таблица XXIV

Типы монет советского чекана 1948 года; пробные монеты и металлические боны

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
РБС — Русский биографический словарь
Материалы — Материалы по истории Академии наук
МНО — Московское нумизматическое общество
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИАН — Известия Академии наук
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ОИДР — Общество истории и древностей российских
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
СУ — Собрание Указаний
ИГР — История Государства Российского
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редактора	
А. В. Арциховский, доктор исторических наук. <i>Памяти А. В. Орешникова</i>	7
<i>Список печатных работ А. В. Орешникова (Составлен В. Л. Яниным)</i>	13
В. Л. Янин, кандидат исторических наук. <i>О начале псковской монетной чеканки (неопубликованное открытие А. В. Орешникова)</i>	21
А. Н. Луппол. <i>Плакета в честь А. В. Орешникова</i>	24
И. Г. Спасский, кандидат исторических наук. <i>Очерки по истории русской нумизматики</i>	34
В. Л. Янин, кандидат исторических наук, С. А. Янина. <i>Начальный период рязанской монетной чеканки</i>	109
Н. Д. Мец. <i>Московская деньга новгородского типа</i>	124
Е. С. Щукина. <i>Резчики монетных штемпелей второй половины XVII века Федор Байков и Юрий Фробус</i>	128
С. П. Форгинский. <i>Описание советских монет за период с 1921 по 1952 год</i>	132
Иллюстрации. Таблицы I—XXIV.	
Список сокращений	

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Часть I

Редактор И. М. Левина

Художник-оформитель В. Е. Оффман

Художественный и технический редактор

Н. И. Дмитриевская

Корректор З. Т. Цейтлина

Сдано в набор 30/X 1954 г. Подп. к печати
27/XII 1954 г. Форм. бум. 70×108/16. Физ. печ. л.
11,75 +13 вкл. Усл. печ. л. 19,00875. Уч.-изд.
л. 17,62. Тираж 5000. АО8759. Изд. инд. ДМ-11.
Цена 10 р. 70 к. Госкультпросветиздат, Москва,
проезд Владимирова, 9-а. Тип. «Московский
печатник», Москва, Лялин пер., 6. Заказ № 3101

*Издательство просит читателей
свои отзывы об этой книге
присылать по адресу:
Москва, проезд Владимирова, д. 9-а
Госкультпросветиздат*

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине допу- щена опе- чатка
80	27 снизу	1912	1812	типографии
144	22 сверху	4 золотника, 21 доля	4 золотника 21 доля	автора
Там же	24 сверху	18 грамм (4 з. 21 д. (П. Л.) [*] .	18 грамм (4 з. 21 д.) П. Л. [*] .	.
.	28 сверху	9 грамм (2 з. 10, 5 д.) (Т. Р.) [*] .	9 грамм (2 з. 10, 5 д.) Т. Р. [*] .	.
.	30 сверху	(2 з. 10, 5 д. П. Л.) [*] .	(2 з. 10, 5 д.) П. Л. [*] .	.
.	33 сверху	9 грамм П. Л. [*] .	9 грамм (П. Л.) [*] .	.

Нумизматический сборник

